

**Анна
ОРАНСКАЯ**

ХАБАЛКА

BOSTON PUBLIC LIBRARY
Copley Square

Анна
ОРАНСКАЯ

ХАБАЛКА

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2000

ББК 84 (2Рос-Рус)6
О-63

*Оранская, Анна
Хабалка
(Russian)*

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оранская А.

О-63 Хабалка: Роман. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. — 384 с.

ISBN 5-237-05207-X

Она — женщина, которая сделала себя сама. Женщина, которая из провинциальной нищеты сумела прорваться к богатству, роскоши, власти. Женщина, которая никогда не выбирала средств в борьбе с врагами. А значит, враги тоже не будут выбирать средств, чтобы уничтожить ее...

© А. Оранская, 2000

© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000

...Это было так странно, что она замерла на полушаге, недоуменно глядя на коврик у своей двери. Красивый коврик в сине-зеленую шотландскую клетку, с шотландцем в углу в традиционном костюме и словами «Welcome home». Коврик, который она пару месяцев назад купила в Лондоне — настолько он ей понравился. И даже приклеила его к полу, чтобы не сперли — потому что у нее уже пару раз воровали коврики какие-то уроды. А класть дерьмо не хотелось.

Сейчас на коврике лежали три карты — в самом центре, одна к одной. Лежали так, что непохоже было, что их тут уронили случайно. И то, какие это были карты — валет, дама и король пик, — только подтверждало намеренность действия. Совершенного непонятно кем и непонятно зачем.

Она бы черт знает сколько так простояла на пороге, если б не запищавший в сумке мобильный, вырвавший ее из оцепенения, заставивший вздрогнуть.

— Ола! Ола! — Голос с сильным кавказским акцентом произносил ее имя как «Ола», с жутко твердым «л». — Ты меня слышишь, Ола? Это Вахтанг тебе звонит. Не забыла?

— Да, привет, Вахтанг, — произнесла рассеянно, не отводя глаз от карт на коврике. — Не забыла, нет...

— Что-то не так, Ола? Есть проблемы? Говори, все решим...

— Да нет, все о'кей. — Оцепенение не проходило, впившийся в карты взгляд сковывал мозг, не давая отвлечься. — Просто... люди у меня... Я перезвоню, о'кей?

Голос с акцентом что-то говорил эмоционально, но она отключилась и сунула мобильный обратно в сумочку. Наконец завершая прерванный шаг и выходя из квартиры. Сразу замечая, что дорога к лифту тоже выстлана картами — только не выложенными старательно, а валяющимися небрежно.

Она огляделась, словно думала, что увидит того, кто это сделал, — но никого не было ни на просторной лестничной площадке, ни на ведущих вниз и вверх длинных лестничных пролетах. И тишина стояла.

Она вставила ключ в замок, тут же отворачиваясь от двери, не желая стоять к лестнице спиной, закрывая дверь вслепую, хотя долго не могла попасть ключом во второй замок, нижний. А потом, спохватившись, с надеждой посмотрела на

коврик у двери напротив — убогий резиновый коврик, затянутый сползшей тряпкой. Зато безо всяких карт.

Вызванный лифт неохотно полз к ее этажу. А она стояла к нему спиной, словно боялась отвернуться от площадки. Ей почему-то было немного страшно — и неприятно, будто эти карты означали что-то. Будто кто-то пометил ими ее дверь — для кого-то или чего-то очень плохого.

Она вдруг решительно шагнула к своей двери, поддевая три аккуратно уложенных картинки носком туфли, сбрасывая их с коврика резким движением, толкая к лестнице. Каблуки были тонкие и высокие, и ей было неудобно, но она успокоилась, только когда три картинки полетели вниз с площадки, улегшись на ступеньках. А за ними и остальные.

Ей показалось, что так лучше, — и она улыбнулась, поворачиваясь к терпеливо ждавшему ее лифту. Замечая, что и там лежат карты — штук семь или десять. И облегченно выдыхая — потому что зря психанула, потому что это просто какой-то идиот растерял колоду.

Карты были и внизу — они вели от лифта к входной двери, будто какой-то мальчик размером с пальчик из современной новорусской сказки кидал их, чтобы потом найти по ним путь обратно. И на ступеньках у подъезда они тоже были. И в арке, чьи тяжелые железные ворота какой-то автомобиленена-

вистник запер на цепь, стянув вместе массивные створки и увенчав цепь замком, так что осталась неширокая щель. В которую она протиснулась, чтобы пройти во дворик, где оставляла машину, — и выехать через него в соседний переулок.

«Ну и дура ты, подруга!» — бросила себе, успокаиваясь, удивляясь вспышке эмоций, улыбаясь, представив себя со стороны. Молодую эффектную высокую блондинку в дорогом брючном костюме от Ферре, темно-сером в тончайшую белую полоску, черном пальто и черных тонких ботинках от него же, ожесточенно пинающую какие-то бумажки. Увидел бы кто — решил бы, что свихнулась баба.

Темная прохладная арка кончилась, и она свернула налево — туда, где в глубине двора по соседству с другими иномарками стоял ее двухсотый «мерседес». Она его всегда тут ставила — с тех пор как переехала два месяца назад в эту квартиру. Самый центр, парковки рядом нет, у подъезда ставить стремновато — в наше время людей в искушение вводить ни к чему. А улочка — именуемая гордо улицей, но, по сути, представляющая собой почти безлюдный и безмашинный переулок — хоть и тихая, но выходит на Садовое, а ее дом как раз на самом углу. То есть если парковаться у подъезда, машину видно издалека и всем, Садовое и днем и ночью живет, а значит, есть соблазн вскрыть, завести и рвануть куда глаза глядят.

Она тогда еще удивилась, что у дома одни «Жигули» стоят, — хотя перед тем, как купить квартиру, прошлась по дому, чтобы посмотреть, с кем соседствовать придется, и увидела пару навороченных металлических дверей, свидетельствовавших, что за ними живут совсем не бедные люди. А потом случайно заглянула во дворик как-то в выходной — увидев спрятанные в его глубине иномарки. Двор большой, народу много, бабки сидят, мамы с детьми прохаживаются, по ночам народ с собаками гуляет — а выезд только один. Причем ведущая из двора дорожка такая узкая, что, брось кто на ней машину, не выедешь уже. Стремно угонять отсюда, короче.

Улыбка потускнела, когда она снова посмотрела под ноги — заметив, что разбросанные вроде бы хаотично карты ведут к ее «мерсу». И что-то похолодело внутри, когда, подойдя к машине, заметила еще три карты, прижатые к стеклу дворником. Ровно и плотно прилепившиеся друг к другу карты — валет, дама и король червей. В следующую же секунду вырванные ею из-под куска черной резины и смятые зло.

Она никогда не была суеверной — равно как и трусливой. Всегда уверенная, расчетливая, жесткая — без слюней, соплей и сантиментов. Да и хрен бы она добилась чего-то, будь она иной. Но сейчас стало как-то не по себе — потому что какая-то сволочь отметила картами путь от ее квар-

тиры до ее машины. И почему-то оставила на коврикe и под стеклом три одинаковых — если не считать масти — картинки.

Она повернулась нервно, но сзади не было никого, — а потом начала выхватывать прыгающим, дергающимся взглядом куски двора, высматривая кого-то, по кому можно было бы понять сразу, что это сделал он. Кого-то прячущегося, или отворачивающегося поспешно, или делающего вид, что он просто забрел сюда подышать воздухом.

Глаза замерли, вцепившись в мужика в открытом окне «восьмерки», стоящей на другой стороне двора, у самого выезда. А потом метнулись на окно позади него — к счастью, закрытое. К счастью, потому что ей вдруг подумалось, что это он сунул ей карты под дворник, чтобы она не сразу села в «мерс», а застряла тут — пока сидящий на заднем сиденье его машины киллер, высунувший в окно ствол винтовки, не выцелит ее быстренько и не нажмет на спуск.

Она не увидела ни киллера, ни ствола — и вообще никого подозрительного. И все тихо было и мирно, и в скверике в центре двора бабка сидела на скамейке, а на соседней пристроилась молодая девка с коляской. Да и вообще киллеру проще было бы подкараулить ее в подъезде — жильцов не много, длиннющие пролеты между этажами, огромные лестничные площадки всего с двумя квартирами на ги-

гантском пространстве, в которое в новостройках бы впихнули пару квартирных отсеков. Или заминировать машину.

Ей стало неудобно от этой мысли — но и стоять тут было неудобно, казалось, что кто-то смотрит на нее сейчас, кто-то враждебный, многоглазый, из окон и из-за машин и из-за неплотно прикрытых подъездных дверей. Так что надо было решаться и выбирать какое-то действие. Но только не бежать обратно домой — где, кстати, ее уже тоже могли караулить в расчете, что она вернется, испугавшись, — и не на Садовое за такси. Глупо и стыдно и вообще лишнее. Даже в том случае, если кто-то ее пасет. Увидят, что боится, — осмелеют и точно кончат. Увидят, что ей все это до одного места, — может, и испугаются, передумают, откажутся.

«Да пошел ты!» — бросила, обращаясь к невидимому врагу, решительно всаживая ключ в замок. Любимая сумка все от того же Ферре полетела внутрь, обиженно упав на сиденье, грустно вздрогнула захлопнутая с силой дверь, привыкшая к более любовному обхождению. И двигатель — который она оживила после минутной паузы, снова послав на три буквы того, кто мог пихнуть что-то под днище «мерса», — завопил недовольно и тут же захлебнулся. И даже зажигалка, которой она чиркала нервно, дала огонь только с пятой-шестой попытки. А сигарета от слишком глубокой затяжки съежилась, втягиваясь, желтея, теряя красоту.

Она опустила стекло, стараясь как можно медленнее выдохнуть дым. Говоря себе, что хватит психовать, потому что это вовсе ничего не значит. Если бы ее хотели убить — так убили бы давно. Но раз не сделали этого еще — значит, боятся. А вот ей бояться ни к чему — с самого начала знала, что работа рискованная, как, впрочем, и любой нынешний бизнес, в котором крутятся большие бабки и есть ожесточенная конкуренция.

Конечно, это вовсе ничего не значило — подумала еще раз, затяжкой сокращая и без того короткую жизнь сигареты чуть ли не на треть. Просто какой-то придурок пошутил вот так. Какой-нибудь ненавистник новых русских, знающий, где она живет и на чем ездит, — мало их, что ли, тут, в самом центре Москвы, где большинство жильцов бедны и убоги? А может, это тот же Вахтанг, решивший навестить ее с утра пораньше, звонивший в дверь, — она крепко спала, она бы не услышала, тем более что дверь в спальню закрыла. Вот он и позвонил по мобильному, чтоб рассказать, — а она его отшила, и, значит, он объявится попозже и признается, что это сделал. Хотя, может, это был кто-то еще, кому она понадобилась с утра пораньше.

На часах было полдвенадцатого — она проспала сегодня, что с учетом ночных приключений было неудивительно, легла-то только в полшестого. Вот и результат — не выспалась, и голова чуть побали-

вала, хотя пившееся вечером и ночью вино было дорогим и качественным, ну и психанула. Четыре часа сна — все-таки маловато. Да и перепила, что скрывать — давно так не набиралась. Так чего удивляться?

Она вытащила из пачки вторую сигарету, прикуривая, начиная успокаиваться. Намеренно переключая мысли на вчерашний день — чтобы отвлечься. И тут же снова улыбаясь, легко и естественно — потому что это были приятные воспоминания.

Вообще смешно все получилось. Неожиданно, непривычно и забавно — прямо как в кино. Вчера, в воскресенье, встречалась днем с одним клиентом в японском суши-баре около Пассажа, а потом зашла в сам Пассаж — помада диоровская кончилась. А потом вышла и двинулась к машине, которую бросила в переулке минутах в десяти ходьбы — забыла, что воскресенье, думала, что хрен припаркуешься тут. Ну и пошла — а тут «мерс» едет пятисотый вдоль пустой улицы и сигналит. Она даже не сразу поняла, что ей. И тут он прямо на тротуар выехал, дорогу ей перекрывая. И кавказец какой-то за рулем ей улыбается — садись, мол, разговор есть.

Было бы другое настроение, она бы его послала — не девчонка же. Но тут все о'кей было, с ценным клиентом договорилась обо всем, осталось только бумаги составить официальные — и кавказец ее развеселил почему-то. Ну и села, отметив

красоту отделки пятисотого, навороты всякие. И то, что хозяин — высокий, чуть грузноватый, лет сорока пяти, в самом соку мужик — одет дорого и часы на руке штук за десять минимум.

Черт его знает, за кого он ее принял. Но в любом случае, когда представился и спросил, чем она занимается, она уклончиво ответила — отдыхаю, мол, наслаждаюсь жизнью. А он и начал — что, мол, человек он богатый, куча фирм, бизнес идет вовсю, несмотря на кризис этот паскудный. А вот с женщинами дела не очень — постоянной нет, а проституток не любит. И в лоб — ты, мол, мне понравилась, давай съездим куда-нибудь сегодня, пообедаем, а потом ко мне, дом у меня за городом. Если в койке мне подойдешь, станешь моей постоянной, все классно у тебя будет, останешься довольна.

Смех, короче. Еще набрал кому-то по мобильному — ей показалось, что для нее специально, понтануться хотел, чтобы более сильное впечатление произвести. И начал интересоваться грозно, почему до сих пор не растаможен его новый джип «лексус» и что, если до вторника не сделают, он голову открутит. А потом стал ей про себя плести все подряд — и что у него диабет, и с желудком проблемы, и здоровье он бережет, и только в грузинских ресторанах питается, к которым и ее приучит, и сауну очень любит, у него своя на участке, ей понравится там сегодня.

А она молчала. Кивала, улыбалась, поднимала брови, округляла глаза, делая вид, что впечатлена, просто показывать не хочет — как бы цену себе набивает или раздумывает, соглашаться или нет. Хотела уже поинтересоваться, сколько денег он ей предлагает за постоянное, так сказать, сожителство и какие дополнительные блага прилагаются к регулярной зарплате любовницы. И тут мобильный в сумочке затрезвонил, выдав ее раньше времени, не дав приколоться как следует. Был бы кто другой на том конце, она бы сказала, что перезвонит, — но это Серега был, зам ее, с важными новостями, поэтому и беспокоил в воскресенье.

Вахтанг, как мобильный увидел, сразу заскучал — ну она и решила оторваться по полной. И, выслушав Серегу, выдала ему, что клиент, с которым встречалась только что, зам по связям с общественностью одного из крупнейших банков, согласился процентов на девяносто пять, чтобы их агентство всю рекламу банка на себя взяло. И что пусть Серега ей напомнит на телевидение позвонить в понедельник — ей надо бы с людьми на ОРТ встретиться завтра-послезавтра. И всякое такое.

А потом на Вахтанга этого посмотрела — у него прям челюсть отвисла. Ну и добила его, попросив до того переулка подвезти, где ее машина стоит, — и небрежно указав ему на свой «мерс». Трехлетний — но на вид новенький. А потом поинтересовалась так

невинно, неужели она ему разонравилась — то звал куда-то, а то молчит.

— Ну ты, Оля, даешь, — только и выдавил. — Я думал, просто девушка красивая гуляет. А ты...

Ну она с ним тут же работу и провела. Что за фирмы у него, и не нужна ли им реклама, и кого он знает близко из тех, кто ей по работе может быть нужен, — с улыбкой все так, игриво, но по делу. А когда узнала, что одна из его фирм машинами торгует и реклама не помешала бы — только оригинальная, получше, чем у конкурентов, ну и солидная, конечно, на высоком уровне, денег не жалко, — похвалила себя. Красавица ты, мол, подруга.

— Ну так в какой ресторан вы меня приглашаете? — спросила наконец, закончив с делами. — Насчет дачи, бани и секса обещать ничего не буду — но от ресторана не откажусь...

Ну и поехали — все равно не было сегодня никаких дел, а главное, сделано уже, и настроение супер. Там недалеко было, самый центр, в переулке маленьком — место ей неизвестное, неприметное, зальчик небольшой, а кухня классная. И вино тоже — она бутылку одна выпила. А потом подумала, что в принципе можно и к нему поехать. Хотя не в ее привычках с первым встречным ложиться, но мужик приятный, возбуждает, да и пригодиться может. А совместить приятное с полезным — это всегда с удовольствием.

Так и получилось. Выпили еще вина, потом она сама ему про баню напомнила — он не решался уже, — лицемерно посетовав, что купальник забыла, но в сауне ведь можно и в полотенце посидеть? И поехали к нему. Дом впечатлил, видно, что денег в него вложено до черта и больше, — а внутри хотя и хватало безвкусицы, но ей все равно понравилось.

Он ушел сауну готовить, а она разделась в одной из комнат, взяв у него халат, — постояла перед зеркалом, подумав, что хрен ей дашь двадцать девять и в одежде, и без. Тело упругое, грудь высокая, никаких растяжек и целлюлитов — а про лицо и говорить нечего. И куча денег, которую она тратит на массаж, тренажеры, солярий и косметику, не впустую выбрасывается, совсем нет.

Когда в сауну вошла, сняв халат в предбаннике, у него чуть глаза на лоб не вылезли и полотенце приподнялось, которым прикрылся. Так и ерзал, пока там сидели, его не снимая. А потом...

Она сладко поежилась, вспоминая, как было потом. Классно было. Мужик сильный, горячий, опытный, в этом деле толк знает. Да и распалился, видно, от эффектной блондинки — небось не пробовал таких никогда, шлюх каких-нибудь трахал. А тут разошелся как молодой. По крайней мере она четыре раза кончила — и он дважды. А когда ему минет делала, чуть не помер — стонал в

голос, торопил, за волосы хватал, навстречу двигался, а она руки отводила и дразнила, пока он не взорвался. Еле отдышался потом.

Но, похоже, не наелся — и все остаться уговаривал. Хотя она ему с самого начала сказала, что спит только одна и только дома. И провожать потащился — ты выпила, мол, много, если не увижу, что доехала спокойно, волноваться буду. Так и ехали — он на своем «мерсе» впереди, она на своем сзади. Потом еще подняться хотел — но она отказала, весело так, со смехом, необидно совсем. Для первого вечера и так чересчур много всего было.

Так что чего удивляться, что психанула с утра? Четыре часа сна, бурная ночь, от которой до сих пор тело болело — и грудь, им наласканная, и пониже все, и казалось, даже губы припухли от получасового минета, и ноги, которые чуть не свело, когда сверху на нем прыгала, то ускоряя темп, то останавливаясь, специально не давая кончить быстро. Да еще и чуть ли не три бутылки вина. Тут психанешь, после такого-то.

Она взяла с соседнего сиденья скомканные карты, распрямляя их, думая, что для Вахтанга они слишком дешевы, — да и для всех, кого она знала, тоже, они бы для такой шутки чего подороже купили. Правда, она не помнила, чтобы называла Вахтангу номер квартиры, — она с ним у лифта попрощалась, зная, что, если поднимутся на этаж,

он уже не упрется, у него брюки каменные были, она случайно бедром того места коснулась, когда он ее прижал к себе. И из других знакомых новый адрес ее домашний знали, может, два человека на работе — секретарша и зам.

Но сейчас ей не хотелось об этом думать. Сейчас ей было в общем все равно, кто это сделал. И она разгладила их, три паскудные картинки — безобидные, просто не вовремя ей попавшиеся, — а потом порвала одним движением. И высунула руку с обрывками в окно, разжимая ладонь, пуская пестрые бумажки в свободный полет.

А потом, выбросив их еще и из головы, повернула ключ в замке зажигания и, нажав на газ, выехала со двора, уверенно протиснувшись по узкой дорожке вдоль прижавшихся к стене дома машин. Слишком много дел было, слишком классной была жизнь, чтобы думать о каком-то дерьме.

Тем более совсем незначительном...

1

— И слушай — только между нами пока. — Она посмотрела на сидящего напротив Сергея. Как всегда при галстукe, в костюме, чисто выбритый, надушенный Келвином Кляйном, аккуратно причесанный. Маленькой рукой с отполированными ногтями держащий подаренную ей монблановскую ручку с платиновым колпачком. Посверкивающий очками в дорогой оправе, увеличивающими крошечные умные глазки. И в который раз подумала, что он на вид типичный педик — да и у Кляйна парфюм «унисекс», случайно он им пользуется, что ли? И хотя ей плевать, все же интересно, так это или нет. — Между нами, о'кей?

Зам кивнул почтительно, превращаясь в одно большое ухо. Деловит, умен, со связями, с огромным опытом — и вдобавок еще и весьма уважителен и крайне вежлив, безо всякий фамильярности.

Идеальный зам в общем. С самого начала был таким, как только она сюда пришла два с лишним года назад, в марте 97-го. И ни разу не показал, что огорчен, что не его назначили, — хотя наверняка догадывался, за какие заслуги именно она стала директором.

Сам он в рекламном бизнесе был черт знает сколько лет, а она, кроме журналистики, ни в чем не разбиралась, — но он сразу повел себя правильно. И все поворачивал так, словно его умные мысли принадлежат на самом деле ей — словно только ее заслуга в том, что агентство получает все новых клиентов и новые заказы. А когда у нее стали появляться свои мысли и свои связи, стал еще уважительнее — может, поэтому так и не перешел на ты, хотя она не раз предлагала.

— В общем, близкие мне люди с человеком одним переговорили — фамилию пока называть не буду, сам догадаешься. — Она подмигнула ему, вызвав вежливую улыбку в ответ. — Он в президентских выборах участвовать решил на следующий год — а осенью еще и в губернаторских, есть там у него вариант. Так вот, мне процентов на девяносто обещали, что предвыборную нам отдадут, и одну, и другую — неплохо?

Глаза Сергея округлились, и даже тонкогубый рот приоткрылся — известие, как она и рассчитывала, произвело на него впечатление.

— Думскую кампанию ему урод этот делает, Синицын. — Она чуть скривилась, вспомнив главного своего конкурента, который не раз переходил дорогу. Ну то есть не переходил — он ее загораживал, он одним из первопроходцев был в рекламном бизнесе, крупнейшее агентство возглавлял, так что большинство выгодных заказов ему доставалось автоматически. — Но человек мой близкий забросил там, что мы пока качественнее сделаем все. А какие там суммы задействованы, тебе говорить не надо. На губернаторскую он много не даст, там вся смета в три миллиона, по-моему, в пять максимум, — а уж на президентскую выложится полностью.

Упоминание о миллионах было лишним — Сергей не хуже ее понимал, о каких цифрах речь. Но все равно кивал ошарашенно, глядя на нее с благоговейным восторгом — на нее, через свои связи нашедшую такого клиента, о котором любой рекламщик может только мечтать. И ей был приятен его взгляд, он льстил самолюбию и тешил тщеславие — суперпрофи оказывал ей уважение как не менее профессиональному человеку.

— У меня встреча с представителем его на этой неделе — в пятницу или в выходные. Так что ты пока дела все отложи, составь мне бумаги, какие могут понадобиться — и по конторе нашей, и по президентской кампании. Общее направление,

концепция, слоганы, может быть, изменение имиджа — оригинальное что-нибудь, новое, неожиданное, так, чтобы сразу поняли, с кем дело имеют. Представитель-то его ладно — он на обратку рассчитывает, что мы отстегнем процент, — а вот для самого что-то такое нужно, чтобы он сразу просек, что с Синицей зря связался и что только с нами дело иметь надо. Чтоб загорелся. Он мужик с закидонами — ты понял, о ком я? Ну вот и составь что-нибудь такое в его духе — чтоб волосы на себе рвать начал от восторга...

Сергей так и вышел, кивая ей потрясенно, пятясь спиной. Заставляя довольно улыбнуться, когда за ним закрылась дверь. Она сама была в шоке, когда узнала, что дело почти сделано. Столько просила Андрея, чтобы свел ее с этим типом, — с тех пор как узнала, что они знакомы, — а он все тянул. То некогда ему, то того нет, то сам уезжает — в таком духе. Она уже даже подумала, что он соврал, может, — ну ляпнул просто так, а теперь не знает, как от нее отделаться. Да и какие могут у известного политика, который чуть ли не каждый день в телевизоре мелькает, быть отношения с криминальным авторитетом? То есть понятно какие — но Андрей хоть и крутой, есть все же и покруче.

Ей даже показалось в какой-то момент, что он ее на три буквы пошлет, если она ему еще раз про

его обещание напомним. Тем более что он ничего не обещал — сказал, что, может быть, и познакомит, и все. И в общем, вполне мог заявить ей, что и так ей сделал больше, чем ее папа с мамой и все остальные, вместе взятые, — что именно благодаря ему и агентство ее процветает, и она сама. Такая фраза, правда, не в его стиле была — он хоть авторитет, а из профессорской семьи, вежливый, интеллигентный, — но что-то в таком духе сказать мог. Или намекнуть хотя бы.

Ей ни к чему было его напрягать — она дорожила их отношениями. Но не могла успокоиться — особенно когда узнала, что Сеницын с политиком этим работает, мать его так. Он на рынке уже лет семь был, Сеницын, — один из самых первых, — так что удивляться было нечему, в общем, что у него такие клиенты. Но лично ее он бесил — с тех самых пор, как два года назад, когда она только пришла в бизнес, он забрал официальный подряд на 850-летие Москвы, не оставив ее агентству ни кусочка. А в начале этого года, когда делили юбилей Пушкина, отхватил самый крупный кусок, на который претендовала она.

По кабакам водила кого надо и намекала, что отстегнет приличный процент, если заказ получит, — а этот урод ее облапошил как дуру. И еще ухмыльнулся, когда потом столкнулись на одном мероприятии, — так со смыслом ухмыльнулся,

словно знал, что она злобится на него. «Злишь, злишь, дура! — так примерно его ухмылка говорила. — Под кого хочешь ложись, а один хер вечно в жопе будешь».

А вот теперь, кажется, в жопе оставался уже он. В глубокой и немой. И плевать, что он к ней относится как к дуре, которая пробивает себе дорогу тем, что у нее между ног. Плевать, что догадывается, как она вообще оказалась в рекламе, а может, и знает. Главное, что она его обставила — и серьезно.

Она улыбнулась довольно, напоминая себе, что нужно позвонить Андрею и уточнить насчет встречи с представителем заказчика, — Андрей сказал, что, может, ей и с самим повезет познакомиться сразу, но рассчитывать на это не стоит, хотя шанс есть. Но как бы там ни вышло, все равно надо еще раз сказать спасибо и наговорить кучу комплиментов — он хоть и крутой, а она знает, что ему приятно, когда она им восхищается. Когда он ей на прошлой неделе позвонил и заметил как бы невзначай, что давнюю просьбу ее выполнил, она ему так долго и усердно льстила, рассыпалась в таких благодарностях, что он, похоже, даже смутился.

И еще и отблагодарила как могла — после ресторана позвала к себе и всю ночь ему спать не давала, стараясь как проститутка, которая хочет

клиента на крупную сумму растрясти. Гладила, лизала, все места подставляла, просила то так сделать, то этак — тем более что сама кайф ловила с ним в койке. А он, может, и догадывался, чего это она так разошлась, — но в любом случае массу удовольствия получил. И физического — и морального. Да еще и материального — потому что с этого заказа он с нее приличный процент получит. Об этом речь пока не шла, но она не сомневалась, что зайдет, — и процентов тридцать от прибыли придется отдать.

Но того, что останется, — этого ей на многое хватит. Например, на новенький «мерседес» спортивный, триста двадцатый, компрессор, — она от него просто дурела, стоило увидеть один раз, как уже не могла забыть. Их мало было в Москве — может, пока, а может, в связи с кризисом прошлогодним, — и не стоило рассчитывать, что их больше, чем «Жигулей», будет на московских дорогах. Но ей они словно специально на глаза лезли.

Как вчера у бутика напротив посольства американского. Проезжала мимо, тормознула, подумав, что надо бы купальник посмотреть, лето ж скоро, может, удастся выкроить пару недель да на Багамы какие-нибудь махнуть. И только из своего «мерса» вылезла, как рядом этот паркуется — новенький, ярко-желтый. А за рулем такая крыса — сдохнуть

можно. Даже спросить захотелось: никак ты, подруга, слепого миллионера отхватила? Ведь с такой мужику и в койку лечь страшно — тощая, бледная, рожа как у мумии. Но если даже кто и отважится, максимум «Москвич» ей купит — чтоб поскорее пополнила статистику автокатастроф. А крыса еще и посмотрела на нее так свысока — прям в рыло захотелось сунуть. Даже в магазин не пошла, передумала — пропало настроение.

Зато теперь желание можно было осуществить. И позволить себе и другие приятные вещи. Особнячок загородный, например, — пусть не на Рублевке, но тоже в нехилом каком-нибудь месте. Правда, она недавно купила квартиру, огромную, четырехкомнатную, и въехала в нее два месяца назад всего, после долгого дорогостоящего ремонта. Но если есть деньги, почему бы не купить дом? А еще лучше не здесь его купить, а на Кипре где-нибудь. На виллу в Майами она вряд ли потянет — это со временем, — а дом на Кипре тоже весьма неплохо. Пока.

Она взяла с отделанного зеленой кожей стола пачку «Парламента», откинулась в зеленом кожаном кресле, прикуривая от массивной настольной зажигалки. Повторяя себе это самое «пока». И что в будущем, уже очень недалеко, она сможет позволить себе куда больше. А в далеком...

Сейчас ни к чему было загадывать — она и так стояла сейчас на ступеньке очень быстро несущего

ее на самый верх эскалатора. И очень скоро должна была оказаться на этом самом верху — а потом взойти на следующий эскалатор, идущий еще выше идвигающийся еще быстрее. А потом на следующий. Оставляя всех позади — то есть внизу, — считая тех, кто будет мешаться под ногами. Потому что такая у нее судьба. И никто не сможет ее остановить.

Разве что киллер — подумала вдруг, вспомнив сегодняшнее утро. Что ж, стоило озаботиться тем, чтобы киллер навестил того, кто мог его прислать ей, раньше, чем сделает ход противоположная сторона. В самое ближайшее время и озаботиться...

2

— Танюш, сделай мне кофе покрепче. И посмотри заодно, какие у меня там дела на сегодня.

Сигарета только догорела, а Татьяна уже стучала в дверь, входя с аккуратным подносыком, вопросительно глядя на начальницу — кивком головы показавшую на низкий столик в углу кабинета.

— Ольга Дмитриевна, у вас презентация вечером — клиент ваш новый альбом выпустил, продюсер его звонила в пятницу, когда вы ушли уже, и приглашение привезла. Я вас попросить хотела — если пойдете, может, лишний диск там удастся взять, для меня...

Татьяна мечтательно закатила глаза, заставив ее удивиться. Вроде не дура сопливая — толковая девка, двадцать два года, — а тащится от этого педераста. Клиент он, конечно, выгодный оказался, продюсер в раскрутку вложила прилично, а они

постарались и такую рекламу ему сделали, что даже у нее было впечатление, что известнее певца вроде как бы и нет на свете. Но лично она такую муру слушать бы не стала, уши ведь завянут напрочь.

— А на половину третьего вы встречу назначили — еще неделю назад. Заварзин какой-то. Он звонил утром, уточнял — вас не было, но я сказала, что все в силе. Вы ведь не говорили, что надо отменить...

В голосе Татьяны появилось беспокойство — наверное, потому, что увидела, как она чуть скривилась.

— Вообще сначала надо меня было спросить, — заметила холодно — Я же звонила из дома, перед тем как выехать, — почему не напомнила?

— Я.. но я... Вы в одиннадцать позвонили, а он в десять... Я... Я не знала...

— Ладно, иди. — Она отвернулась от Татьяны, задумчиво глядя в окно. Повернувшись обратно, только когда дверь прикрылась тихо, будто секретарша боялась шумом еще больше озлобить справедливую, но временами строгую начальницу. Татьяне она, конечно, ни за что напихала сейчас — та ни при чем, в общем, просто она уже забыла про эту встречу. Но иногда профилактика не помешает — чтобы не забывались. Чтобы помнили, с кем дело имеют.

Она взяла со стола пачку, вставая, направляясь к столику в углу, садясь в стоящее перед ним глу-

бокое кресло, делая глоток кофе. Танька молодец, капуччино всегда делает супер, и крепость как раз такая, как надо. Но напомнить про встречу все равно должна была. Она бы ее, может, отменила — или перенесла бы на конец недели. А потом еще раз бы перенесла — а Таньке бы сказала, чтобы этому передала, что она срочно уехала в командировку за границу, на целый месяц. А там бы, может, он и отстал.

— Ольга Дмитриевна! — Татьяна робко втиснулась в дверь. — Этот, который на два тридцать, пришел уже. Я сказала, чтоб подождал, но... Может, его вообще отшить? Ну, если вы не хотите, я скажу, что совещание важное или... Я придумаю — убедительно будет, правда...

Она смерила Таньку усталым взглядом, думая, не смягчить ли немного голос и не сказать ли ей, чтоб не беспокоилась насчет диска — она ей свой отдаст. Но потом передумала. Не фига с ней цацкаться — пусть подергается. Пусть скажет себе, что начальница бездушная стерва, какой и положено быть красивой женщине, добившейся успеха. Пусть жалуется на ее стервозность в агентстве и дома. Зато потом сто раз подумает, прежде чем ляпнуть что-нибудь, не посоветовавшись с ней.

— Ну раз пришел — пусть заходит, — уронила холодно. — Хотя нет — через пять минут. Все, иди...

Она выругалась про себя — если бы Танька напомнила ей с утра, она бы настроилась. А вот

сейчас к этой встрече была абсолютно не готова. Просто совсем.

Сколько лет они не виделись? Восемь, наверное. И когда неделю назад Татьяна сказала, что ее спрашивает какой-то Заварзин, она даже не сразу вспомнила. Хотя, казалось бы, не должна была ее забыть, эту фамилию. Фамилию, которая ей так нравилась когда-то — которую одно время с замиранием сердца примеривала на себя. Ольга Заварзина — ей нравилось, как это звучит. Это так красиво казалось, так благородно — куда лучше Ольги Белкиной. Пока не поняла, что замуж за него ей совсем не надо — что без него она куда выше сможет подняться.

Он такой уважительный был по телефону, почти заискивающий. Сразу видно, что тряпка. Настоящий мужик напомнил бы небрежно о том, что между ними было, — тоном, намеком двусмысленным. Уверенный бы был и нагловатый, словно то, что она была с ним когда-то в постели, дает ему особые права. А этот даже не рассчитывал, похоже, что она его узнает, и пытался ей напомнить, кто он, и мялся, называя ее то на вы, то на ты.

«Ольга Дмитриевна? Некто Заварзин вас беспокоит, Аркадий — возможно, вы помните, я когда-то в университете у вас преподавал. Помните?! Очень приятно, очень. Столько слышал про те... про вас,

а на днях включаю телевизор, а там вы, интервью даете. Прекрасное интервью — я был впечатлен, искренне. Я вас не отрываю, нет? Я ведь понимаю, что вы человек занятой. Хотел выразить восхищение — такая карьера... Нет, я не удивлен, конечно — вы всегда были такой целеустремленной, — но восхищен, да. На факультете вас вспоминают часто — из наших выпускников никто так высоко не поднялся. Кстати, вы стали еще красивей — честное слово. Вы не обиделись? Это от души...»

Она слушала. Ей было приятно, что он оценил ее успех — и остальные на этом хреновом факультете. Небось до сих пор судачат, как это лимитчица из общаги, которая училась еле-еле, так подняться умудрилась. Небось завидуют, говорят друг другу, что это через койку все — тело есть, мозгов не надо. Может, даже вспоминают историю с черными этими, с которыми ее тогда комедантша с охраной в общаге застукала.

Если б не Аркадий, выперли бы на хрен. Она тогда к нему кинулась — хотя между ними ничего еще не было, просто он такой либеральный был, да и она видела, как он на нее посматривает. И он отмазал, к декану ходил, говорил, что чуть ли не самая перспективная студентка на курсе — мол, оценки, может, не очень, но талант есть. Так бы, конечно, не отмазал — но она перед ним такую истерику разыграла, так рыдала и раскаива-

лась!.. Говорила, что ей нож к горлу приставили и изнасиловать хотели, и чудом не успели из-за комендантши — только пусть он про нож не говорит никому, она боится, что убьют ее тогда.

И он ее спас. Знать о том, как было на самом деле, ему было ни к чему. О том, что этот черный, кавказец в смысле, к ней долго впустую приставал, а когда понял, что не обломится, нашел подход. Видел, тварь, что она одета хреново, — ну и начал. У меня у друга палатка коммерческая, могу по знакомству подешевле все сделать. Ну и поехала — посмотреть. А там и джинсы, и водолазки, и обувь, и куртки — дерьмо все, конечно, но тогда казалось, что супер, лучше ведь не было. Цену он скинул, как и обещал, — но у нее и таких денег не было. А он тогда — ладно, выбирай, заплачу, потом расплатишься.

И ведь поняла, о чем речь, — но удержаться не могла. Надоело оборванкой ходить. Джинсы, деньги на которые выпросила у матери, когда поступила, — и то столько уговаривать пришлось, что рехнуться можно, — уже разваливались, а таскаемая зимой и летом водолазка растянулась до безразмерности, и ворот повис, в него уже две головы влезли бы. Ну и набрала — джинсовый костюм, кроссовки, пару маек, свитерок легкий. Сказала себе, что лето скоро, можно будет зарабатывать, если с практикой повезет, и к сентябрю

все отдать. Но это вранье было, специально врала себе, зная, что он до лета ждать не будет.

Ну и, естественно, в тот же вечер приперся — с вином, едой, как бы покупки обмыть. А потом чуть не каждый день припираться начал. Надоел, тварь, — а не отвяжешься. Уже прокляла все эти вещи — потому что переплатила за них многократно. Как-то даже цены на проституток узнала и ему и выложила — мол, даже если среднюю таксу взять, ты с меня все получил давно и мне уже должен. А он смеется — ну поехали, еще наберешь шмоток, заплачу с радостью, для тебя не жалко.

И так два месяца припирался — она уже даже прятаться от него начала, в кино вечерами ходила или к кому из девчонок из группы ездила в гости и даже на ночлег напрашивалась. Да что толку — сегодня смотаешься, так завтра все равно придет. А потом приятеля того с собой притащил — якобы обмыть что-то. Поддали — и давай на пару приставать. Мол, в последний раз, за все рассчитаешься одной ночью, в таком духе. Послала на три буквы — с тобой, мол, с одним ладно, хотя и то уже хватит, а этот при чем? Так сначала уговаривал, пригодится, мол, тебе мой приятель, а потом орать начал, чуть за горло не хватал.

Была даже мысль вернуть шмотки — но половину уже продала девчонкам из общаги, деньги-то живые тоже были нужны. И противно было — хотя

и не девочка, но с двумя сразу непривычно. Ну и сказала этому — ладно, только слово даешь, что ноги твоей тут не будет больше. Разделась, эти похватали минут пять и тут же приспособили — один сзади, один спереди, чтоб минет делала. А потом меняться.

А тут в самый неподходящий момент комендантша с охраной — видно, орал этот урод громко, когда ее убеждал, вот кто-то и настучал, что в комнате пьянка. А может, кто видел, что чужой прошел, — черт его знает, да и не важно уже. Важно, что в дверь бухают, а эти ее вдвоем пользуют как ни в чем не бывало. Она вырывается — а они только темп убыстряют. В общем, пока освободилась — не раньше чем эти кончили еще по разу, — снаружи уже дверь ломать собирались. Услышали, видать, скрип пружин сквозь не слишком громкую магнитофонную музыку, вот и не уходили.

Открывать поздно уже, оделись быстро, сели — и тут ключ в двери и толпа на пороге. И все ясно сразу — у этих рожи красные и потные, она, наверное, и сама хороша была с помадой размазанной, у всех троих глаза бегают. Якобы не слышали просто стука — музыка помешала. И если бы не Аркадий, к которому обратилась за помощью, разыграв из себя невинную жертву...

«Так что хотел выразить те... вам, Ольга Дмитриевна, свое восхищение. И... и хотел узнать, не

могли бы вы мне уделить минут десять — когда вам будет удобно».

Вот тут она напряглась. Ей было приятно то, что он говорил, — но встречаться и терять на него время желания не было. Он такой болтливый был всегда, час точно сожрет — да и ведь попросить чего-то хочет, ясный день, иначе не позвонил бы. И она замялась, и он просек, видно, ситуацию, не дав ей ответить.

«Вы не подумайте... Я понимаю, что у вас много дел, но... Это личный вопрос — очень важный, да. В университете, сами понимаете, сейчас как — зарплата просто смешная, после кризиса этого прошлогоднего. Нет, я не жалею, все слава Богу, деньги ведь совсем не главное, но... Я лишь хотел узнать — возможно... Возможно, у вас есть какая-нибудь работа для меня — нет, не постоянная, конечно, но может быть... Вам же, наверное, может пригодиться специалист в области журналистики — написать что-нибудь, может, интервью у кого-нибудь взять. Я, конечно, скорее теоретик — но с удовольствием тряхнул бы стариной, вспомнил бы молодость журналистскую. И деньги не помешают, и интересно, и полезно. Все же практика, будет что студентам передать... Я, кстати, думал факультатив на следующий год организовать — рекламное дело. Может быть, вы согласились бы прочитать пару лекций — принять участие в воспитании будущих рекламщиков?»

Ей это польстило. Потом сама удивилась — ну на фиг ей этот университет и факультатив какой-то? А тогда загорелась — подумав, что приятно было бы появиться там совсем в другой роли. Была студентка из общаги — а приехала владелица крупного рекламного агентства, вхожая в такие круги, в которые ни одного преподавателя близко не пустят. И еще подумала, что было бы приятно припарковать у знакомого здания свой «мерс», и выйти небрежно, и...

Она спохватилась, вскакивая с кресла, кидаясь к большому зеркалу на стене. Нет, все в порядке вроде — темно-красная помада лежит ровно на пухлых губах, серые глаза накрашены так, что кажутся просто огромными, лицо загорелое, короткие пепельные волосы уложены с деланной небрежностью. А темно-серый костюм в тончайшую белую полоску элегантен и одновременно дерзок. И демонстрирует и состоятельность его обладательницы, и ее хорошую фигуру — обтягивая ее там, где есть что обтянуть.

Кто-то кашлянул, и она вздрогнула, злясь, что Танька застигла ее врасплох, — подумает еще, что важен для нее мужик, вот она и прихорашивается. Небось с перепугу так тихо скреблась, что она и не услышала, — ну так она сейчас еще сильнее напугает.

Это была не Танька — это был он. Стоявший тут черт знает сколько и смотревший, как она

изучает себя в зеркале. И думающий теперь небось, что она так себя разглядывает, потому что хочет ему понравиться. И потому разозливший самым фактом своего появления — еще до того, как начался разговор.

— Ты извини, Оля, — в смысле вы извините, я просто не хотел мешать. — Он снова кашлянул смущенно, прикрывая обрамленный бородкой рот так нравившейся ей когда-то рукой — холеной, с длинными пальцами, такой благородной, интеллигентской, дворянской даже. — Если я не вовремя — я могу выйти, подождать там...

— Заходите, Аркадий, — она обозначила улыбку, пряча злость, немного удивляясь тому, что встреча, которой собиралась потешить собственное самолюбие, вызывает одно лишь раздражение. — Да заходите, садитесь — сюда, за столик.

Она решительно направилась к своему столу, демонстрируя ему всю себя — высокую, стройную молодую женщину, которая когда-то была его любовницей, но ушла, потому что судьба уготовила ей нечто более высокое. И подсознательно шла так, как раньше, когда хотела соблазнить мужика, — как манекенщица на подиуме или дорогая путана из западного фильма. И пусть не в юбке была, но бедра и под брюками заходили, заставив ткань обтянуть высокий упругий зад.

— Танечка, два кофе, пожалуйста! — бросила в микрофон, отпуская кнопку, поворачиваясь к нему,

нерешительно топчущемуся около столика. — Вы ведь будете кофе, Аркадий? Ну что вы стоите — садитесь!

— Да я... Я так, осмотреться. — Он улыбнулся извиняющеся. — Красиво тут у вас, со вкусом...

Он молчал, пока Татьяна расставляла на столике чашки, молочник и сахарницу, — и она молчала, стоя у своего стола. А как только Татьяна вышла, приблизилась к столику, села напротив, вытащила из пачки сигарету и прикурила — он дернулся, желая дать ей прикурить, но диван был слишком мягкий, и у него не получилось встать с первой попытки, и он комично шлепнулся обратно. А предпринять вторую попытку она ему не дала. И, затянувшись и придвигая к нему пачку, наконец посмотрела на него внимательно. Отметив, что он здорово постарел.

Сколько ему тогда было, когда она его в первый раз увидела? Лет тридцать пять, наверное, — а ей девятнадцать. Значит, сейчас ему примерно сорок пять. Не много для мужика — если жизнь хорошая, и деньги есть, и возможность в форме себя держать и отдыхать и питаться нормально. А вот у него, похоже, не было их, денег, — и потому в свои сорок пять выглядел на полтинник, а то и старше.

Странно — когда-то он казался ей воплощением интеллигентности и благородства. Этаким дворянин, чудом сохранивший все сословные манеры

в стране хамов. И сразу поразивший воображение уже год живущей в Москве, но все-таки провинциалки-второкурсницы.

Он всем ее поразил — и гордым профилем, и умными словами, и чувством юмора, и хорошо поставленным голосом. И даже казавшимся ей верхом стильности велюровым пиджаком, темно-серым, так сочетающимся с голубой рубашкой и синим галстуком. И мягкой бородкой, и средней длины волосами с пробивающейся сединой.

Кажется, он нравился многим девчонкам на факультете. А подруга Наташка из ее группы вообще была в него влюблена и жутко страдала оттого, что у него семья — жена и двое детей. А он ни на кого из девчонок не смотрел — как на женщин в смысле, — он был со всеми одинаково вежлив. Но в какой-то момент ей показалось, что он на нее посматривает больше, чем на остальных, — и не просто так посматривает.

Именно поэтому она и кинулась к нему тогда за помощью. И когда он помог и она убедилась, что он к ней неравнодушен, то сказала себе, что он будет ее мужчиной. Не только потому, что она лучше всех остальных на факультете, раз он ее выделил, — но в основном потому, что он ей нужен. И она выйдет за него замуж, и закрепится в Москве, и спокойно закончит университет, в котором, можно сказать, висит на волоске, и получит потом хорошую работу.

И все вышло по ее — только вот замуж она за него не захотела. Хотя он уже ушел из семьи, и они жили вместе, и он регулярно делал ей предложение.

— Я, наверное, не вовремя? — Так поразивший ее в свое время голос был напряжен и подрагивал. — Но...

Ерунда какая-то — отключаться при постороннем, который вполне может решить, что это она о нем думает, о прошлом, связанном с ним. А это лишнее — и неправда к тому же. И она снова испытала прилив злости по отношению к этому человеку — который не был ни в чем виноват, но это не имело значения.

— Нет, все в порядке. — Она всегда умела управлять собой, и на этот раз ей тоже удалось, только почему-то труднее, чем обычно, труднее, чем с другими, куда более значимыми для нее, порой куда более опасными людьми. — Понедельник — тяжелый день, столько всего накапливается за выходные. Звонки, факсы, встречи, переговоры...

Она не закончила фразу, повесив ее в воздухе, махнув рукой, изобразив на лице улыбку:

— Не важно. В любом случае я рада, что вы меня узнали по телевизору и позвонили. Мне было приятно...

— Да я все собирался.... — Он пожал плечами, словно ему было неловко. — Собирался, но не

решался. Думал, что раз ты сама не звонишь, значит, не хочешь, и зачем напоминать...

«Ну а на хрена напоминаешь?!» — зло спросила его про себя. Ну что за идиот — приходит просить насчет работы, а сам напоминает о прошлом. Ну было — так когда, и кем я тогда была?

— А в прошлый понедельник решился. — Голос его окреп, словно он освоился и стеснение ушло. — Ты... вы же понимаете — жестокие времена, жестокие нравы. О tempora, о mores — если по-латыни, хотя вы, конечно, забыли. Нести свет знаний в массы, увы, экономически невыгодно — но кто-то ведь должен это делать? Конечно, благая цель выше денег — но признаюсь, что есть тоже хочется. Сам я готов питаться святым духом — но семья... Жене за переводы платят смешные деньги, а дети получают такую стипендию...

Значит, он вернулся в семью. Хотя чего тут удивляться? Наверное, тогда же и вернулся, когда она ушла. А жена простила, разумеется. Он показывал фотографии, она там такая же, как он, — умная, порядочная, интеллигентная. Этакая невинная девочка, которой давно за тридцатник, — девочка в светлом платье, держащая за руки чистеньких мальчика и девочку.

Когда-то она его к ней ревновала — когда он вдруг грустнел лицом, она сразу понимала, что он вспомнил их, тех, от кого ушел. И устраивала ему злую

истерику — либо начинала доказывать, что она лучше, самым простым и доходчивым способом. А потом ревность исчезла сама собой — когда он стал делать ей предложение каждый день, а она поняла, что он вовсе не предел ее мечтаний и она сможет подняться куда выше. И вскоре ушла — через семь месяцев встреч и три месяца совместной жизни.

Ей тогда было двадцать — она ушла, как раз когда закончила третий курс. Значит, девять лет прошло с того расставания. И восемь с того момента, когда видела его в последний раз — они столкнулись в университете случайно, когда она пришла сдавать сессию на вечернем, уже думая перевестись на заочный.

Он кашлянул, возвращая ее в реальность — в третий раз за короткий свой визит застигнув ее врасплох. И снова озлобив.

— Я, собственно, думаю, чем могла бы вам помочь, — произнесла холодно и деловито, с трудом пряча злость. — Это непросто — тем более что мне позвонили как раз перед вашим приходом от одного известного политика, он хочет, чтобы мы вели его предвыборную кампанию. Сами понимаете, сколько мыслей сразу... А как вы сами считаете — в каком качестве вы могли бы трудиться в рекламном агентстве? Дело в том, что у нас тут в основном молодежь, старше тридцати пяти никого нет — молодые ребята с западным взглядом на жизнь и бизнес. Боюсь, что...

Она не закончила фразу, окидывая его задумчивым взглядом. Замечая, что он пришел в том же пиджаке, в каком был в тот день, когда она сказала, что уходит, — синий клубный пиджак, двубортный, сейчас потрепанный, вытершийся на локтях. И галстук был знакомый, темно-синий когда-то, но сейчас выцветший и больше похожий на тряпку. А вот черные полиэстровые брюки были более поздним приобретением — но неудачным, потому что растянулись на коленях пузырями. А старомодные туфли, хотя и были начищены до блеска, сразу выдавали бедность владельца.

Господи, как хорошо, что она ушла от него тогда! Он ведь ребенка от нее хотел или даже двух — и как бы она жила сейчас? Преждевременно состарившаяся в свои двадцать девять, с двумя детьми, без денег, без всего, что имела сейчас, — просто кошмар.

Она попыталась представить ту себя, но не смогла — это было просто нереально. Не иметь «мерса», дорогой одежды, возможности раз в неделю минимум посещать косметический салон, ежедневно есть в ресторанах, покупать диоровскую косметику. Да нет, просто бред!

— Вы извините, Аркадий, — я правда рада вас видеть, но сегодня такой неудачный день для спокойного, обстоятельного разговора, — произнесла наконец, понимая, что хочет, чтобы он поскорее ушел — потому что он был из прошлого и в ее на-

стоящем ему не было места, даже не рядом с ней, даже в одной из комнат по соседству. Он был здесь неуместен — а к тому же он ничего не умел, кроме как красиво трепать языком. И для этого бизнеса он не подходил — здесь нужны жесткие, энергичные, напористые ребята, а не начитанные мягкотелые старики. — Я сейчас позвоню своему заму — такие вопросы больше в его компетенции, чем в моей. Я не сомневаюсь, что он найдет то, что устроит вас обоих — и меня, разумеется, тоже. И не сомневаюсь, что мы с вами сможем переговорить в более спокойной обстановке...

Он улыбался робко, когда она звонила Сергею, приказным тоном прося подумать насчет работы для ее бывшего преподавателя, — и когда она вызвала Татьяну, поручив ей проводить Аркадия в кабинет зама. И такая же улыбка была на его лице, когда он повернулся к ней в дверях, — и она кивнула ему, ощущая радость по поводу его ухода.

Странно — встреча должна была принести ей совсем другие эмоции и ощущения. Она должна была напомнить о том, кем она была — и кем она стала. А вместо этого — злость и раздражение. Ничуть не ослабевшие даже после того, как он ушел.

— Сережа, это я, — бросила сухо, набрав номер. — Протеже мой у тебя сейчас? Ты, в общем, особо не старайся — если есть чего по мелочи, подкинь. Ну а нет — пусть ждет. Чао!

Неделю назад она думала, что это было бы неплохо — найти Аркадию какую-нибудь работу, чтобы появлялся тут периодически, чтобы смотрел на нее, чтобы восхищался. Чтобы жалел о том, что все позади, чтобы говорил себе, что такая женщина, конечно, не для него. И чтобы она, натыкаясь на него периодически, говорила себе, каким недосыгаемым ей казался когда-то его уровень — который сейчас терялся где-то далеко внизу. Чтобы он служил ей напоминанием о том, что нельзя останавливаться на достигнутом.

Она задумчиво листнула ежедневник, отметив, что ей надо сделать еще несколько звонков, а в четыре тридцать у нее встреча в офисе с одним клиентом, в шесть деловой обед в «Планете Голливуд». А вечером, значит, еще и поездка на презентацию нового диска раскрученного ее агентством певца. На которую она еще полчаса назад не собиралась ехать — думая послать вместо себя Сергея, чтобы потусовался и передал, что она сама не смогла из-за дел. Потому что смотреть на этого педика, не умеющего петь, да еще и слушать его — не самая заманчивая перспектива.

Но сейчас она подумала, что съездить в принципе можно. И потому, что это важно, — и потому, что этот хренов педик показался ей куда приятнее недавно вышедшего из ее кабинета человека...

3

Они снова были здесь — валет, дама и король пик. Аккуратно выложенные на коврике у ее двери. У двери напротив — ничего, паскудный коврик, обтянутый тряпкой, был девственно-пуст. А вот у нее...

Она стояла, как и вчера, застыв на полушаге, не отрывая взгляда от трех прижавшихся друг к другу карт. Вдруг нервно оглянувшись в сторону лестницы — но не видя никого и не слыша.

«Ну что за падла это вытворяет?» — выдохнула тяжело, чувствуя, как внутри напряглось все, как застучало в висках. Забыла ведь напрочь о том, что было вчера утром, помогла гулянка вчерашняя — и на тебе, опять.

Она никогда никого и ничего не боялась — может, давно когда-то, до Москвы. И в Москве в самом начале, когда чуть не отчислили, когда с

черными этими застукали. Сейчас это казалось мелочью — а тогда страшило возвращением домой, безысходностью, нищетой.

А вот потом, даже когда влезала в такие дела, за которые могли пулю в голову пустить без разговоров и предупреждений, страха не было — азарт был, возбуждение, кураж. А тут стало страшно — и захотелось даже шагнуть обратно в квартиру, и запереться, и позвонить Таньке, чтобы прислала за ней кого-нибудь из конторы, чтобы отвезли на работу.

Она с трудом преодолела соблазн — заставив себя шагнуть вперед и в сторону, чтобы не наступить на эти чертовы карты. И на ощупь закрыла дверь, не поворачиваясь спиной к лестнице. И только внизу поняла, что сегодня не было карточной дорожки от ее двери к лифту. И в лифте их не было, карт, и внизу в подъезде, и в арке.

Зато они были за дворником ее «мерседеса», к которому она буквально бежала, желая удостовериться, что их нет и там. Но они там были. Тоже три, как и вчера. Тоже валет, дама и король, тоже червовые. Но она даже доставать их не стала, быстро отперев машину и залезая внутрь. Вздвогнув, когда завопила на весь двор неотключенная сигнализация.

За те полтора года, что у нее был этот «мерседес», она впервые забыла отключить сигнализа-

цию — и может, поэтому растерялась, оказавшись в вопящей пронзительно машине. И заозиралась нервно и беспомощно, наконец спохватившись и схватившись за висевший на ключах брелок — тут же выскользнувший из рук и закатившийся под ноги. Заставивший сложиться пополам в его поисках, краснея лицом, судорожно шаря пальцами по коврику.

Чем сильнее становилась нервозность, тем судорожнее были движения хватавших то резину, то воздух пальцев. И она не знала, сколько времени прошло, пока она наконец не отыскала поганый кусок пластмассы, подняв его с пятой попытки, судорожно давя на крошечную кнопочку, ускользающую от вспотевших пальцев.

— Угоняем?

Она дернулась произвольно, услышав голос, так громко и отчетливо прозвучавший над головой. Увидев улыбающегося дворника, всегда здоровавшегося с ней приветливо. Она обычно тоже с ним здоровалась, тем более что он совершенно бесплатно присматривал за ее «мерсом», сам предложил. Но сейчас он оказался тут некстати — потому что видел в открытое окно ее покрасневшее лицо, нервно трясущиеся руки, задрывшуюся выше некуда юбку и то, что она открывала.

Она махнула рукой резко, показывая ему, чтобы он отвалил, — негромко произнесла адресован-

ное ему ругательство. То ли он по губам читать умел, то ли оно слишком громко прозвучало, слово из пяти букв, — но он вдруг потускнел лицом, отворачиваясь, идя прочь. Обидчивый, мать его, — ну и пусть валит подальше. На обиженных воду возят, между прочим, — и еще кое-что с ними делают, о чем ему лучше не знать.

Она опустила наконец боковое стекло, вдыхая теплый апрельский воздух. Ощущая пот под волосами, на лбу и под пиджаком, поеживаясь неуютно. Сразу чувствуя себя несвежей, уставшей, вымотанной — словно вернулась домой после долгого и тяжелого рабочего дня. Но день только начинался — часы показывали половину десятого.

«Ну что за падла это творит? — спросила себя в который раз, залезая в сумку за сигаретами. Стараясь прикурить и всякий раз задувая огонек, потому что подрагивала рука и никак не удавалось задержать обрывочно вырывающееся изо рта дыхание. — Что ж за тварь?»

Надо было успокоиться — в таком состоянии даже с места трогаться не стоило, слишком велик был шанс не вписаться в поворот со стоянки на узкую дорожку или зацепить одну из плотно припаркованных вдоль стены дома машин. И она прикурила наконец, откидываясь на мягком кожаном сиденье, стараясь затягиваться поглубже и выдыхать дым как можно медленнее. Говоря себе, что

нельзя так психовать, что это просто чья-то неумная шутка — какого-то идиота, которому кажется, что это смешно. Но вот ей смешно почему-то не было. А значит, она его найдет и заставит плакать.

В сумке запищал мобильный, и она выхватила его, рывком поднося к уху.

— Да! Слушаю! Кто это?!

— Ола, это Вахтанг тебе звонит. Ты куда пропала, а, Ола? — Голос был веселым, с легкой примесью укоризны. — Я ждал вчера, ждал, а ты не звонишь...

— Вахтанг? — переспросила непонимающе, думая совсем о другом. — Какой... А, Вахтанг! Да закрутилась я, столько проблем. Кстати, Вахтанг, — это не твоя шутка с картами, а?

— Не понял?! — Голос на том конце потяжелел и похолодел. — Какие карты, ты о чем, Ола?

— Ладно, Вахтанг, перестань! — произнесла строго, не сомневаясь, что услышала что-то в его тоне, что-то такое непонятное, но показавшееся ей подтверждением его причастности. — Второй день мне кто-то карты у двери выкладывает — и под дворник еще запикивает. Вот я и...

— Слушай, Ола, я тебя что-то не пойму никак, — отчужденно вымолвила трубка после паузы. — Я не мальчик вообще — понимаешь?! А ты то отключаешься, когда я с тобой говорю, то не

перезваниваешь, хотя обещаешь, то путаешь меня с кем-то. Я Вахтанг, понимаешь, — а не пацан с улицы. Все, привет!

Трубка запищала мелко и зло, и она захлопнула ее одним движением, запихивая обратно в сумку, стискивая зубы. Чурка паскудная — не пацан он, видите ли! Он, видите ли, Вахтанг! Так она тоже не девочка. Ну переспала с ним разок — так лично для нее это ничего не значит. Джигит хренов, гордый больно!

Сигарета умерла мучительной смертью, размятая безжалостно в пепельнице. И вспыхнула вторая. А когда догорела, она все еще материла про себя этого Вахтанга, с которым, получалось, и переспала-то зря, потому что не использовала его никак. В койке он, конечно, неплох был — но, если разобраться, ничего особенного. А вот то, что связи у мужика имелись и заработать на нем можно было, а теперь уже нельзя, — вот это, конечно, хреново.

«Да пошел он, сволочь нерусская!» — бросила в окно вместе с третьим окурком, оставляя в машине облако дыма и тошноту в желудке. Скоро такой клиент к ней придет, что мелочь всякая типа этого Вахтанга ей на хрен будет не нужна. И хотя ей ничего не стоит перезвонить ему на днях, и парой фраз все вернуть, и, может, даже встретиться с ним в выходные — он же мужик, а она умеет об-

щаться с мужиками, потому и поднялась, — ничего она делать не будет. Не хрена так с ней разговаривать.

Она улыбнулась самой себе в зеркало заднего вида. Отмечая, что улыбка неестественно и вымученно смотрится на побледневшем лице. Замечая вдруг карты, втиснутые под дворник. Приводя дворники в движение, направляя на них упругую струйку воды, наблюдая мстительно, как они намокают, тяжелея, но все еще упорно цепляясь за стекло. А потом вышла медленно, вытаскивая их, комкая со вкусом, кидая под ноги, давя носком ботинка.

«Ну а ты, падла, — пообещала тихо, спокойным вроде бы, но на самом деле срывающимся от злобы голосом, — ты мне за все ответишь — я тебе обещаю. И очень скоро ответишь. И так, что мало не покажется...»

4

— ...Ольга Дмитриевна, у вас в одиннадцать клиент сегодня — насчет соков. А в двенадцать другой — спортсмены с соревнованиями своими. В час совещание, в три вас в мэрии ждут, а в семь фотовыставка, они приглашение еще две недели назад прислали. Да, еще Лена звонила из косметического салона, сказала, что вы сегодня в пять обещали приехать, хотела уточнить. Ой, забыла — еще тренажерный в два. И... и кажется, все...

Танька преданно заглядывала в глаза, явно пытаясь заслужить похвалу за расторопность и внимательность. Не напихала бы ей вчера, сегодня бы спрашивать пришлось насчет расписания — хотя она и сама записывала свои дела, лежащий на столе ежедневник весь был исчеркан, но случалось, что что-то упускала, — а так сама докладывает.

— Знаешь, того, кто в одиннадцать, к Сергею направь — и спортсменов тоже к нему. А сейчас минут сорок меня ни с кем не соединяй и никого ко мне не впускай — машина в пробке встала, пока завелась, я мокрая насквозь была. Так что я в порядок себя приведу — и нет меня ни для кого. О'кей?

— Ой, а я смотрю, вы бледная такая, уставшая! — запричитала Танька, улыбаясь подхалимски. — Конечно, я поняла — вас ни для кого нет. Да — может, чего?..

«Ну и польстила, дура, — «бледная и уставшая»!» — подумала про себя со злой иронией. Вдруг догадавшись о причине такой исполнительности и заботливости — Танька же просила диск. А она его забыла. То есть взяла сначала, даже штук пять — а потом поехали в ресторан, она их там и оставила.

Еще пару дней назад она бы их не забыла — или как минимум упрекнула бы себя, что нехорошо поступила и надо позвонить продюсерше и послать к ней кого-нибудь за диском. Потому что о людях надо заботиться — о тех, кто тебе нужен и кто на тебя работает. Но сейчас такая мысль не пришла в голову — зато пришло, что Танька хоть и хочет напомнить, но боится, а значит, так и не спросит. Ну и перебьется соответственно — выйдет диск в продажу, пусть себе купит хоть сотню и вся обслужается.

Она влетела в кабинет, запирая за собой дверь, кидая на диван сумку и пальто, направляясь прямо-

ком в комнату отдыха, оборудованную за неприметной дверкой. Быстро стаскивая с себя костюм и ботинки, а потом и промокшее, вызывающее брезгливость белье. И встала под душ, задерживаясь занавеской, до предела откручивая краны, подставляя тело сильным струям воды.

Через десять минут она была уже другим человеком. Мокрым человеком, сидящим в своей потайной комнатке перед зеркалом и собирающимся заново наводить красоту, — зато посвежевшим и успокоившимся. Не будь у нее этой комнаты отдыха с туалетом, душем, туалетным столиком и диваном — это был бы кошмар. Не случайно она столько сил положила, чтобы у нее появилась эта комната. Сил, нервов и денег — и еще каких.

Когда она пришла сюда два года назад, в марте 97-го, тут было убого — правда, свой особнячок двухэтажный и самый центр, но бедновато как-то, словно это не частное рекламное агентство, а нищая государственная контора. И именно она настояла на суперремонте — не обычном косметическом, а европейском, по высшему разряду. Ремонт, конечно, обошелся в немереную сумму — кондишн, новые окна, выложенная зеленым мрамором лестница, зеркальные потолки, столы с мраморными столешницами для сотрудников, жутко дорогая мебель в ее кабинет, дерево с зеленой кожей, как в доме приемов одного крупного бан-

ка. Стены в жидких обоях, картины, жалюзи да еще и куча техники всякой. Но зато сразу вид другой стал — видишь, что не к лохам пришел, а к солидным людям.

Леха, под которым тогда было агентство, который ее и привел сюда, и слушать не стал, когда она ему начала объяснять насчет важности ремонта. Мол, если надо, заработай сначала лимон баксов, а потом понтуйся. Урод, лимита хренова! А когда сел Леха и она ушла под Андрея — тогда все и сделала. Долго ему объясняла, что хочет переворот в рекламном бизнесе совершить, показать им всем, как надо по-настоящему работать и все такое, — и он впечатлился. И даже сделал так, что ремонт дешевле обошелся раза в полтора, а то и в два. И агентство преобразилось, засверкало и засияло. И она даже подумывала насчет переименования — потому что оно совсем новое стало, а раз лично она ему новую жизнь дала, значит, оно и называться должно ее именем. Рекламное агентство «Ольга» — что, плохо звучит? Да просто супер.

Но с названием не вышло — даже вечно предупредительный Сергей, всегда старающийся угодить, заметил, что новое название лично ему нравится и даже очень, но... В общем, слишком много договоров уже и документов всяких финансовых, и перерегистрация понадобится — и с новым именем заново надо будет на рынке закрепляться. Все по

делу сказал — но обидно было все равно. И она тогда поклялась себе, что когда-нибудь все равно его переименует. Когда подомнет под себя еще несколько агентств и откроет новое, самое крупное в городе. И вот тогда точно назовет его своим именем.

Ладно, с названием можно было подождать — тем более если все выгорит с новым клиентом, ждать осталось недолго, год, может. Зато комната отдыха у нее была, и уже давно. Дизайнер или архитектор — черт его знает, — которого Андрей порекомендовал, аж за голову схватился, когда она ему сказала, что у нее должна быть комната отдыха. И все доказывал, что это невозможно технически, слишком много проблем с перепланировкой и все такое. На что она ему заявила, что или он делает так, как говорит она, — или работать вместо него будет другой, а он за уже сделанное не получит ни копейки. И даже Андрею пожаловалась — намекнув прозрачно, что в этой комнате они могли бы уединиться, если ему вдруг захочется к ней заехать посреди дня. И все вышло по ее — как всегда.

Она брезгливо поморщилась, натягивая влажные трусики — срывая их одним движением и отшвыривая в сторону. Ладно, можно в одних колготках походить — в конце концов, никто ей под юбку заглядывать не будет. И без лифчика можно обойтись — благо костюм довольно закрытый, специально такой, чтобы без блузки носить можно. Выкидывать

белье, конечно, не стоит — двести с лишним баксов бельишко, от Ферре, — но без стирки надевать противно. Потому что оно пропиталось все липким потом, пробившим ее утром.

Она снова вернулась мыслями к утру, все пытаясь понять, что за сволочь выкидывает такие шутки. Вроде мелкие, вроде безобидные — но почему-то производящие на нее весьма сильный эффект. Она всегда была уверенная и спокойная — и тут такая реакция. Какие-то три бумажки заставляли выходить из себя — и психовать так, как никогда раньше. Словно они какие-то заколдованные были — посмотришь и начинаешь с ума сходить. Словно их и подкладывал кто-то, кому очень нужно было, чтобы она психовала и дергалась.

У нее были враги — это факт. Конкуренты то есть — всякая мелочь из менее крупных агентств, которую она теснила, безжалостно вырывая у них клиентов и заказы. Да и Синицын, хоть и считает себя королем, наверняка боится, что она вот-вот начнет ему на пятки наступать. Но с конкурентами разбираются совсем другими способами — а это... Это было непонятно, и глупо, и...

Самое смешное, что она даже не знала никого, кто играл бы в карты. И никогда не играла сама — ну, может, в казино пару раз, и то если предлагал спутник и сам платил, а ей всучивал карты на счастье, надеясь сорвать куш ее руками.

Но никого из тех, с кем она когда-то ходила в казино, рядом не осталось — она давно рассталась с ними и сейчас уже и не вспомнила бы, кто это был. Хотя...

Точно — Валя играл в карты. Тот самый Валя, с которым ее познакомил Аркадий — в общем-то своими руками выкопав себе могилу. Они уже встречались несколько месяцев, и он уже ушел от жены, и они только начали жить у его мамы. В огромной трехкомнатной квартире в сталинском доме, обставленной старинной мебелью, захлавленной старыми вещами. Так непохожей на ее общежитскую комнату.

Она тогда думала, что скоро это будет и ее квартира — потому что они поженятся. В конце концов, он сам предложил ей поселиться у его мамы. Он так боялся, что кто-нибудь в университете узнает, что у него роман со студенткой, и в общежитие к ней заходил всего пару раз и через полчаса выскакивал: не дай Бог вычислят, к кому он, и подумают чего. И если бы она не проявляла инициативу, одалживая у одной девчонки с курса ключи от ее собственной квартиры, у них бы даже секса не было, так он боялся. Говорил, что так лучше для них обоих, — но на самом деле просто трусил.

Хотя и хотел ее, точно хотел — видно, женушка фригидная была, ее, такую чистенькую, секс вообще не интересовал, — но страх его импотен-

том делал, отбивая желание. А когда однажды хозяйка квартиры, на которой они уединились, вернулась раньше назначенного срока, у него от звонка в дверь сразу упало все — прямо в ней обмяк. И суетился жалко, поспешно одеваясь, путаясь в рукавах и штанинах, забыв надеть трусы, судорожно запихивая их в карман — просто смех. А когда увидел в дверях свою студентку, чуть со стыда не сгорел, такой красный был.

В общем, они переехали к его маме — и как раз тогда она его попросила устроить ее в газету, и он, конечно же, выполнил ее просьбу. Позвонил главному редактору, с которым учился когда-то вместе, и она приехала на, так сказать, собеседование. И по взгляду хорошо одетого высокого мужчины с барским таким, привыкшим безраздельно повелевать и осуществлять любые капризы лицом, поняла, что ему нравится. Правда, он после короткой беседы переадресовал ее заведующему одного из отделов — но она знала, что он ее запомнил. И наверное, именно тогда поняла, что от Аркадия уйдет, — просто не сразу это осознала.

Тем более что он ей был еще нужен. С ним уже было тоскливо, он скучным оказался и слишком правильным — и в постели был никакой. Такой мягкий, такой ласковый, такой нежный, такой нетребовательный — и называющий ее то «малыш», то «моя маленькая», и глядящий робко, и все время лезущий целоваться. Поначалу ей такое даже

нравилось — другие думали только о себе, лишь бы самым кончить поскорее, — а он думал о ней. И все спрашивал, как ей лучше, и не тяжело ли ей, когда он сверху, и не может ли она, если ей не противно, поцеловать его — нет, нет, не в губы, там, ну там, в общем... Краснел даже, когда просил ему минет сделать — а когда она сказала честно, что не кончает и пусть он делает все как хочет, чуть не подавился воздухом.

Кажется, он огорчился, что она не девственница, — пришлось сказать, что мужчина был всего один, давно, в десятом классе, и всего один раз. Кажется, он думал, что открывает ей мир секса, — и она не хотела его разочаровывать. Но была такая разница между тем, каким он казался в аудитории, и тем, каким он оказался в постели, а потом и в совместной жизни, что разочаровывалась уже она. Все эти исключаявливания, сюсюканья и поглаживания — они были какими-то бабскими. Как и его характер. Характер избалованного женщинами — матерью, женой и, возможно, какими-то давними поклонницами — мужчины, который, находясь под неустанной женской заботой и опекой, сам превратился в бабу.

У него даже мать была сильнее, чем он. Так горячо любимая им мама — которая не стала возражать против того, чтобы единственный и любимый сын привел в дом свою новую возлюбленную,

но которой она активно не нравилась. Мама слишком любила сына, чтобы его ругать, и была слишком вежливая и воспитанная, чтобы показать свою антипатию его новой пассии, — но она чувствовала. И не сомневалась, что та аккуратно и как бы между прочим нашептывает сыну, что с этой молодой оторвой связываться опасно. Что все, что ей нужно, — это выйти за него замуж и прописаться в этой квартире. Может, не такими словами — но примерно так.

Ей и вправду хотелось за него замуж — поначалу. И казалось, что она его любит. Тем более что он был такой внимательный, он так за ней ухаживал — и когда они впервые оказались в постели, был, кажется, в шоке от содеянного, хотя она его соблазнила, а не он ее. Он так отличался от всех, кого она знала, — и в койке был мягкий и нежный, и в жизни, и подавал ей пальто, и целовал руку, и вообще. Только вот мягкость и нежность его быстро надоели. А он сам стал казаться безвольным занудой. Ни на что не способным интеллигентишкой, который вечно останется университетским преподавателем.

Это она поняла, когда уже подрабатывала в газете. Ей давали задания, она бегала честно по всем нужным адресам и собирала факты, а Аркадий вечером писал за нее статьи — умные, с юмором, с обилием красивых слов. Правда, на следующий

день статьи безжалостно исчеркивались заведующим тем отделом, в котором она была внештатницей, — а сам он советовал ей писать попроще. Но все же давал новые задания — потому что раз в неделю возил ее днем к себе на дачу и там имел долго и умело. Как настоящую шлюху имел — не интересуясь, хорошо ей или нет, безо всяких ласк и поцелуев, — а она думала, что почему-то это приятнее, чем с Аркадием. Может, потому, что она бездушная скотина, которая не привыкла к нежностям и потому быстро от них устала.

А еще через какое-то время ее вызвал к себе главный, которому она, приходя в реакцию, всякий раз старалась попасться на глаза. Бывало, по часу-полтора у его кабинета ошивалась — принимая позу соблазнительнее, когда он выходил. И дождалась своего часа.

Он наконец не просто обратил на нее внимание, но, замерев на бегу посреди приемной, пригласил ее зайти, якобы давно хотел с ней побеседовать. И сказал, что она делает успехи и он, наверное, мог бы предложить ей должность в штате и ставку — небольшую, правда, но это ведь начало. И что она может перевестись на вечерний, если у нее есть желание работать, — какая разница, как учиться, тем более что в его газете вакансии бывают редко. Но в любом случае все это стоит обсудить подетальнее — и не сейчас и не здесь. А

вечером в каком-нибудь ресторане. Потому что его предложение заслуживает разговора — и отмечания.

Он так все это сказал, что она сразу поняла, о чем речь. И настолько обрадовалась, что даже Аркадию не позвонила, хотя надо было бы предупредить. И вернулась домой только утром, придумав какую-то слезную историю про то, как ее похитили прямо на улице, с кем-то перепутав, и отпустили, только когда разобрались. Но историю с похитителями, фантастически удачный плод воображения, увы, нельзя было использовать дважды. И трижды тем более. Так что изобретались поездки к маме с папой в родной Курск, день рождения у девочки из редакции, живущей за городом, и прочие поводы.

Но после пятой или шестой ночной отлучки за один месяц — главный оказался похотлив и неутолим, так что часом или двумя отделаться не удавалось, да и не хотелось — начались выяснения отношений. Типично интеллигентские, вежливые, тактичные и мягкие — но все же выяснения. И она врала и оправдывалась, и переходила в контратаки, заявляя, что Аркадий все время думает о своей жене, и она это видит, и знает, что он ее бросит вот-вот, и поэтому и шляется где попало, лишь бы заглушить страдания. А он вдруг предложил ей выйти за него замуж. Сказал, что хоть завтра по-

даст на развод, жена не будет возражать, она все понимает, — и через полгода он будет свободен и они смогут пожениться.

Он предлагал и предлагал, а она отказывалась и отказывалась. И даже когда уже поняла, что уйдет от него, еще тянула — надо было сдать сессию за третий курс. И как только Валя снял ей квартиру, которую оплачивала редакция, она заявила Аркадию, что не может уводить мужа от жены и двоих детей. И его счастье для нее важнее своего собственного.

Оказалось, что Аркадий обо всем догадывался — потому что тут же сообщил с дрожью в голосе, что знает, что у нее есть другой мужчина. И знает, кто он — друг, оказавшийся недостойным его дружбы.

Это было неожиданно — но она быстро оправилась. Сказав, что он может ей не верить, но она пошла на связь с другим мужчиной потому, что не может больше ревновать Аркадия к семье — не может больше переживать, что она, свинья, оставила детей без отца. И намеренно сделала этот шаг к разрыву — с болью, но осознанно. И она ужасно страдает, но заботится прежде всего о нем — и он просто обязан ее понять. И простить — потому что она молода, наивна и глупа. И отпустить — тем более что она решила перевестись на вечерний, чтобы они больше не сталкивались в институте.

И ушла — хотя он хватал ее за руки, кричал, что все прощает, пусть она только останется с ним.

Клялся в любви и плакал. А она ушла — после этой сцены ничто ее не могло остановить, даже если бы залез на подоконник и из окна угрожал выброситься, она бы все равно ушла.

С Вале́й это тоже было недолго. Но она, в общем, и не ждала от него ничего — ей совсем другое было надо. Тем более она знала, что он женат, и хотя они с женой живут порознь, отношения у них хорошие и ребенка он любит. Просто ему удобнее одному, потому что он бабник, а в редакции куча молодых девчонок — и только дура откажет главному редактору, который тут бог и царь.

Лично она отказывать не собиралась — наоборот. И ездила с ним когда и куда он скажет — и на его квартиру, и в рестораны, и на теплую зимнюю дачу, на которой периодически собирались его друзья играть в преферанс. А она выступала в роли прислуги и делала бутерброды, варила кофе, притаскивала бутылки со спиртным. И не ложилась до конца игры, которая порой затягивалась до утра.

С ним было интересно. В отличие от своего бывшего однокурсника Аркадия он был веселый, самоуверенный и по тем временам богатый — и главный редактор газеты, пользующийся уважением. И в постели он был настоящий мужик — опытный, требовательный, умеющий довести женщину до оргазма и использовать ее для своего удовольствия. Она с ним такое испытывала, как ни с кем

до него. И даже ощущала себя неопытной девочкой, потому что он знал, что такое секс, — а она должна была делать так, как ему нравится.

Где-то месяца три-четыре это длилось — а потом он поостыл и звал ее с собой все реже и реже. Но ее это устраивало — она к тому моменту была полноправным штатным корреспондентом, жила на снятой редакцией квартире и стояла в очереди на свою личную. Тем более что Валя, как ей рассказали, и так общался с ней рекордно долго — обычно отношения с новой пассией длились у него максимум две недели.

В общем, она была не в обиде. К тому же Валя, продолжавший менять любовниц, ее не забывал. И минимум раз в месяц приглашал к себе в кабинет для беседы — которая заканчивалась предложением вместе провести вечер. И даже за границу ее свозил — в Чехию, куда его пригласила местная газета, а он взял ее с собой как бы для того, чтобы она написала о поездке. И квартиру ей в итоге пробил — однокомнатную, правда, маленькую, зато на Юго-Западе. Ему, конечно, самому так было удобнее — мог завалиться туда когда хотел, как-то раз даже чуть с парнем ее в постели не застал из отдела спорта, хорошо, предупредил звонком, что будет через двадцать минут, она еле успела того выпроводить.

Три года это тянулось — ее работа в редакции. Она уже заведомом стала, Валя специально под нее

отдел создал светской жизни, хроник всяких и сплетен. Не сам придумал — она, а он только согласился, поразмыслив. И она целый год в этой должности проработала. Завязки свои появились в других газетах и на телевидении, среди людей всяких из шоу-бизнеса, даже передача своя была на радио. Потому что она не собиралась сидеть и ждать, пока кто-то ей что-то сделает, — она сама все себе делала. И те, кто про нее трепал за спиной, что ее карьера состоялась в Валиной постели, — они не правы были. Постель постелью, но, будь у нее пустая голова, она бы корреспондентом и осталась. А она умела использовать то, что ей давала постель, — по полной.

Не всегда, конечно. Бывало, когда роман завязывала с какой-нибудь звездой, так сказать, чисто в расчете на то, что выгорит что-то перспективное и денежное, что предложат продюсером статью, ну минимум пресс-секретарем. Но в продюсеры не звали, а пресс-атташе она побыла с полгодика у одной группы — ну и чего? Платили, конечно, неплохо — но ей большего хотелось и своего. К тому же понимала отчетливо, что не навечно же эта работа, значит, потом заменят на молодую девчонку, чью-нибудь любовницу или даже общую. А она слишком ценила себя уже, чтобы всей команде отдаваться. И свалила от них. А потом и из газеты.

Но с Валею рассталась мирно — какие там ссоры могут быть? Даже встречалась с ним пару лет

назад — нужен он был по работе, ну и позвонила, чего стесняться? И в ресторан с ним съездила, и вечер продолжила по старой памяти. Потом, правда, пожалела — постарел Валя, обрюзг, в койке уже не тот был. И все никак перестроиться не мог, забыть, что она не подчиненная его. Да и главное редакторство Валино уже не так много весило — слишком много новых газет появилось с куда более крупными деньгами и высокими тиражами. Так что оказалось, что не нужен он ей особо, — и больше встреч не было.

Он обиделся, правда, — звонил несколько раз, а она его отшивала под разными предлогами. Но не настолько обиделся, чтобы мстить. Тем более два года спустя после последней встречи. Тем более таким идиотским способом.

Так что это был не он. Но кто? Ведь точно кто-то из знакомых. Кто-то, этими самыми картами подающий ей какой-то знак. Почему-то жутко нервирующий ее знак. И пугающий — настолько, что сама мысль о том, что завтра утром карты могут появиться снова, заставила передернуться.

Она сама не могла объяснить, почему карты производят на нее такой эффект. Почему возникает ощущение, что за ней следит кто-то, желающий ей зла — непонятного и потому особенно страшного зла. Почему ей жутко не хочется думать о том, что вечером надо будет ехать домой, — почему собствен-

ная квартира, дико дорого стоившая и суперотремонтированная, квартира, о которой она столько мечтала и в которую въехала совсем недавно, кажется ей неудобной, прозрачной какой-то.

Та сволочь, из-за которой все происходило, — ей предстояло за это ответить. Только вот узнать бы еще, кто именно это делает. По крайней мере не Вахтанг, первая ее потеря из-за этих чертовых карт — не самая страшная, бесспорно, но все же. По крайней мере не Валя. И не Аркадий, конечно...

Она вернулась в кабинет, снимая трубку внутреннего телефона, набирая три цифры.

— Сергей, это я — как у тебя? Да нет, мелочь, с машиной что-то. Слушай, что хотела спросить — я к тебе вчера человека присылала насчет работы, ты ему нашел что? И сколько он за это получит? Пятьсот? Ты уже ему сказал? А, перезвонить обещал? Короче — не перезванивай ему. А будет сам звонить — скажи, что нет ничего. Да, сама просила — а теперь передумала. Освободишься — зайди. Да нет, с этим вопросом все — закрыли...

Она мстительно улыбнулась, вешая трубку. Пусть это был не он — но тот, кто подкладывал ей карты, явно был человеком из прошлого. Таким же, как и этот. И, отказывая ему, она чувствовала себя так, словно нанесла удар тому, кто с ней шутил. Пока первый — но не последний, это точно...

5

Она сразу услышала этот звук. Каким-то образом через две двери услышала и толстые стены. Может, потому, что ждала его — и давно ждала. Потому что уже несколько часов лежала без сна. Проснулась посреди ночи и уже не могла заснуть, копаясь в прошлом, что было ей совсем несвойственно, вспоминая, размышляя, сопоставляя. Все думая, кто этот шутник и чего ему от нее надо.

Так что она услышала, как кто-то шуршит около ее двери, — скорее подсознанием и каким-то восьмым чувством, чем ушами. И вскочила, хватая халат, выскакивая в коридор. Даже не думая о том, что тихо открыть дверь ей не удастся и она спугнет этого урода. О том, что это может быть опасно.

Две двери и пять замков — у нее не было шансов застать его на месте преступления. Но она открыла их с рекордной быстротой — услышав бе-

гушие вниз по лестнице шаги. Увидев все те же три карты на коврике. Рванувшись за убежавшим.

Тапок слетел через полпролета, и она едва не упала, поскользываясь, подворачивая ногу, вцепляясь в перила, ломая ноготь. Но злость была сильнее боли. И второй тапок полетел в сторону, а она заковыляла вниз — хотя понимала, что уже его не догонит. И была на третьем, когда входная дверь внизу гроыхнула глухо. И только тогда остановилась, переводя тяжело дыхание, сбрасывая со лба мокрые волосы. С ненавистью глядя вниз сквозь плывущие перед глазами круги. А потом медленно пошла обратно, ощущая боль в щиколотке и выступивший по всему телу пот.

— Паскуда! — выругалась громко, захлопывая за собой дверь. — Ну, мать твою, траханая паскуда, — ты мне ответишь!

Намокший халат прилип к телу, но она пошла не в душ, а обратно в спальню, густо пропитанную дымом выкуренных за бессонные часы сигарет. А оттуда к холодильнику, за бутылкой минералки. А оттуда — в гостиную, где на низком столике стояли литровая бутылка виски, откупоренная вчера и опустошенная больше чем наполовину, и забитая окурками огромная пепельница. Результат, так сказать, вчерашних размышлений о том, кто это делает и чего добивается.

Паскуда — третий день подряд! Из-за этой паскуды она поругалась с Вахтангом, отказала Аркадию, сломала себе вчерашний вечер. Так нормально все вроде было днем, пришла в себя после утреннего появления карт, совещание провела, порешала кое-какие вопросы — а вечером на фотовыставку поехала. А оттуда в казино с одним встреченным на выставке знакомым. Ведущий одной раскрученной телепередачи, молодой парень, симпатичный такой, вполне в ее вкусе — высокий, крепкий, дорого одетый, с юмором. И настоящий мужик — сразу видно.

Подумала, что можно было бы соединить приятное с полезным — и отдохнуть, и по делу с ним переговорить. Чтобы впихивал в свою передачу нужные ей сюжеты — для начала хотя бы один. И даже была мысль, что можно и трахнуться с ним, если будет настроение, — почему нет? Знакомы давно, и он всякий раз на нее со значением поглядывал, она разбиралась в мужских взглядах. И наверное, была бы не против, если бы по делам с ним решила все — потому что секс ради секса был ей неинтересен. И даже чужд — как нечто неоправданное.

Надо было ехать в кабак — но он позвал в казино, и она согласилась, забыв, что в казино играют в карты. Ну и вспомнила сразу, как только туда приехали. Причем ведь не играли, тут же в

бар пошли — но у нее уже не лезли из головы эти хреновы бумажки.

Особенно когда вспомнила, что в карты играл Арман. И хотя это не мог быть он — покойники на такие шутки неспособны, — это могло быть как-то связано с ним. Хотя и прошло столько лет. Два с половиной года, считай.

Так что не получился вечер. У нее голова разболелась сразу, и настроение пропало, и по делу договориться не вышло — слишком сильно стала нажимать, вместо того чтобы помягче действовать. Ну он и заколебался. Не знаю, не уверен, надо подумать, обговорить. Мол, что ты, Ольга, сразу о деле. То есть дал понять, что в лоб не надо, сначала отдохнуть лучше, а к делам попозже вернуться.

А ее понесло, поперла напрямую, как питбуль какой-то вцепилась. И знала, что не то делает, но остановить себя не могла — и в итоге ушла через час, холодно ему заметив, что, видно, не судьба. В непривычной для себя манере зачем-то сразу оборвав все концы и явно восстановив человека против себя.

Еще думала всю дорогу до дома, будут карты на коврике или нет. Прямо со страхом каким-то думала, и возвращаться не хотелось — была даже мысль развернуться и рвануть обратно в казино, сказать этому, что пошутила, и поехать к нему.

Или позвонить кому-нибудь прямо из машины и махнуть куда угодно, лишь бы не домой. Но кому? Грузина этого отшила, у Андрея мобильный не отвечал, а больше и некому было. Она даже удивилась — столько мужиков вокруг, со столькими спала, а поехать не к кому.

То, что вечером карт на коврике не оказалось, не расслабило нисколько — наоборот. Потому что она ни на миг не сомневалась в том, что они появятся утром. И открыла бутылку, и села, думая выпить граммов сто, и просидела так часов до трех ночи. А в шесть проснулась. С больной головой, опухшей от вискаря и мыслей, и пересохшим ртом. И дрожью внутри — то ли с похмелья, то ли в предвкушении появления карт.

Она сделала еще один жадный глоток минералки прямо из горлышка, поперхнувшись и закашлявшись. Пробежала-то всего ничего — а ощущение такое, словно с сотого этажа вниз и вверх. Совсем расклеилась. Ноль семь вискаря усидеть в одиночку — нормально, что ли? А курить сколько стала — по две с лишним пачки в день, хотя раньше полпачки, ну пачку максимум. В тренажерный вчера не поехала, в косметический тоже — так загар слезет к черту, если еще раз солярий пропустить. А все эта падла!

Она покосилась на бутылку виски. Пить с утра было не в ее правилах — она вообще со спиртным

никогда не усердствовала, — но, наверное, граммов пятьдесят помогли бы сейчас. Просто подняли бы чуть-чуть настроение. Дали бы возможность успокоиться — а то дышит, как загнанная лошадь, руки трясутся, мокрая вся, мысли в голове прыгают. Пятьдесят граммов — и все в норму придет, а потом кофейку горячего, душ контрастный и за руль. За руль «мерседеса», под дворником которого наверняка лежат три карты...

Глоток неразбавленного виски обжег горло — но идти за колой, с которой смешивала его обычно, было лень. Зато второй глоток дался легче. Правда, пятьдесят граммов на этом закончились — но она налила себе еще, даже чуть больше. В конце концов, сейчас было только восемь двадцать, у нее имелся час в запасе, а то и два — так что порядок.

В голове зашумело сразу и потеплело, и прыгавшие мысли остановились и начали медленно расходиться по своим местам. Только одна задержалась — связанная с этими чертовыми картами и с тем, кто их подкидывал. И еще одна топталась неподалеку. Та самая, которая вчера пришла в голову — насчет того, что это может быть связано с Арманом.

Да, Армана убили два с половиной года назад. Тот, кто убил — кто заказал его, точнее, хотя, может, и собственноручно разобрался, с него бы

сталось, — сидит сейчас, и плотно сидит. А о ее роли во всем этом никто не знает. Или все-таки знает или узнал — и два с лишним года спустя после смерти Армана решил отплатить?

...В девяносто пятом они познакомились, осенью, то есть чуть меньше четырех лет прошло, три с половиной примерно. На тусовке одной познакомились. Повод, по которому была тусовка, она, разумеется, забыла — что-то там с шоу-бизнесом связанное. Или просто светское мероприятие. Она тогда на все тусовки ходила, хотя и была заведомо газетой и могла других посылать, — но ходила лично, подсознательно рассчитывая кого-то встретить и что-то изменить.

Он сам к ней подошел — невысокий полноватый мужик восточного типа, некрасивый, с плоским лицом и раскосыми глазами, казах он, кажется, был. А она его даже не заметила — она на знаменитостей всяких смотрела, со знакомыми переговаривалась, а он ни к тем, ни к другим не относился. Так, непонятно кто — то ли муж чей-то, то ли вообще слева. Но она никогда никого не отталкивала — и с ним разговорилась, когда он подошел. Не потому, что он комплимент ей сделал — что-то банальное вроде того, что поражен ее красотой, — а потому что черт его знает, может, нужный человек окажется. Вот он им и оказался.

Они поболтали там немного о том о сем — он про себя сказал, что бизнесмен, что его сюда режиссер один известный пригласил, все просит деньги вложить в производство фильма. А она со смыслом пошутила — что если фильм с ней в главной роли, то успех ему обеспечен. А он серьезно так отреагировал, начал уверять, что это идея, что на этом условии он может согласиться на финансирование. Но она-то не дура была наивная, в кино ей сниматься совсем не хотелось — голливудской звездой все равно хрен станешь, а нашим платят немного, да и известность одним фильмом не заработаешь. А все бросать ради того, чтобы один раз засветиться на экране, — это не для нее.

А на следующий день он ей позвонил на работу и подъехал к редакции на своей семьсот-пятидесятой «БМВ». А в ресторане сделал деловое предложение. Мол, у меня жена и дети, но ты мне нравишься, становись моей любовницей, материально обеспечу. Для начала давай в Штаты слетаем — у меня дела там, а ты со мной за компанию.

И она согласилась. Ради Штатов, которые хоть раз в жизни надо было увидеть. После которых потом можно было и расстаться. И полетела с ним в Нью-Йорк, жила там в супергостинице, все по высшему классу. И он ей шубку там купил норковую — сэкономил, правда, не в магазине взял, а на меховой фабрике, знакомые евреи его туда от-

везли, — зато костюм ей брал в «Саксе», самом дорогом нью-йоркском магазине, за штуку почти баксов. И обувь еще — баксов за триста, плюс по мелочам еще сотен на пять. Хотя она ничего не просила, знала, что он сам все сделает, если захочет. Вот он и захотел, и потратился — хотя мог бы и поездкой ограничиться. Правда, деньги эти она отрабатывала — он тогда хотел ее все время, восточный же человек, и полночи ее имел, и днем иногда умудрялся, и с утра обязательно. Совсем затрахал, короче.

С ним в койке было не очень поначалу. Некрасивый, фигуры вообще нет, живот висит, во время секса сопит и потеет — но темпераментный, не отнять. Три недели она в Штатах пробыла — привыкла даже к тому, как это с ним. Знала, что проще привыкнуть — ну не страдать же, все равно уже приехала и не деться никуда. Тем более всего три недели.

Но после приезда все продолжилось. Он машину ей купил — «Жигули», «восьмерку», — а потом доплатил агентству одному риэлтерскому, и она в двухкомнатную переехала, все на том же Юго-Западе. Таскал с собой везде, даже на деловые вроде встречи, словно специально хотел всем показать — смотрите, мол, какую телку я себе купил. А что, молодой эффектной блондинкой погордиться можно только так — примерно как тачкой престижной.

Ну а где-то через полгода она ему заявила, что это все класс — то, что он ей делает, — но она сама хочет зарабатывать. Потому что завтра он ее бросит, и что тогда? Он, конечно, отнекивался — да ты что, да ни в жизнь, да что тебе купить, чтоб поверила, и все такое. Но она сказала четко, что хочет, чтобы он вложил деньги — совсем не обязательно свои, пусть найдет кого-то, связей же куча в деловых кругах — в журнал. Новый цветной журнал, который она создаст на эти деньги и который возглавит. Который за пару лет окупится и начнет приносить прибыль.

Жалко, что у нее тогда не родилась идея с рекламным агентством. Но и эта была супер. Газета надоела, надо было дальше идти и выше — но не в другую же газету. Арман, правда, колебался, но она ему все новые и новые доводы приводила, а спецификации он все равно не знал. И согласился в итоге. И она написала Вале заявление об уходе, позвала с собой несколько человек из редакции — и вперед.

Ну и вкалывала она тогда! С утра до вечера, считай, сидела в офисе, который Арман снял, — убогоном, но своем. И по вечерам еще думала, как получше все сделать, и по ночам часто. Арман даже несколько раз сокрушался деланно, что пошел у нее на поводу, — мол, журнал для нее важнее, чем он, придется закрывать, уничтожить, так сказать, соперника.

Ей было за что вкалывать. И за престиж — главным редактором все же получше быть, чем заведомом. И за перспективу сделать журнал популярным и тиражным. И за деньги — потому что зарплату она себе положила солидную, пятерку в месяц, не считая гонорара, представительских расходов и загранкомандировок.

Интересный тогда был год — она полмира облетала, материалы привозила и с церемонии вручения «Оскаров» в Лос-Анджелесе, и с показа мод в Париже, и с корриды из Испании. И журнал получился супер — просто мечта. Расходы, правда, такие шли, что Арман за голову хватался — зарплаты и гонорары, реклама на телевидении и печать, — но ведь никто ему и не обещал, что прибыль пойдет тут же. Какая поначалу прибыль — одни траты. Зато потом все должно быть тип-топ — через пару лет.

Арман ей к концу этого года — не календарного, а журнального — признался, что больше полумиллиона потерял на этом журнале, почти семьсот тысяч. Он напился тогда здорово, он последний месяц вообще странным стал, пил много, в казино просиживал ночами, видно, рассчитывал много выиграть, а все проигрывал. И ее с собой таскал — и она сидела рядом и смотрела, как он, полупьяный, с большим каким-то блеском в глазах, непонятно оживленный, словно на мгно-

вание выздоровевший перед смертью больной, — проигрывает очередную порцию баксов то в карты, то в рулетку. И злилась, думая, что лучше бы эти деньги он отдал ей, половину хотя бы, — она бы нашла им применение. И дело было не в жадности — не было у нее жадности никогда, — но противно было смотреть, как взрослый мужик просаживает такие деньги впустую.

В общем, она не выдержала как-то. Когда он пятерку при ней просадил и попытался начать в долг играть — вы ж, мол, меня знаете, я клиент постоянный, кучу денег у вас уже оставил, — а ему все пытались отказать и наконец сжалились, разрешив кредит на десятку еще. Тут она не выдержала уже — прошептал ему на ухо, что он позволяет им вести себя с собой как с мальчишкой, и не хрена с этим хамьем иметь дело. И если ему некуда девать деньги, пусть иномарку ей купит. Или сделает первый вклад в свое собственное казино и приобретет «однорукого бандита» — иотрегулирует так, чтобы только выигрывать на нем и деньги из одного кармана в другой перекладывать без ущерба для бюджета и с пользой для психики.

Наверное, ей не стоило встречать — не ее было дело. Но Армана развеселило жутко ее предложение, и он хохотал без остановки минут десять, и они ушли. И поехали к ней — где он признался, что у него все очень плохо. И журнал придется

прикрыть, потому что следующий номер, который у нее был уже собран и готов к отправке в финскую типографию, печатать не на что. А самому ему, наверное, пора сваливать из страны — потому что Леха уже начал что-то подозревать. И если вскроется, что Арман потерял кучу денег — а кроме журнала, и другие были потери, куда более солидные, — все может кончиться плохо.

Она знала этого Леху — Арман их и познакомил. Он его крышей был — хотя не похож был на крутого бандита, скорее на шпану какую-то. Невысокий, худенький, комично смотрящийся в непомерно большом для него мерседесовском джипе. На вид — типичная провинциальная шпана. Весь в золоте массивном, наколки на пальцах, никакой солидности. И смотрел на нее нагло, при всех раздевая взглядом. И даже как-то в ресторане, где они оказались рядом — на дне рождения Армана, тот сам ее к Лехе посадил, чтобы она как бы с ним была, чтобы жена Арманова не догадалась ни о чем, а от Лехи он подвоха не ждал, присмотрит, мол, за тобой, чтобы никто другой не докопался, — откровенно ей заявил, что и сам бы был с ней не прочь переспать. Прямо в лоб, безо всяких намеков.

Но при этом он был какой-то там авторитет — так Арман говорил. Якобы известный всей Москве и, может, не всеми уважаемый, но зато у всех

вызывающий страх и потому легко решающий любые проблемы с кем угодно. А когда она ему рассказала, как Леха к ней приставал — просто так рассказала, без деланного возмущения, — Арман заявил с гордостью, что он шутил просто, потому что они с Лехой друзья. Старые хорошие друзья. Но, естественно, денежные проблемы и дружба оказались разными вещами — тем более что речь шла о трех миллионах потерь и куда более солидном долге.

Она была в шоке, когда услышала слова Армана. Все было так хорошо, и журнал уже был раскручен, и через месяц-другой можно было поднимать тираж с пятидесяти тысяч до семидесяти, а то и до ста. И она ведь не хапала, не покупала себе ничего на средства журнала, не воровала — а упорно делала свое дело. И гордилась тем, что журнал знают и ее тоже. И на всякие мероприятия приглашают уже не как журналистку, но как главного редактора. А тут...

— Но ведь ты что-нибудь придумаешь? — спросила, не сомневаясь, что выход есть. Уж если ей самой несвойственно было унывать, и падать духом, и лепетать растерянно и подавленно, вопрошая небо, что же ей делать теперь, — то он-то вообще был мужик. — Я знаю — ты придумаешь, ты же умный!

— А я уже придумал! — Он ухмыльнулся пьяно. — Канал нашел, как на Запад перевести то, что у меня тут есть, — за пару недель все сделаю. И кредит мне тут дать должны — через Леху пробил. Как получу — можно ехать. Маловато, конечно, чтобы насовсем уезжать — миллиона полтора максимум наберется, — но уж лучше там экономно пожить, чем тут пулю получить. Как считаешь?

Она кивнула. Думая не о нем — о том, как быть ей. Кого убедить дать денег на журнал, как сделать так, чтобы новый спонсор не только не сократил расходы, но, наоборот, их увеличил. Как добиться, чтобы он не влезал в редакционные дела, предоставив ей, как и Арман, полную самостоятельность.

— В Канаду я решил — в Нью-Йорк думал, но опасно, дела же наши общие с евреями накроются. — Арман налил себе еще коньяку, и снова доверху. — А у меня в Канаде, в Торонто, приятель живет, школьный еще друг — я тут звонил ему, он говорит, достаточно триста тысяч в экономику вложить, чтобы вид на жительство дали. Домик купить скромный двухэтажный в пригороде — тысяч в двести обойдется, не больше, если без понтов. А мне понты на кой — у меня в этой жизни уже было все, ты же знаешь, и какая теперь радость от того? Вот я и решил по-другому пожить. — скромный домик, «форд» какой-нибудь простенький, ну еще

одна машина, и все, что еще надо? Лет пять посидим тихо — а там можно в бизнес местный начать влезать не спеша. Может, чего пойдет — а не пойдет, миллиона нам надолго хватит. Главное не высовываться — а так проживем. Да получше, чем здесь, проживем. Жене тут куча всего останется, и квартира на нее записана, и дом, и еще кое-что, и счет у нее в банке свой — и на нее, и на детей останется. А мы...

Она только теперь поняла, что он говорит не «я», а «мы» — что имеет в виду себя и ее и предлагает ей уехать с ним. Но она совершенно не собиралась никуда уезжать. Будь у нее такая цель — выйти замуж и уехать за границу, — она бы с восторгом ухватилась за слова Армана. На ту сумму, которую он назвал, там очень долго можно было бы жить — тем более он придумал бы что-нибудь с бизнесом и она бы наверняка нашла себе работу, да без сомнений. Но сидеть пять лет без дела, боясь, что тебя найдут и убьют — не ее, Армана, конечно, но она-то с чем остается? Деньги заберут, ну пусть даже останется что-то — но здесь-то все потеряно, связи исчезли, заслуги забыты. И что — искать там миллионера, который на ней женится? Или возвращаться и начинать тут все с нуля?

Арман долго еще говорил и много, все пьянея и пьянея, не сомневаясь, что она счастлива будет

уехать с ним, — и так и отключился у нее, чего с ним не случалось раньше, потому что он не напивался, во-первых, а во-вторых, всегда возвращался домой. А она уложила его кое-как и просидела рядом с ним всю ночь, думая, как ей быть. И к утру приняла решение.

Арман, проснувшись, не вспоминал вчерашний разговор — наоборот, делал вид, что все о'кей, и, кажется, даже забыл, о чем шла речь. Хотя и подозревал, судя по испытующим взглядам и наводящим вопросам. Видно, по пьянке проболтался, а так потянуть еще хотел с этими новостями. Но она ему подыграла, ничего не спрашивая, ничем не показывая, что слышала что-то. А из редакции уже позвонила Лехе — он ей впихнул как-то номер своего мобильного.

А через две недели Арман пропал. Говорили, что сбежал за границу, взяв крупный кредит, — даже в газете писали. Но она знала, что это не так. Хотя потом убедила себя, что он и вправду сбежал. Сбежал, бросив ее, — а значит, не заслуживает того, чтобы о нем вспоминать.

О том разговоре с Лехой не должен был знать никто. Кроме самого Лехи, который теперь сидел плотно и должен был выйти лет через десять. Но возможно, кто-то все же знал. И выжидал момент, чтобы ей отомстить. И...

Она одним глотком опустошила содержимое толстостенного приземистого стакана, беря в руки мобильный, набирая знакомый номер.

— Андрей? Андрея позовите. Скажите, что это Ольга — он знает. Ольга, Ольга!

Голос на том конце все задавал вопросы — таким тоном, что сразу понятно было, с кем она говорит. Ну что за люди — стал ты солидным бизнесменом, на вид весь из себя респектабельный и уважаемый, зачем же допускать, чтобы рядом с тобой уроды твои ошивались, по которым сразу ясно, кто они. И соответственно ясно, кто ты.

Всегда такой солидный и ухоженный, в костюме, никаких цепей напоказ и татуировок, речь интеллигентная и правильная, шестисотый «мерседес» с водителем — а вокруг братва в цепях и Версаче, матерящаяся, говорящая на непонятном жаргоне, отпугивающая окружающих. Нельзя было цивилизовать их как-то — одеть строго, научить нормально разговаривать, имиджмейкера нанять, чтобы вид им придать другой?

— Не, Ольга, — нет Андрея. Не может он щас говорить с тобой. Ты это — потом позвони. А чё ему сказать-то — чё за Ольга-то? Чё за дело-то у тя?

Она отключилась. Говоря себе, что, может, это к лучшему — что она не переговорила с ним. Он все равно не в курсе истории с Арманом — и про участие ее в Лехиной судьбе не знает ничего.

И что она ему объяснит — что боится неизвестно кого?

Нет, это было ни к чему. Он ее уважал за деловую хватку, сам говорил, что она как питбуль — вопьется, не оторвешь, все равно до горла доберется, сколько ни дергайся. И ни к чему ронять свой авторитет в его глазах — он не поймет, если она расскажет ему про карты. А если и поймет — то что? Даст охрану из своих? Нет уж — с такими рядом лучше не светиться, близкое знакомство с бандитами давно уже никому в плюс не идет, в минус только. А значит — надо придумать что-то другое.

Она покосилась на входную дверь — поеживаясь, ощущая физически, что за ней бродит кто-то, кто-то непонятный, преследующий неясные цели, но в любом случае ее ненавидящий и не желающий ей ничего хорошего. А потом посмотрела на бутылку, в которой оставалось еще граммов пятьдесят спасительного напитка — эликсира храбрости, который должен был вернуть ей силы, уверенность и азарт.

И решительно свинтила крышку, наполняя стакан, — потому что сейчас ей очень нужен был этот эликсир и подаренные им искусственные эмоции. Просто необходим...

6

— Слушай — помнишь, мы какую-то гадалку раскручивали? Ну что там у нее — салон белой магии, что ли? Ну гадалку — а может, ясновидящую, мне один черт!

Сергей удивленно вскинул глаза — минуту назад они говорили совсем о другом, о чем-то очень и очень неприятном, и тут такое переключение. Но он умел себя контролировать — и удивление тут же стерлось с лица. Уступая место привычной вежливости и благожелательности.

— Да, Ольга Дмитриевна, было такое — Валера этим занимался, кажется, или Алена. Я уточню. А...

— Да подруга одна просила — несчастье у нее, а она верит во все это, в сглаз, порчу, ну муть всякую. Хотела им ее сосватать — чтобы качественно сделали все и подешевле. Ты уточни прямо сей-

час, ладно? И сразу мне звони. Она срочно просила — надо ж помочь человеку...

Сергей кивнул почтительно, вставая, понимая, что разговор окончен. Тихо выходя — но почему-то оглянувшись на нее в дверях. Так украдкой оглянувшись — словно хотел убедиться, все ли с ней в порядке.

Она знала, в чем причина. В том, что она лоханулась сегодня и из рук уплыл весьма выгодный заказ. С ней такого никогда не случалось еще — это в первый раз было. Бывало, что у нее вырывали клиента или она у кого-то, — это да. Но чтобы упустить то, что было уже в руках...

Она знала, кто в этом виноват, — эти чертovy карты. Именно они все испортили. Из-за них она плохо спала, из-за них психанула с утра, а потом приняла двести граммов вискаря. И хотя отошла быстро, запах все равно чувствовался. По крайней мере ей показалось, что Саша этот, из банка, сразу уловил что-то, как только они сели за столик выпить кофе, — потому что посмотрел на нее так странно. А она ему сказала с улыбкой, что иногда с утра позволяет себе кофе с коньяком — чтобы взбодриться после короткой в связи с обилием работы ночи. И жутко озлобилась на себя за жалкое вранье — и на него, ведь перед ним она была вынуждена оправдываться, хотя она ему нужна куда больше, чем он ей. И все сразу пошло наперекосяк.

Они несколько дней назад обговорили все — в принципе осталось только бумаги оформить, он за этим и приехал. Ну и уточнить размер «обратки» — то есть его процент. Неофициально положенный ему за то, что с его помощью свою рекламную кампанию банк отдает именно ее агентству, а не другому. В общем, мелкие вопросы. Но она лоханулась.

Она с ним давным-давно познакомилась — буквально через несколько месяцев после того, как возглавила агентство. Пригласили на одну тусовку, и он там был — высокий бородатый мужик лет сорока, крупный, вальяжный, в хорошем темно-синем костюме, но намеренно мятом каком-то, и галстук завязан кое-как, с подчеркнутой небрежностью. Стилль такой, короче. Но тем не менее вице-президент банка по связям с общественностью — так в визитке было написано, которую он ей дал.

Вот, считай, полтора года она его обхаживала. Не так чтоб конкретно — но всегда поздравления посылала на все праздники и звонила регулярно. И когда на тусовках сталкивались, улыбалась и кокетничала. И намекала, что надо бы им поплотнее познакомиться — в плане работы. Банк его в десятку крупнейших входил и, даже когда кризис этот чертов приключился и чуть ли не все пострадали, не потерял ни цента. Хитрые люди, видать,

в руководстве, и связи наверху солидные — чем еще объяснить, что кризис на них не сказался, что они даже выиграли на нем — судя по тому, сколько в рекламу вкладывают.

А месяц назад он сам ей позвонил — сказал, что встретиться надо, в доме приемов банка, есть интересное предложение. И она подъехала. В жизни бы не догадалась, что в самом обычном переулке в центре, за железным, ничем не примечательным заборчиком такая красота скрывается. Особняк, отреставрированный полностью, начиненный охраной да камерами слежения. И роскошь, проявляющаяся во всем — от паркета до бутылок со спиртным и ящичками с гаванскими сигарами. Умная такая роскошь, сдержанная, не помпезная.

От спиртного она тогда отказалась, естественно, — сошлись на кофе. Ну он и начал вокруг да около — мол, руководство солидную рекламную кампанию затевает, необходимо это при нынешнем состоянии рынка, когда народ не знает, к кому податься, и банков боится как огня. Так что планы наполеоновские, денег руководство не пожалеет, вопрос лишь в том, как именно кампанию проводить, что показывать, и что говорить, и что писать. И если она может предложить что-то новое, то он убедит руководство не с Синицыным заключить контракт, как обычно, а с ней.

И она загорелась. Понимала, конечно, что суть его предложения не в новом подходе к рекламе — а в том, что он хочет получить с заказа свою долю, а Сеница, видно, эту долю занижает. Просто там об этом говорить он не хотел — может, подслушка у них стоит в доме приемов, черт его знает. А может, проверял, насколько она умна и поймет ли, что за словами его стояло.

Она поняла — но все равно озадачила Сергея. И тот неделю сидел не разгибаясь вместе с Аленой. Ролики, слоганы рекламные, прочие мелочи — все продумано было, все свежее, западное, оригинальное. Серега все-таки высшего класса профи — недаром его даже Сеница переманивал. Но он не ушел почему-то — хотя там ему платили бы побольше. Может, потому, что здесь он был номер два, а там был бы третий или пятый. А может, рассчитывал, что она уйдет куда-нибудь повыше, а он займет ее место.

В общем, они встретились еще раз в доме приемов, она отдала бумаги, а он их при ней даже не посмотрел, гад, — таким деловитым сразу стал и жутко занятым. А в прошлое воскресенье опять встретились — в суши-баре у Пассажа. Она при параде, как всегда, а он в джинсах, в мятой рубашонке с короткими рукавами, хотя на руке часы от Картье — прям миллионер на отдыхе. И там он ей и сказал, что руководству план кампании, в

общем, понравился. Не будь лично он заинтересован в том, чтобы помочь ее агентству, ничего бы, естественно, не вышло, — она еще подумала про себя, что это он так, для понта, — но с его помощью все о'кей вроде должно быть. И если его интересы будут учтены соответствующим образом — это он вскользь заметил, — то можно считать, что контракт у нее в кармане.

Вот и приехал сегодня с бумагами. Как всегда, мятый весь, туфли пыльные, узел галстука на уровне верхней пуговицы пиджака, щетина минимум трехдневная, портфельчик потертый. А когда за столик сели и Танька кофе принесла, посмотрел на нее так странно, с оттенком брезгливости — видно, алкоголь почувствовал, пробившийся-таки после многократной чистки зубов и нескольких пластинок жвачки. И она хоть и просекла сразу и бросила с улыбкой про кофе с коньяком, якобы спасающий после бессонной ночи, у него такой вид был, словно он, дворянин потомственный, с выскочкой какой-то вынужден общаться, с лохиной. И ноготь сломанный, кажется, тоже заметил — ей так показалось по крайней мере.

Ну она и озлобилась — сразу вспомнив и вечный гонор его, и понты, и то, что на всех сверху вниз смотрит. Хотя все достоинство его в том, что папа у него большой начальник — настолько большой, что смог впихнуть сына, неудавшегося

писателя, на высокую должность в банк. Вот он и выглядит до сих пор как классический писатель — намеренно помятый и небритый.

Она много всего про него знала — специально навела справки, чтобы точно представлять, с кем имеет дело. Знала, что он тайком от банка контору одну учредил с другими людьми, которая концерты организует — а он банк убеждает эти концерты спонсировать. А когда она ему как-то предложила рекламную кампанию одного из намечавшихся концертов провести, он руками развел — я тут ни при чем, мы только спонсоры. А реклама Синице ушла.

Короче, все всплыло, что накопилось внутри. И когда он ей небрежно так заметил, что его доля восемь процентов, и налом, и сразу по перечислении первой суммы от банка, она вообще вскипела. Ладно пять бы просил — с полутора лимонов баксов и так прилично набегает, семьдесят пять тысяч. Ладно бы безналом — так проще, можно на какую-нибудь фирму перевести якобы за маркетинговые услуги, такое практиковалось часто. Ладно бы потом, когда вся сумма у нее будет, — не то ведь отдашь ему все, а банк после первого перевода контракт расторгнет. И в общем, выходило, что они с этих полутора лимонов максимум пятнадцать процентов получают — и больше половины от этих пятнадцати должны отдать. Да еще и

голову ломать, как это сделать, как провести этот налик.

Ну, она эмоции сдержала. Начала объяснять, расклад давать по цифрам, доказывая, что слишком много он просит. А он отмахнулся небрежно — мол, плети, подруга, меня это не трахает, мне бабки вынь да положь. А она уперлась — потому что он ее озлобил. И с улыбкой заметила, что знает, что Сеницын за такие заказы пять процентов откатывает, не больше. «Ну так это Сеницын, — так он ей ответил. — А я же не ему даю зарабатывать, а тебе».

Зря он так сказал — ее это совсем взбесило. То, что он ей показал, что ей до Сеницы далеко как до неба. Начала говорить, что ее агентство ему нечто новое и оригинальное предложило вместо сеницынского отработанного старья. А он ей в лоб — да брось, Ольга, ни хера там особо нового нет. Начальство мое и Сеницын вполне устраивал. А я вот думал тебе помочь — а ты, оказывается, благодарной быть не умеешь. И встал и ушел.

А она осталась. Вскочила, кулаки сжала, по кабинету ходила взад-вперед и материлась минут пять. Потом уже, когда пелена ненависти схлынула, сказала себе, что дура, что надо было отдать сколько он просил, в конце концов, главное — зацепиться за этот банк, за следующую кампанию

поменьше бы ему отдала, а пока агентству и этого хватило бы, престиж тоже дорогого стоит. Но поздно уже было — не бежать же за ним. Ну и успокоила себя — вернется, мол, попонтуется и вернется. И на шесть процентов согласится — все больше, чем пять.

Но при этом она знала, что он не вернется. И что заказ от нее уплыл. Обратно к Синице — у которого она его было оттяпала. Что это ее прокол. Первый — и серьезный. И Серега об этом догадывается. И хотя на него плевать — но на себя-то не плюнешь, себе не совершь.

Во всем виноват был тот, кто подкладывал ей карты. Тот, кто каким-то образом сумел забраться под броню уверенности, спокойствия и равнодушия, которой она обросла за то время, что жила в Москве. С тех пор как поняла, что должна подняться любой ценой. И пусть броня поначалу была слабой, за десять лет укрепилась так, что из пушки не пробьешь. Но теперь ее пробили — и не снарядом, а картами. Обычными кусочками картона.

Как раз когда чертов банкир уперся, она и вспомнила про гадалку. Что припиралась какая-то баба, вся увешанная какой-то хренотой, плела ахиною про сглаз, порчу и возвращение утраченных любовей. Здоровая черноволосая бабища в немыслимом наряде — но при этом явно не чокнутая, потому что при бабках. По крайней мере

на раскрутку денег хватило — и в газетах, и на телевидении. И привозили ее на «опеле-омега» новеньком — не «мерс», конечно, но и не «Жигули».

Она сама никогда ни во что не верила — ни в Бога, ни в черта, ни в приметы и прочие суеверия. Даже в случай не верила — не сомневаясь, что он появляется только у того, кто что-то делает. Потому что просто так его ждать — хрен чего дождешься. А она и не ждала — она использовала по полной то, что подворачивалось.

Это еще в школе началось — когда она в самом начале последнего класса обиделась на парня одного и решила ему изменить в отместку. И отдалась давно облизывавшемуся на нее физкультурнику, мужу директрисы. И еще так все разыграла, словно он сам ее изнасиловал и девственности лишил, которой уже не было. Просто так разыграла — чтобы за проститутку ее не принял. А спустя недели три ляпнула ему, что у нее задержка, — тоже просто так.

Так все и началось. Он белый весь стал, она испугалась, что помрет сейчас, — никому не говори, помогу чем надо, все сделаю. Так она и в комсомол вступила, и аттестат ей сделали дай Бог, и если бы пораньше отдалась ему, может, и медаль бы получила — с ее-то вечными тройками.

А на журфак поступала как? Статейки в местной газете за нее парень один писал, который ее и

лишил на самом деле девственности, — его идея была насчет факультета журналистики. Она бы и не придумала сама такое, а он столько твердил, что выгоднее профессии нет, что она в это поверила. А материн дальний родственник, преподававший в универе на мехмате и обещавший посодействовать с поступлением, палец о палец бы не ударил, если бы она не сделала то, что он хочет. Принял как бедную родственницу, даже у себя не предложил пожить — в общагу впихнул на время сессии. А как жена уехала, в гости позвал — хотел, мол, советы насчет экзаменов дать.

Ну и дал, старый козел. Вино сухое на столе, коньяк, закуски всякие, он про мать расспрашивает, про отца и брата и прочую родню, а сам все пялится и норовит то по волосам погладить, то по руке. И личной жизнью все интересуется — не девочка ли ты, мол, невинная? Ты, мол, Расскажи мне, старику, что у тебя с кем было, я никому, да и не стесняйся, а же родственник, пусть и дальний. И вообще оставайся, ты выпила все же, как поедешь, — а сам, тварь, все подливал специально! — и свободная комната, мол, есть, переночуешь хоть в домашних условиях.

Короче, все понятно было. Что если она не сделает, чего он хочет, помощи ждать не стоит — а без помощи не поступить. Пришлось притвориться пьяной, рассказать ему полупридуманную ис-

торию про первого и якобы единственного мужчину в своей жизни — коль скоро он так настаивал на рассказе и даже глазами заблестел и нижняя челюсть отвалилась, — который совсем ее не удовлетворял и даже разочаровал. Она, правда, никогда не умела играть — даже сейчас, а тогда тем более, — но он поверил. И начал вдруг успокаивать, подливая спиртного, обнимая да поглаживая, — а потом предложил ей принять душ, жарко якобы, да и так она протрезвеет. И подсматривал за ней сквозь приоткрытую дверь — а потом предложил поспать часок, уж больно она, на его взгляд, пьяная была.

Мерзко было — жирный мужик лет пятидесяти, немытый, вонючий, жутко боящийся того, что делает, но неспособный остановиться. Видно, жена ему лет двадцать уже не давала. Даже эту штуку свою в рот ей запихнул, хотя она и не знала, что с ней делать, и давилась, и чуть не вырвало даже. И терся об нее, и ставил по-всякому, и смотрел жадно — ему не столько трахаться надо было, сколько смотреть. Говорил, чтобы она мастурбировала, требовал себя руками хватать. И главное, кончил-то один раз всего, противно и липко, — но из постели не выпускал часов шесть. И даже в туалет за ней поперся — и тоже смотрел, хотя у нее от его взгляда не получалось ничего.

Зато она нашла верный ход. Посреди ночи, от отчаяния уже, изобразив, что протрезвела, и ра-

зыграв жуткое потрясение. Со слезами, всхлипами, криками, бессвязным бормотанием, стонами и раскаянием. И заявлением, что она утром же вернется в общагу, напишет письмо матери, в котором расскажет обо всем, абсолютно обо всем, а потом повесится, оставив предсмертную записку, чтобы о ее грехе знали все.

Он, естественно, был в шоке. Он убеждал, тряся от страха, пил сам и наливал ей, а она выливала все демонстративно на пол. Он умолял, упрасивал, молил не губить, сам даже разрыдался, урод паскудный, и, кажется, подумывал о том, чтоб выброситься в окно раньше, чем она повесится. Он больше не лез — да и не думал об этом, он уже все проклял, кажется, — и пытался ей рисовать светлое будущее, которое ждет ее после поступления и ради которого стоит жить. И когда она спросила: «А если я не поступлю?» — поклялся жизнью жены и детей, что она поступит. И она поступила — и, разумеется, не видела его больше, тем более что журфак в отдельном здании был.

Не всегда все, конечно, получалось. Весь первый курс с парнем одним спала, у него папаша собкором одной центральной газеты был, во Франции сидел черт знает сколько лет. Все думала, что он женится на ней, — даже аборт сделала, когда залетела, чтоб не заставлять его жениться, чтобы

по-нормальному все было. Потом с другом его встречалась, из МГИМО, тоже весь из себя блатной — и тоже только в койку тащил, а чтоб что-то большее...

Но зато потом все шло как нельзя лучше. И только благодаря ее собственным усилиям. А так бы и сгнила себе в этом Курске — была бы сейчас жутко толстой некрасивой бабой с двумя или тремя детьми, ходила бы в толстых синих рейтузах, безразмерном ситцевом платье и уродливом пальто с воротником из кошки. И торговала бы пирожками на рынке, а дома торчал бы безработный и вечно пьяный муж. Кошмар!

В общем, ни во что она не верила. Просто показалось в какой-то момент, что тот, кто подкидывает ей карты, — он вовсе не хочет ее предупредить, что ее заказали и убьют вот-вот. Не пытается покуражиться перед тем, как на курок нажать. Профессионалы так не делают — а лоху бы ее не заказали. В рекламном бизнесе несколько убийств громких было — но все так, что концов не найдешь, на высшем уровне все. А тут совсем другое.

Недоброжелатели у нее были, конечно, — и Синица, и кто помельче. Но раз три дня клали карты, а до сих пор не выстрелил никто, не подложил мину в машину — значит, эти карты что-то значили. Тем более одни и те же и на коврике

были, и под дворником — этому кому-то не лень было выбрасывать колоду, пусть и дешевую, ради шести карт, и, видимо, в них был какой-то смысл. И может, рехнутая эта гадалка что-то могла объяснить — потому что, может, такой же рехнутый их ей и клал. И может, можно было как-то его вычислить через нее.

Так что она собиралась ей позвонить — и подъехать, просто на всякий случай. Но следовало сделать и еще один звонок — в одно солидное охранное агентство, которому они делали рекламу пару месяцев назад. Потому что ей мало было узнать, что значат эти карты, — ей надо было и поймать того, кто их клал. Чтобы он ответил — и за три дня психоза, и за ничего, в общем, не значащего Вахтанга, и за срыв контакта с телеведущим, и за прокол с банкиром.

Она улыбалась, снимая трубку и набирая номер по визитке с изображенными на ней мечом и щитом. Улыбалась так, что если бы сейчас кто-то вошел в кабинет и увидел эту улыбку, то вышел бы, пятясь и бледнея.

— Мельникова можно? Сергей Иванович? Это Ольга Белкина, помните? Как у вас бизнес — цветет? У меня? Да все о'кей — разве может быть иначе? Но проблемка одна есть — небольшая, но... Я вообще с вами в городе встретиться хотела, победать, может. Но если коротко — люди какие-

то мне бумажки под дверь подкидывают три дня подряд, по утрам или ночью. Под дверь и к машине. Ничего страшного — просто любопытно, кто такие и чего хотят. Так что мне бы пару человек, чтоб поймали. Да нет, думаю, и дня хватит. Сама сегодня чуть не поймала — опоздала на пару секунд. Ну зачем бесплатно — я заплачу сколько надо, ну, может, чуть скинете по старой дружбе. Нет, от бесплатного кто же отказывается? Тогда с меня обед — идет? О'кей, в семь так в семь. Какую кухню предпочитаете? Тогда в «Саппоро» на проспекте Мира. Все, до встречи...

Она положила трубку, глядя в никуда, мысленно говоря тому, кто нарушил ее покой, что шутить ему осталось недолго. И скоро она за все спросит с него лично. Может, даже завтра. Скорее всего завтра.

Нет — точно завтра...

7

За дверью было тихо, и она напряженно вслушивалась в эту тишину. Зная, что бояться больше нечего, — но ожидая, что в дверь вот-вот позвонят. И скажут, что задержали того, кто подбрасывал ей карты. Но они не звонили пока. Может, боялись разбудить, хотя она им сказала, чтобы позвонили в любое время, хоть в три ночи, хоть в пять утра, значения не имеет. Потому что для нее это очень важно.

Но звонка не было. Молчал мобильный, лежавший рядом с кроватью. Молчал домашний, хотя она специально перенесла один из аппаратов в спальню. Никогда не хотела, чтобы в спальне был телефон, но тут сделала исключение. На один раз.

Она давно уже проснулась. Легла поздно, в третьем часу, а проснулась в шесть. Может, потому,

что приняла опять прилично, — от жажды и проснулась. Наверное, не надо было — успокоилась же вроде после встречи с этим Сергей Ивановичем. Нормальный мужик, солидный, одет хорошо, и не скажешь, что военный бывший, скорее на дипломата похож или бизнесмена. Она ему так и сказала в ресторане. А он ей: «Оля, только между нами, но я много лет за границей просидел, резидентом ГРУ работал во Франции и в Швейцарии. Правда, крыша была аэрофлотовская — но все равно вы почти правы. Глаз как у разведчика».

Приятный мужик. Он ей еще в первый раз понравился, когда в начале года знакомиться приехал и насчет рекламы узнать — цены, что могут, что не могут. Она обычно заказчиков такого уровня к Сереге отправляла, а тут голос такой в трубке — жесткий, уверенный, настоящий мужской, короче. Приехал на «вольво» с водителем, высокий, подтянутый, усы такие густые, пиджак дорогой твидовый, галстук от «Живанши джентльмен», она увидела. И туалетная вода какая-то классическая, «Фаренгейт», кажется, — еле уловимый запах, как и надо мужику пахнуть, чтобы не вонять по-бабьи на два километра.

И в кабаке с ним посидеть приятно оказалось. Куча комплиментов, а потом сразу к делу. Выспрашивал профессионально, все мелочи и все детали. Ну она рассказала что могла — не влезая в

прошлое в смысле. Стараясь показать, что не особо беспокоится, просто интересно кто, да и на квартиру два месяца назад переехала, адреса никто знать не должен. А он если и понял, что она дергается, то виду не подал — но все равно успокоил. Сказав, что с двенадцати ночи у ее дома будут дежурить два парня — один у машины, другой у квартиры. И даст Бог, все решится быстро — потому что действительно на первый взгляд несерьезно все это выглядит, по-любительски. Хотя с другой стороны, в наше время даже таким мелочам надо значение придавать — береженого Бог бережет.

Она так расслабилась, что, наверное, не против была бы продолжить вечер, — но у него, похоже, были другие планы. Сказал что-то про дочь, у которой свадьба на днях, и засобирился. Еще и расплатиться сам хотел — еле уговорила, наглотать ни к чему все же, раз охрана бесплатно. А оттуда сразу домой — никуда не хотелось.

Настроение было супер, а когда вошла в подъезд, сразу вспомнила про траханые эти карты — и оно упало заметно. Хорошо хоть на коврикe ничего не было — вот уж лишнее. Но все равно дома думала долго о них и о том, кто их подкладывал. И о том, как она с ним разберется.

Вот поэтому и напилась — потому что злилась и нервничала и знала, что не заснет, хотя так хоте-

лось, чтобы скорее наступило завтра. Да еще и вспомнила, сколько потеряла из-за этого урода, — тоже не лучшая мысль для спокойного сна. Ну и открыла бутылку вискаря, благо запас дома был, — думала, граммов пятидесяти хватит, чтобы расслабиться, а усидела все семьсот. И это тоже из-за него — из-за этой твари, которой очень скоро придется отвечать за свои дела.

Она потянулась резко, тут же морщась от головной боли, протягивая руку к бутылке с принесенной полчаса назад минералкой. Уже почти теплой, но все же утоляющей жажду. А потом закурила. Спыхватываясь на мгновение — потому что изменяла давней привычке не курить в спальне, в крайнем случае курить как можно меньше. Но она вот уже третью ночь подряд выкуривала тут чуть ли не по пачке, пропитывая все дымом. Обеспечивая на будущее кислый затхлый запах, который будет исходить от штор, сливочного цвета покрытия, покрывала — вообще всего.

Она заколебалась на мгновение — но все же затянулась глубоко. Ставя мысленно еще одну черточку в списке недобрых дел этой паскуды. Говоря себе, что уже сегодня вечером она вернется к нормальной жизни. Сначала просидит целый день на работе, чего не делала с понедельника, а потом приедет домой, разберет образовавшийся в квартире бардак, приведет себя как следует в порядок —

и никаких сигарет тут, да и даже в гостиной минимум, и никакого спиртного. А назавтра — косметика, массаж, процедуры всякие. Да и волосами пора заняться, и в тренажерный сходить. Тем более что завтра встреча с этим самым важным в ее жизни клиентом.

Если все же это кто-то из прошлого — то как он узнал ее адрес? Его на работе только Сергей знает — и Танька, может. В смысле знают домашний телефон — а по нему адрес вычислить несложно. У всех остальных только мобильный. Мужиков она сюда не водила — только Андрея. Работяги, делавшие ремонт, не в счет. Правда, работяг присылал мужик из конторы по ремонту — она с ним все обсуждала и договор подписывала, — но уж с ним-то у нее не было никаких проблем, все получил, и скидку сам делал, ну и она чуть сбила, но все равно прилично он заработал. Риэлтеру, через которого брала квартиру, тоже нечего было ей предъявить — хотя она цену снижала до тех пор, пока не увидела, что ниже он уже никак не опустит, все равно ведь не остался внакладе. И даже если кто ее искал и нашел, сделал он это уж точно не через работяг, ремонтника или риэлтера, тем более фамилию ее знал только последний. Но у него была куча клиентов и повыше, чем она, вряд ли он стал бы всем своим знакомым про нее рассказывать. А значит...

Она не знала, что это значит. То ли то, что кто-то вытянул ее номер из Сергея или Таньки, — то ли то, что кто-то ее проследил от офиса до дома. Она не знала, но собиралась узнать — и очень скоро.

Мельников спросил ее вчера, что делать его ребятам с тем человеком, которого они задержат, если он придет. Мол, официально оснований никаких, в подкладывании карт состава преступления нет, так что вы уж скажите, как с ним поступить? Шею намылить, может, да послать подальше? Или еще и в милицию сдать — и так как связи есть, оформить как мелкое хулиганство или, если постараться, по более серьезной статье? И она задумалась, растерявшись на мгновение, — а потом сказала, что трогать его не надо, бить в смысле, только пусть ей его покажут и пусть выяснят имя и фамилию и адрес. А там она разберется — сама.

Да, это была классная мысль. Тем более что Мельников, кажется, опасался, что могут возникнуть проблемы, — осторожный, гад. Но ей и вправду не надо было, чтобы того избивали, — ей нужны были имя и адрес, чтобы тут же пересечься с Андреем и сообщить их ему. Чтобы его люди вывезли куда-нибудь этого урода и обработали так, чтобы мало не показалось. Есть деньги — пусть на деньги ставят, он ей много должен. Ну а если нет —

пусть отделают как следуют и узнают, зачем он это делал. А потом...

«А потом пусть там его и оставят, — подумала мрачно, ломая в пепельнице сигарету, прикладываясь к бутылке с водой, снова протягивая руку к сигаретной пачке. — Что с ним еще делать — там и оставлять...»

На часах было шесть пятьдесят — а дверной звонок и телефон молчали. Может, этим не сказали номер ее мобильного, а в дверь звонить боятся? Да нет, Мельников мужик деловой и конкретный, по нему видно, — значит, просто еще никого нет. Значит, эта падла, кем бы она ни оказалась...

Она вспомнила вдруг, как вчера, еще до встречи с Мельниковым, поехала к гадалке. Все равно настроение было нерабочее, только злилась и дергалась, а делать ничего не могла. Он попросил на восемь встречу назначить, а был час дня — ну что прикажете делать? А тут Сергей приносит телефон этой дуры.

Ну и набрала — напомнила, кто и откуда, заметила, что дело есть срочное, может быть, даже взаимовыгодное, готова подъехать через часок. А та еще не сразу вспомнила и вроде как раздумывала даже, словно чересчур занятая. А потом просекла — и заюлила. Ой, да конечно, да ждем, да раз у вас беда, мы всегда готовы, в любой момент. Мол, это наше призвание — людям помо-

гать, тем более хорошим. Она ей чуть не сказала, что это у нее может быть беда, если и впредь такой забывчивой будет. Но не сказала.

Потом, когда сидела в ресторане, даже посмеялась над собой — ну надо же было в такую дурь ввязаться! Ведь один черт ни во что и ни в кого не верила, кроме себя, — а поперлась. Да еще в пробку жуткую попала, минут сорок стояла, думала, «мерс» вот-вот задымится, он что-то сильно в последнее время грелся. Может, чувствовал, что и хозяйка кипит — от нервов. И нашла не сразу — думала, вывеска броская, а тут обычный дом, ничего не понять, подъезды на кодовых замках. Сама виновата — не дослушала, когда та ей объясняла, как добратся, трубку бросила. В итоге бродила вокруг этого дома, пока дверь маленькую железную не заметила — а возле нее табличку крошечную. На первый взгляд — дворницкая какая-то. А оказалось — то самое.

Внутри — как у частного врача. Девка какая-то на телефоне типа секретарши, народ сидит, по виду уроды моральные, пришибленные жизнью, — а эта в кабинете принимает. Ждать пришлось минут двадцать, пока у нее клиент сидел, — в общем, сама виновата, минут на сорок опоздала, хотя та могла бы ради нее прием отменить на сегодня, — и когда вперед ломанулась, народ бубнить начал недовольно, что очередь, мол, тут.

А в кабинете вообще отпад. Здоровенная комната, ремонт хороший — это она сразу отметила. Стены и потолок в светло-серой краске, здоровый стол, кресла мягкие, кушетка кожаная — прям как у психоаналитика из западных фильмов. Вот только свечи горят повсюду и пахнет благовониями терпко и удушливо — а по стенам картинки типа иконок. А за столом здоровенная бабища все в том же нелепом наряде, в котором она ее видела, — платье, на нем накидка полупрозрачная, в звездочках, точечках, закорючках каких-то.

И главное — рта не дала раскрыть, уродина, именующая себя ясновидящей Лоттой. Сразу лепить начала про год Апокалипсиса, предсказания Нострадамуса, про то, что якобы конец света грядет, про солнце гиперактивное, негативные вихри и прочую заумь. Что у многих сейчас тяжелые дни, болезни обостряются, психозы проявляются, и она как астролог и маг всем советует принимать меры предосторожности и защиты — особенно тем, у кого биополе ослабло, поврежденное черной энергией.

А потом про звезды — что планеты так встали, что образовался какой-то Малый крест, а земля в самом центре оказалась. Отсюда и конфликты, потери денег, работы и здоровья. А дальше будет еще хуже. Просто совсем плохо. И...

— Вы в каком году родились, Ольга Дмитриевна? — вдруг спросила бабища, так резко переключившись с заунывного рассказа на конкретный вопрос, что она даже не сразу ее поняла. — В семидесятом, я ведь не ошиблась?

Это произвело впечатление — все вместе. И обрушенный на нее поток информации, настолько чуждой и далекой и абстрактной, что он ее прибил к земле, не давая вставить ни слова, влезая в голову, оглушая и оупляя. И тон, которым говорила бабища, — то взлетающий, то падающий, то угрожающий, то теплый. Для театра дура эта, конечно, не подходила — даже для курского, куда ее бы максимум рабочим сцены взяли, тяжести таскать, — но неготовому клиенту она могла мозги запудрить, хотя бы на пару минут. И даже то, что она почти угадала ее возраст, — это тоже подействовало. Хотя понятно, что догадаться ей было несложно.

Угадай эта дура точно — она бы еще какое-то время была под гипнозом. Но она не угадала.

— Вообще-то в семьдесят первом, — заметила чуть зло — мужики ей всегда давали меньше, ну а бабы ее никогда не любили, за что им ее любить, вот и завывали. — А при чем тут..

— Ага... — Бабища немного огорчилась, но тут же исправила положение: — Вообще для тех, кто родился с шестьдесят первого по шестьдесят четвер-

тый, а также в семидесятом, семьдесят четвертом, с семьдесят шестого по семьдесят восьмой — им угрожает особая опасность. Летом у них самый страшный период — с июля по август. Но и семьдесят первый — он тоже под угрозой. Вы даже не представляете — все лето, особенно в дни полнолуний, и здоровье под угрозой, и бизнес, и семейные отношения. Резкие скачки, перепады, конфликтные ситуации...

Наверное, если бы она назвала шестьдесят девятый или семьдесят третий, бабушка все равно бы ее пугала — работа такая. Но не на ту попала — и если б кто-то другой гадалкину оплошность пропустил мимо ушей, то она ее заметила. И только собиралась сказать, что вообще-то пришла не на лекцию о магии, а Нострадамуса сто раз имела в виду, и сейчас не лето, а апрель, и до лета дожить еще надо — с намеком на то, что с такими предсказаниями можно и не дотянуть до жары, — как та аж подпрыгнула в своем кресле, заставив его жалобно заскрипеть.

— Вы знаете, что ваше биополе повреждено? — В голосе бабы был дешевый трагизм. — Да, да, я вижу! Вы были подвержены воздействию порчи, сглаза или проклятия — и теперь вы особенно уязвимы для всех опасностей. Вам срочно необходимо установить дополнительную защиту от катаклизмов судь-

бы — немедленно! Ведь отсюда и ваши неприятности в бизнесе, и сложности в личной жизни, и...

Бабища была хитра — явно сделав вывод, что приехала она именно потому, что что-то не клеится с работой или мужиками, а скорее всего и с тем, и с тем, раз такая срочность визита. Но она ошиблась — и потому озлобила еще сильнее.

— Как магистр белой магии я настоятельно рекомендую вам пройти сеансы нейтрализации негатива — это поможет разрядить негативные вихри в вашем биополе и легче пережить наступающие кризисные дни. — Хренова Лотта, которую, судя по простоватой роже, звали в детстве Манькой, была безапелляционна — может, потому, что она так еще и не сказала ей ни слова. — Еще вам нужен оберег — талисман для здоровья. И установка на благополучие — чтобы вас миновали неудачи. Обязательно обряд на деньги — предстоит дальнейшее падение рубля, вы можете потерять вообще все...

Она кашлянула — громко и многозначительно. Но бабища вошла в раж:

— Обряд на любовь — дабы изгнать силы антилюбви. Обряд защиты от обмана — дабы выявить скрытого врага и спастись от потерь и разрушений. Обряды «срочная помощь» и «божественная защита» — от краж, преступлений и психических нападений, чтобы сберечь себя и свой дом. Ритуал

очищения энергетики для вас и вашего мужа либо близкого человека. Если захотите — обряд привлечения идеального партнера, курс магии бизнеса и возврата ушедшего от вас человека, и...

— Вообще-то... — начала устало, но та снова перебила:

— Я понимаю — вам сейчас тяжело. У вас такой сложный бизнес, конечно, много конкурентов и завистников, многие хотят занять ваше место. И личная жизнь — вы такая красивая женщина, вам завидуют, вам желают зла. И вы богаты — а это тоже порождает зависть и злобу. И нет ничего удивительного в том, что ваше биополе разрушено, — с такими людьми, как вы, это случается очень часто. Но как бы тяжело вам ни было сейчас, как ни велика степень вашего отчаяния, вы должны поверить в то, что все это можно исправить. Не сразу и не за один день: все обряды и установки — это очень кропотливая работа. Мне кажется, против вас действовал очень сильный черный маг — он выполнял заказ ваших недругов. Но они будут побеждены — как будут побеждены все силы тьмы. И...

— И во что мне это обойдется? — Теперь был ее черед перебивать, ей надоело слушать эту муть. — Все ваши талисманы и установки и процедуры — сколько это будет стоить? Не стесняйтесь, мы же с вами деловые люди — у вас свой бизнес, у меня

свой, что тут такого? Так сколько? С учетом скидок по старой, так сказать, дружбе?

— Но деньги не главное! — Бабища округлила глаза, словно была святой, которой предложили взятку за то, чтобы помолилась за чье-то здоровье. — Нет, конечно, у нас платные услуги — но все зависит от состоятельности того, кто к нам приходит. Бывает, мы вообще работаем бесплатно — почти бесплатно. Но вы... У вас такой запущенный случай, тут столько работы, долгой, серьезной. Мне придется работать с вами лично — я не могу доверить вас моим ассистентам, задача слишком тяжела...

— Сколько? — Голос ее звучал холодно, и бабища, кажется, это услышала.

— У нас есть преискурант — это надо считать. — Она сразу отбросила свой дешевый артистизм, обретая куда более подходящую ей деловитость. — С учетом сложности случая — возможно, тысячи две или три. Долларов, разумеется. Тем более что одной попытки может быть недостаточно, понадобятся дополнительные сеансы...

И тут она расхохоталась. Сначала смех был тихим, кашляющим, но становился все громче, все безудержнее, превращаясь в безостановочный, неконтролируемый, почти истеричный. Она так и вышла от нее, смеясь — не слыша слов бабищи, не обращая внимания на удивленные взгляды дев-

ки у телефона, на возмущенные рожи сидящих в коридоре уродов.

— Валите отсюда — не то мозги так затрахают и без штанов останетесь! — выдавила сквозь смех. И, видя на лицах такое выражение, словно она тут святотатствовала в храме, махнула рукой на придурков и пошла к выходу. И продолжала смеяться, даже когда села в машину. И успокоилась кое-как, всхлипывая, прикуривая с трудом. И только минут через пять тронулась с места, предварительно обругав бабищу жирной старой блядью...

Она даже сейчас улыбнулась — та злость, которую испытала там, то желание дать Лотте в морду или лично послать на три буквы, казались сейчас незначительными. А поездка — и вправду смешной. Потому что потом она встретилась с Мельниковым, потому что сейчас где-то рядом были двое людей, которые вот-вот должны были ей позвонить и сказать, что клиент пойман. И потому надо всем этим можно было посмеяться.

Но почему-то не смеялось. Может, потому, что она ждала — а никто не звонил. И надо было попытаться заснуть — чтобы через десять минут, или полчаса, или час ее разбудил долгожданный звонок. И вся эта хренота наконец закончилась.

Потому что она слишком уже затянулась — просто чересчур...

8

— Вы от Сергея Ивановича? От Мельникова?

Высокий коротко стриженный парень в джинсовом костюме почтительно кивнул, тут же озираясь по сторонам, словно боясь, что тот, ради кого они здесь, увидит их вместе.

— Григорий. А второй, Олег, у вашей машины. Я вообще-то у вас на этаже был — но тут народ на работу пошел, косятся подозрительно. Как на киллера, который клиента ждет. — Он усмехнулся криво, ему, видно, понравилось, что его принимают за такого. — Тетка одна даже выглянула, в глазок, видать, заметила, с вопросами привязалась, милицию вызвать пообещала — ну вот решил временно тут постоять.

— Что за тетка? — спросила резко. В конце концов, она сама тут жила, и если человек ра-

ботает на нее, то пусть сколько угодно здесь оши-
вается, это ее право.

— Да из квартиры напротив вашей — лет тридцать
пять — сорок, невысокая, полная. Тревожная ка-
кая-то чересчур. — Парень снова усмехнулся, ло-
мая линию рта. — У вас тут, случаем, не убивали
никого в подъезде? Уж больно нервный народ!

— Пока не убивали, — ответила со смыслом,
не сразу сообразив, что смысл, в общем, двой-
ной и шутка не совсем удачна. — Пока...

Он кивнул, все еще ухмыляясь, тоже не по-
няв, разглядывая ее сквозь прозрачные темные
очки. Вроде бы вежливо разглядывая, как поло-
жено, но в то же время нагло, словно оцени-
вал свои шансы оказаться в ее постели и не
сомневался, что они велики. Хотя у него их не
было совсем — даже если у того, кто ей нужен,
окажется оружие и этот возьмет его после пере-
стрелки.

— А вы на работу уже?

— Да нет... — На часах было только восемь, в
офисе раньше десяти никого, кроме охранника, а
езды до агентства полчаса всего, не больше, так
что нечего там было делать. Она просто не усиде-
ла дома, потому что заснуть не удалось, а лежать
и курить, не зная, что происходит, было тяжело-
вато. — Вышла проверить — тут вы или...

— Обижаете! — Парень развел руками. — Мы с ноля часов тут. Осмотрелись, на местности сориентировались, подъезд ваш изучили. А с утра уже порасспрашивали кое-кого тут. Да нет, вы не бойтесь, мы аккуратно так. С дворником вон побеседовали — сигаретой угостили, за жизнь, то-се. Милицией представились — что по угонам работаем. Не видел ли кого, говорим, кто у иномарок крутится — особенно у «мерса», недешевый «мерс»-то. А он в отказ сразу — то друган был, то морда кирпичом, не знаю, мол, ничего за «мерседес». Он что у вас — несчастный поклонник, что ли? Или еще какую обиду затаил?

«Урод паскудный!» — выругалась про себя, вспоминая этого дворника. Нестарый еще мужик, лет сорок пять, наверное, а метлой машет вместо того, чтоб нормально работать. И обидчивый еще. Она к нему вчера обратилась с тем же вопросом — когда карты увидела у квартиры, выскочила к машине, а там тоже они. И этот неподалеку гуляет, метлой машет. Вот она к нему и кинулась — не видел ли кого, кто тут около машины крутился? А он покосился только, головой мотнул и дальше метлой махать. Обиделся, видно, за вчерашнее. Но с другой стороны, он дворник все же, понимать надо разницу. Да и шутить поумнее.

Подумала даже, не дать ли ему двадцать баксов, чтоб поразговорчивее стал, — но слишком

нервная была, хорошо еще, что не послала еще раз, только уже предметно. Хотя надо было. Чтоб знал, пидор нищий, с кем имеет дело.

Щелкнула изнутри открываемая подъездная дверь, и она повернулась к ней резко, инстинктивно делая шаг назад, словно боясь, что за ней окажется сейчас кто-то, кого она совсем не хочет видеть. Но это мужик был, мужик с собакой, ротвейлером здоровым, которого она видела уже не раз, он на девятом жил, она с ним как-то зимой ехала в лифте и все опасалась, что собака ей дорогие колготки зацепит или в норковую шубу вопьется, приняв ее за живого зверя.

— А если... — начала было, но парень вклинился мягко:

— Да я же тут стою, отмечаю, кто входит, кто выходит. Пока, кстати, даже не вошел никто — кроме газетчицы. У меня память как фотоаппарат — раз увидел, и готово. Если что — потом сопоставим, и...

— Может, подниметесь все же? — перебила, утомляясь от пустого разговора — ей совсем не надо было знать все сложности и тонкости его работы, ей важен был результат. И отвернулась от него, и только когда оказалась у подъездной двери, набирая код, слышала шаги за спиной.

— Да вы не беспокойтесь — это ж со стороны кто-то, а никто не входил, а у машины Олег... —

Он осекся при звуке шагов на лестнице, умолкая, делая такое индифферентное лицо, что сразу понятно было, что он не просто так тут рядом с ней, что или охранник, или мент — уж больно специфическая рожа.

Мальчишка, сбегавший вниз, застыл, не отводя от нее глаз, так восхищенно глядя, словно такую красивую взрослую женщину видел впервые. А потом, спохватившись, покраснел густо, бросая вежливое «здравствуйте», отворачиваясь, таща за собой потрепанную сумку. Оглядываясь на нее снова, уже от двери.

— Еще один поклонник? Тут, похоже, все к вам неровно дышат...

Она не ответила, выпуская из лифта женщину, кивнувшую ей неохотно, подозрительно покосившуюся на охранника. И вошла внутрь, удивленно посмотрев на спутника, придерживавшего рукой дверь — показавшего ей на лестницу, где снова были слышны шаги. И когда на лестничном пролете показалась бабка с шавкой, по-хозяйски нажал на шестой — словно демонстрируя ей, что он тут главный и у него все под контролем.

В другой ситуации ей, может, и приятно было бы это услышать — насчет того, что она производит впечатление на всех. Но не сейчас. А мальчишку она знала, кстати, — из квартиры напротив, сын той клуши, которая вышла из лифта, а перед этим

прогнала с площадки этого чертова охранника. Мальчишке лет четырнадцать, одет всегда аккуратно, но видно, что бедно, вежливый всегда — а клуша постарше ее лет на пять, хотя, если не всматриваться, можно и полтинник ей дать. Косметики минимум, поплывшая во все стороны, на голове хрен знает что. Интеллигентная вроде тетка, наверняка из хорошей семьи — дом ведомственный, его в пятидесятом построили и чиновниками всякими высокими заселили, это ей риэлтер рассказывал, через которого покупала квартиру. Да, видать, честные были чиновники в те времена — раз дети их и внуки такие бедные.

Она знала здесь многих — почти всех. Столько раз приезжала квартиру смотреть, все гадала, брать или нет, и потом во время ремонта чуть ли не три раза в неделю сюда навевывалась, проверяя, потому что деньги деньгами, а все равно нужно все самой контролировать, на работяг полагаться опасно. Даже бабку эту с шавкой она знала — она над ней жила, бабка, но упорно ходила вниз пешком, не признавая лифта. Лет восемьдесят небось, а такая старорежимная, худая, накрашенная, спина прямая — прям выпускница института благородных девиц.

Лифт остановился, и она шагнула вперед, но этот задержал ее, встав на пути, выглядывая аккуратно, делая шаг вперед, а потом другой. Ог-

лядываясь на нее с таким видом, словно охранял от покушения и в любую секунду мог появиться киллер с автоматом.

— Все чисто! — Парень склонил голову по-шутовски, делая жест рукой. — Милости просим...

Она шагнула вслед за ним, стараясь не смотреть ему в лицо, чтобы он не увидел ее раздражения. И пошла к двери — вдруг, абсолютно случайно, взглянув под ноги. Увидев, что они здесь — выложенные любовно и аккуратно три карты, одна к одной.

Она чуть не наступила на них — настолько не ждала их тут увидеть. И замерла с занесенной ногой, в идиотской такой позе, словно по канату шла и застыла, чтобы обрести утраченное на миг равновесие. И отшатнулась к стене, стучаясь в нее плечом, резко разворачиваясь к этому.

— Чисто?! — Вопрос, который она хотела задать тихо и зловеще, прозвучал очень громко и почти визгливо. — Это чисто? А что же, мать вашу, тогда нечисто? Да я, вы... на кой хер вы тут, а?! Нет, ты мне скажи — на кой?!

Парень, смотревший изумленно на коврик, переводивший взгляд с нее на карты и обратно, отвернулся, выхватывая из кармана мобильный, быстро набирая номер.

— Олег — в подъезд, живо! С первого этажа сюда пешком. А я верх проверю. Все, вперед!

И метнулся наверх не оглядываясь. А она смотрела не ему вслед, а на карты, задыхаясь от гнева, чувствуя, как бьет ее нервная дрожь, как налилось краской лицо и подернулись злобной пленкой глаза, как вспотело под тонким черным пальто от любимого Ферре буквально пятнадцать минут назад принимавшее душ тело, вмиг ставшее из чистого и легкого мокрым и потяжелевшим....

Звонок, которого она так ждала с шести утра, раздался где-то через полчаса. Короткий робкий звонок по мобильному, который она схватила дерганым движением, едва не уронив.

— Это Григорий. — Голос старался казаться уверенным и нагловатым. — Нет никого, ушел клиент ваш. Я так думаю, это или бабка, или почтальонша — денег им дали, и все дела. Но если по-честному — так, может, карты там лежали, когда вы выходили, а? Может, не заметили вы сразу, а там...

Эта тварь бесила ее своим бессмысленным бредом, своими жалкими оправданиями. Он был тут с двенадцати ночи, он обязан был сделать то, для чего его наняли, а он...

— Твою мать!.. — выдохнула негромко, но он услышал.

— Да разберемся — сегодня не взяли, завтра-послезавтра возьмем. Вы поймите — кто угодно

сделать мог, дело-то секундное, элементарное. Круг людей есть, завтра сожжем его до минимума, и все, привет. Чё, Олег? Да ты чё...

Голос присвистнул, а потом зазвучал снова:

— Не, вы прикиньте, а? Мы тут пока носились, кто-то вам за дворник еще три штуки засунул. Валет, дама и король червей. Это значит чего, как думаете? Ладно, поймал — узнаем. Когда он успел-то, а?

— Ты меня спрашиваешь? — выдавила с трудом, сдерживая всеми силами рвущуюся наружу ярость. — Ты? Спрашиваешь? Меня?

— Да не! — Голос хохотнул. — Так, любопытно просто — торчали тут, торчали, и на тебе! Не, я не вас, я...

— Слушай, Григорий... — Сил хватило только на то, чтобы голос остался ровным. — Ты бери сейчас своего товарища, и валите оба отсюда. Адрес вы, я думаю, знаете — а нет, я подскажу. С начальством вашим я сама поговорю — прямо сейчас..

— Да ладно! — Парень, похоже, еще и изумлялся. — Ну сунули картишки — дурак какой-то забаву нашел. Так найдем — завтра и найдем...

— Ты сегодня найди — дорогу на х...й! — бросила финально, отключаясь, еле сдерживаясь, чтоб не швырнуть о стену мобильный. Без раздумий протягивая руку к стоящей перед ней бутылке виске — и наклоняя ее над непромытым после вчерашней пьянки стаканом...

9

— Ну что вы так нервничаете, Оля? — Мельников на том конце звучал понимающе и успокаивающе. — Задача вроде на первый взгляд простая — а если разобраться, ведь любой из жильцов вашего подъезда такое мог сделать. Вышел из квартиры, поднялся на этаж или, наоборот, спустился на два, положил и ушел обратно к себе. А с машиной мог и кто-то другой работать — к примеру, тот, кто первого озадачил. Народ изобретательный пошел — книг начитались западных, фильмов насмотрелись, вот и творят черт знает что. Знаете, какие случаи бывают — не поверите...

— Меня больше заботит мой случай, — произнесла холодно. Вроде три часа уже прошло, приняла за это время граммов триста, в ванне лежала,

должна была уже отойти от психоза — но не получалось никак. — На остальные мне, извините...

— Да я понимаю, Оля! — Она буквально видела перед собой его лицо — голос, мягкий и вдумчивый, создавал эффект присутствия. — Ребята виноваты, конечно, — недооценили ситуацию. Они же как привыкли — охранять человека, которому угрожают, вычислять тех, кто выстрелить может, придумывать, как их нейтрализовать. Смотреть, чтобы под машину чего не подложили, клиента собой прикрыть, если что. А тут, если не вникать особо, все безобидно — ну подкладывают карты, так вроде ведь детская шутка. Вы поверьте — если бы вам угрожало что...

— Мне достаточно того, что происходит! — Голос чуть пополз вверх, но она не стала его останавливать. — Если бы мне угрожали — я бы обратилась к другим людям, вы понимаете, наверное. Но тут другой случай — и я обратилась к вам. Вы можете думать про меня что угодно — что я дура, истеричка, психопатка, — но я хочу знать, кто это делает и зачем. Мне это важно. И я готова за это заплатить сколько надо...

— Оля, лично я о вас самого высокого мнения. — Иваныч, кажется, не хотел конфликта — или просто умел обращаться с женщинами, зная, что, как и когда нужно сказать. — Я достаточно поздно все узнал вчера от вас, инструктаж был

телефонный, через начальника нашего отдела охраны — ну вот испорченный телефон у нас и получился. Я с ним уже беседовал — тем, кто дежурил у вас, сделан строжайший выговор. Сегодня будут другие. Трое — один у машины, один у подъезда, один у вашей квартиры. Конечно, лучше бы в вашей квартире — чтобы сразу среагировать. На лестнице спугнуть легко, насторожить...

— В квартире так в квартире, — согласилась легко, даже не думая о неудобствах, одержимая одним желанием. — Главное, чтобы...

— Люди у нас вышколенные — вы не думайте, Оля. — Собеседник явно почувствовал, что она может сказать что-нибудь вроде: «главное, чтобы не пропало что», или: «главное, чтобы не в моей спальне». И предупредил несказанную фразу, в который раз показывая свой профессионализм в плане психологии и общения с людьми. — Если у вас можно — так просто замечательно. Всю ночь у вас в коридоре и просидит. Рации им дадим вместо мобильных — так оперативнее связь. Так что давайте надеяться, что ваш визитер и завтра появится. Раз четыре дня подряд приходил и сегодня его не спугнули — значит, можно рассчитывать, что он появится и в пятницу. Ну а не появится...

Мельников сделал паузу, которой она воспользовалась, чтобы плеснуть себе еще чуть-чуть — а

потом щедро залила колой чуть прикрывший дно стакана вискарь.

— В идеале камеру бы вам установить, конечно. Можно аккуратненькую такую над дверью — и замаскировать подо что-нибудь. Они разные бывают — и по размерам, и по цене. Это на тот случай, если визитер ваш пропадет временно — да и на будущее не помешает. Включили ее и наблюдайте из квартиры, что снаружи происходит. Уходите или спите — а она знай себе пишет, только кассеты меняй. Нужда возникнет, не дай Бог, — посмотрите, сразу увидите все...

— Ну вы бизнесмен, Сергей Иванович! — Она рассмеялась неожиданно хрипло, не заметив, как споткнулся язык на безобидной фразе. — Ну бизнесмен! Я тут с гадалкой одной беседовала, магом себя называет — так тоже вроде о людях печется, но о денешках не забывает...

— Мы не маги, Ольга Дмитриевна! — Голос Мельникова сжался на секунду в тугую пружину, тут же распрямляясь мягко, становясь прежним, только немного более официальным. — И не благотворительная организация. Но если не хотите — навязывать не будем. Я вам ради вашего же блага и спокойствия предложил — чтобы вы не нервничали...

— Да ладно, Сергей Иваныч! — Он так ее рассмешил, что она повеселела, даже стала чуть развяз-

ной, какой с чужими людьми никогда не была. — Я же ваши деньги не считаю — бизнес есть бизнес. Просто хитро вы — вот и все. Подумаю насчет камеры — обещаю. Только вы сначала... И еще — вы ребятам своим скажите, что если завтра все сделают, премию заплачу. Наличными. Долларов по триста нормально? Вы же их небось в черном теле держите? На троих тысячу — вот так. Вы им, наверное, за месяц столько — а я за ночь готова, лишь бы...

— В одиннадцать вечера вам позвонят. — Мельников стал деловит и сух, тоже обидчивый оказался, хотя она вроде и не задела его ничем. — Желаю, чтобы эта ночь избавила вас от всех проблем. С нашей помощью, конечно. Утром вам перезвоню...

Она хотела пошутить, что в принципе не против, если он сам подежурит у нее в квартире, — хотела так смягчить разговор. Но не успела, он отключился. И хер с ним — не узнает, что она хотела сказать. Так бы, может, осчастливила старого козла, если б дело сделал, — а теперь уже нет.

Голова кружилась — надо было сходить умыться, чтобы прийти в себя. И она встала, опираясь о кресло, неуверенно выходя из комнаты, оказываясь в большом длинном коридоре, медленно двигаясь в сторону ванной. Ощущая качку, как при шторме — как на теплоходе, когда плавала в круиз прошлым летом.

Сейчас ей казалось, что в квартире такой же длиннющий коридор, как на этом чертовом теплоходе. Вот только поручни отсутствовали, приходилось касаться стены, чтобы не штормило. Там, когда становилось мучительно, она засовывала голову под воду, и все проходило — и следовало повторить это сейчас. Потому что внутри было баллов семь, не меньше.

Вода из отвинченного на ощупь крана хлынула на волосы, умудрившись натечь еще и на голую спину — и оттуда вниз по всему телу. Она как вернулась с улицы в начале девятого, так сразу разделась и уже не одевалась. Ходила голая — потому что понимала подсознательно, что на работу уже не поедет. Вообще никуда сегодня не выйдет из дома. Пока не поймают этого уродя, ей ни к чему выходить — потому что она успокоится, только когда узнает, кто это.

Она нагнулась пониже, чувствуя, как холод, сконцентрировавшийся в направленном потоке капель, проникает внутрь черепа, успокаивая там все, замораживая нервы, выстуживая ненужные эмоции. А потом вслепую отыскала полотенце, половив пальцами воздух, но наконец наткнувшись на мягкую ткань, накидывая ее на себя.

Лицо, которое взглянуло на нее из зеркала, показалось неузнаваемым. Смытая косметика, слезший загар, взъерошенные волосы с неровны-

ми концами, соскучившиеся по парикмахеру, мешки под мутными глазами, жуткая бледность и отечность. И даже вроде морщина появилась на лбу. А державшие полотенце руки были не лучше — сломанный ноготь на одной, не слишком качественный маникюр, черт знает откуда взявшаяся царапина.

В общем, на другое вряд ли можно было рассчитывать. Четыре дня психоза и пьянки, бесконечного курения и бессонных ночей, трясущихся рук и сосредоточенных на одном мыслей, нервов и потерь — и никаких косметологов, массажисток и тренажеров. И при этом ноль позитива — ни одного приятного известия. И все эта сволочь, эта паскуда, которая теперь будет гулять до завтра. Это если все сложится удачно и если эти хреновы охранники действительно на что-то способны.

Лучше бы им быть способными. Потому что в противном случае она пошлет их на три буквы и сделает этому агентству такую антирекламу, что без клиентов останутся. А сама позвонит Андрею, чтобы помог. Потому что ей нужно, чтобы этого поймали завтра — так как завтра с утра у нее куча дел. Завалиться в косметический салон часов на пару, а то и на все четыре, побеседовать с Сергеем насчет того, что он там придумал по избирательной кампании, — словом, подготовиться к встрече, которая должна состояться завтра вече-

ром либо в субботу. К одной из самых важных встреч в своей жизни.

На больших часах в коридоре было начало первого, так что ждать еще предстояло долго. Достаточно долго, чтобы свихнуться тут, гадая, кто это и зачем. Заново и заново перебирая прошлое, которое оставила позади, чтобы больше в него не возвращаться, а тут возвращалась, и копалась, и вспоминала. Даже ночью снилось что-то из прошлого, перед тем как проснулась.

Всех вроде забыла напрочь, как отработанный материал, как опустевшие пузырьки из-под лака для ногтей, — а тут являться начали, призраки хреновы. Живые или мертвые, не важно — важно, что ушедшие давно, чтобы никогда больше в ее жизни не появляться. Потому что они сыграли свою роль, она их использовала как могла, кое-что отдавая взамен, естественно, — и больше ни видеть их, ни слышать, ни вспоминать не собиралась.

А пришлось — и Аркадия, и Валю, и Армана, и других более мелких личностей. Но все же происходившее не было связано с ними — так ей казалось по крайней мере, — а больше и не с кем вроде. Ну не с Андреем же, с которым у нее все классно? Был, правда, еще Леха — но этот период трогать не хотелось. Тем более что за Леху ей бы просто прострелили голову или взорвали бы

машину. Так что Леха тут был ни при чем, наверное. Просто он снился ей сегодня, и она запомнила этот сон — хотя пыталась соврать самой себе, что ничего не помнит.

Это вспоминать было ни к чему, следовало отвлекаться срочно. И именно в этот момент зазвонил телефон и она метнулась к нему радостно, падая в кресло, срывая телефонную трубку.

— Ольга Дмитриевна, никак дозвониться не могу — то никого, то занято. — Голос Сергея звучал обеспокоенно. — Татьяна сказала, что вы заболели, — что-то серьезное? Может, помочь чем — лекарства, врач?

— Да нет, простыла где-то, до завтра оклемаюсь! — Тон ее был слишком весел для больной, но, кажется, трезв. — Слушай, ты бумаги все составил — ну, по выборам?

— Обижаете, Ольга Дмитриевна, — с Аленой три дня с утра до ночи сидели. — Сергей удивился, похоже, что она может сомневаться в его исполнительности. — Вчера в пять утра отсюда уехали — думал, вы пораньше появитесь, чтобы у вас все на столе уже лежало. Все в стиле клиента, ему должно понравиться. Порылись, кое-какие речи его подняли и интервью — думаю, неплохо вышло. Конечно, было бы хорошо, чтобы вы успели посмотреть до встречи — чтобы было время замечания внести...

Сергей явно делал реверанс в ее сторону — по сравнению с ней у него опыт был просто гигантский, и если что у нее и могло возникнуть, так это какая-то мелочь, которую он упустил случайно. Хотя Сергей был слишком педантичен и слишком большое значение придавал мелочам, чтобы прокалываться на них. Так что она оценила его слова.

— Да, Ольга Дмитриевна... — Голос в трубке заколебался, замер нерешительно. — Тут такое дело — не знаю даже, стоит ли говорить. Но... может, вы захотите знать...

— Ну давай, давай! — поторопила, чувствуя какой-то неприятный холодок — ей показалось почему-то, что он скажет сейчас, что на ее столе появились ночью три карты. — Ну говори!

— С утра из салона этого звонили — про который вы спрашивали. Некто Лотта — ясновидящая, магистр белой магии и прочее и прочее. Спрашивала вас — Татьяна сказала, что вас не будет сегодня. Так она с заместителем попросила соединить — якобы очень важный вопрос...

Это было приятнее, чем если бы он сказал про карты, — но она все равно напряглась. Не веря, конечно, что эта дура могла ляпнуть что-то про вчерашнее — но...

— Вы знаете, Ольга Дмитриевна, — я лично не суеверен. — Сергей, кажется, попытался усмехнуться, но вышел какой-то невнятный звук. —

Она мне такого наговорила — про биополе ваше, серьезно нарушенное, про то, что вас сглазили, что вам опасность угрожает, и все в таком духе. Телефон ваш просила — я не дал, разумеется. Так она умоляла вам передать, что хотя вчера...

Она молчала, чувствуя, как прилила к голове кровь, дыша тяжело.

— Хотя вчера вы устроили скандал — так она сказала, — наконец отважился Сергей, — она к вам претензий не имеет и все понимает и просит заехать. Чем скорее — тем лучше, потому что, на ее взгляд, ваш случай очень тяжелый. Потому что кто-то очень плохой из вашего прошлого вас проклял и наслал на вас порчу — и что-то еще там, я, увы, не запомнил, специфики много незнакомой. Вы извините, что приходится такое передавать — я и так резюме из ее слов сделал. А если все вспоминать...

Кровь гулко стучала в висках, застилала глаза. Этого не должно было быть — чтобы хоть кто-то на работе знал, что с ней что-то не в порядке, особенно Сергей. Потому что все должны видеть, что она уверена в себе, она не ведает поражений и не делает ошибок. А теперь — теперь за ее спиной будут шептаться, что она истеричка, что она, такая крутая, бегаёт по всяким гадалкам.

— Ну, дура! — выдохнула с трудом, сглатывая вставший в горле ком. — Ну ты представь — я к

ней насчет подруги, та в машине сидела, а эта дура мне целый спектакль разыграла да еще на деньги выставить пыталась. Ну я и ушла, естественно, — высказала ей корректно, что ошиблась адресом, и ушла. А эта тварь, значит...

— Да успокойтесь, Ольга Дмитриевна, ну что с нее взять — она же выросла в имидж, сама верит в то, что говорит, и в способности свои сверхъестественные. Как политик, обещающий блага народу. А что огорчилась вашему уходу — так это понятно, богатого клиента терять... — Сергей осекся, словно испугался, что напомнил ей про вчерашнее — про то, как потеряла клиента она. — Не обращайтесь внимания, выздоравливайте поскорее. Не надо было мне вам говорить...

— Да нет, правильно сделал. — Что-то послышалось ей в голосе Сергея — что-то показывающее, что он не поверил в ее наспех слепленную историю, — а вот этой хреновой Лотте поверил. Она не могла попросить его, чтобы это осталось между ними, — это бы сработало против нее. И в любом случае та же Алена, работавшая в агентстве с самого его основания, — костлявая крыса Алена, на которую при свете смотреть-то было страшно, но которая была суперпрофи, как и Сергей, — была ему ближе, чем она, его начальница. А значит, ей он расскажет точно — слишком экстраординарная история, — а та кому-то еще, и пойдут слухи. И...

Она посмотрела на стоящую перед ней бутылку синего «Джонни Уокера». Манящую, шепчущую, чтобы она открыла ее и сделала глоток — так будет легче. И она, в общем, была не против — но сначала надо было закончить разговор.

— Вот что мы сделаем, — произнесла дрожавшим от ненависти голосом, морщась от идущей в голове артиллерийской перестрелки. — Мне надо, чтобы не позднее следующей недели в двух или трех газетах — самых тиражных, разумеется, сам подумай, какие выбрать и кому заказать — появились статьи про эту Лотту с ее салоном. Ну сам знаешь — нам позвонил обманутый клиент, и все в таком духе. Может, даже корреспондента туда к ней заслать — чтобы потом все напрочь разнести. Чтобы после этих статей ей шарашкину контору свою пришлось прикрыть — понимаешь? Только постарайся, чтобы подешевле вышло — из своего кармана платить буду... Но сначала чтоб статьи мне на стол — о'кей?

Сергей промычал что-то неопределенное — но ей плевать уже было, что он подумает и что кому расскажет.

— И еще — возьми бумаги по выборам и все наши расценки завысь на двадцать процентов! — скомандовала тоном, не терпящим возражений — потому что знала, что он будет возражать, уверять ее, что так не надо, потому что так можно оттолкнуть клиента, что человек с таким опытом пред-

выборных кампаний разного уровня цены на рекламу хорошо знает. — Намекнули мне, что, может, пройдет, — понял? Вот пусть у меня два варианта и будет. Ну все, до завтра...

Она положила трубку, но еще какое-то время смотрела на телефон. А потом перевела взгляд на куда более приятный глазу предмет — на бутылку с синей этикеткой. Сказав себе, что с эмоциями она не совладала и это, конечно, плохо, — зато придумала, как озадачить Сергея, чтобы поменьше болтал. И закончила разговор именно так, как надо — чтобы он думал о работе, а не об этой Лотте чертовой. Которая пожалеет, что с ней связалась. Которая проклянет тот день, когда вместо того, чтобы внимательно выслушать ценного клиента, попыталась запудрить ему мозги своим бредом. В котором была только одна нормальная мысль — да и та слишком банальная и очевидная. Мысль о том, что в ее проблемах повинен человек из прошлого.

Идти за колой было лень, и она сделала глоток чистого виски. Слишком теплого, но все равно расслабившего после всплеска эмоций. И вдруг помимо ее воли вернувшего ее в приснившийся той короткой тревожной ночью сон. Сон про человека из прошлого — которого она никогда не рассчитывала не то что увидеть, но даже вспомнить...

Леха приснился ей таким, каким она увидела его в первый раз. Когда он завалился в ресторан, где они сидели с Арманом. Маленький, худенький, в ярко-зеленом пиджаке, в попугаечьей гавайской рубашке, с выколотыми на пальцах синими перстнями, в цепях и браслетах, с пустым взглядом, отпугивающим людей. На нее он, правда, смотрел нагло и раздевающе — как и на других нравившихся ему женщин.

Он ее сначала возмутил даже — особенно когда посмотрел на нее так, а потом обнялся с Арманом. И сказал, кивнув на нее, — мол, ты, братан, ничего телку отхватил, небось в койке ураган, поделишься, может? И уселся напротив, глядя на нее с намеренной придурковатостью выцветшими голубыми глазками. Кажется, даже не слушая, как

Арман ему объясняет, кто она и чем занимается. Но оказалось, что на самом деле он все слышал. Так-то цокал языком и кивал головой — а потом и выдал, что предпочитает глупых телок. Потому что в койке трахаться привык, а не умные разговоры разговаривать. И добавил еще — что умные, они фригидные обычно. И на нее взглянул вопросительно — а ты, мол, не такая?

Она не обиделась — да он ее и не задел. А к тому же она поняла за каких-то пятнадцать — двадцать минут, что он сидел тут, что это какой-то крутой тип. Хотя на вид шпаненок провинциальный, но было в нем что-то, что сигнализировало окружающим, что с ним лучше не связываться. Аура от него исходила, заставлявшая расступаться народ, даже если он шел пешком по людной узкой улице. И магнетизм в нем был, привлекавший женщин.

Арман ей потом сказал, что это один из крутейших московских бандитов. Он преувеличил, конечно, — на роль рассудительного, умного авторитета, такого как Андрей, например, Леха не тянул. Типичный беспредельщик, отморозок — наехать, напярчь, отнять. И люди у него такие же были — один в один. А весь авторитет его заключался в том, что его боялись — и свои, и чужие. Потому что знали, что Лехе нажать на курок как делать нечего.

Она это, правда, узнала куда позже. За то время, что общалась с Арманом — за год с лишним, считай, — с Лехой сталкивалась раз пять, может, ну семь, не больше. И все время Арман был рядом, хотя Леху это не смущало и он как-то раз, когда Арман сидел на другом конце стола, открытым текстом предложил ей переспать. А она, словно чувствуя, что судьба еще сведет их ближе, усмехнулась кокетливо и покачала головой, глядя ему в глаза. И развела руками — словно говорила без слов, что, к сожалению, предложение его принять не может. Она сама толком не поняла, почему именно так среагировала, — предчувствие это было, наверное.

Хотя нет — был как-то случай, когда Леха приперся к ней в редакцию. Журнал в старом двухэтажном доме в центре располагался, неподалеку от Кузнецкого моста, там второй этаж был их. Арман аренду организовал, как-то выгодно очень и дешево — и ей тут нравилось. Правда, вход был со двора, чтобы к ним попасть, надо было в арку войти и миновать пять мусорных баков, — но зато самый центр. И пусть летом вонь от этих баков во все окна лезла — кафе, расположенное по соседству, туда все отходы свои сбрасывало, привлекая собак и бомжей, — она старалась не обращать на это внимания. Главное, что район престижный, — а остальное не больше чем издержки производства.

И вот в один прекрасный день мерседесовский джип в арку втиснулся, и еще один следом, поскромнее, японский какой-то. Она их увидела просто потому, что стояла в этот момент у окна — но тут же отошла. Ей все равно было, кто это, — знала, что не к ней. Может, кафе нарядить приехали, а может, непонятную контору, которая на первом этаже обосновалась. И тут шум какой-то по редакции пошел, голоса за дверью — а потом дверь нараспашку и Леха всовывается.

Она даже опешила — уж кого-кого, а его никак увидеть не ожидала. Даже не узнала сначала. А он на всю комнату — тут, мол, на работу в журнал принимают? Жутко мечтал с детства писателем стать, с тех пор как маманя грамоте выучила! И смешно ведь, а, кроме нее, никто не рассмеялся — хотя планерка шла, народу было много, застремались, видать, Леху.

Ну вышла к нему — а Леха веселый такой, мол, мимо заезжал, ради интереса заглянул, посмотреть, где ты тут обитаешь. Думал, девчонок классных куча, а лучше тебя что-то и нет никого — а ты ж один черт не дашь. А еще думал, может, пообедать съездим — но раз у тебя дела, так я дальше поехал, брюхо от голода сводит уже, жрать пора. А с тобой в следующий раз пообедаем — звони, как свободна будешь и желание появится.

И вроде просто так говорил, но смотрел пристально, словно понять пытался, есть у него шанс или нет. И уехал быстро. Она хотела Арману рассказать и забыла — по телефону не стала, а заехал он только через пару дней — и спохватилась, только когда он уже пару недель спустя в разговоре с ней Леху упомянул. И поняла, что Леха ему ничего не сказал, — а сама тоже говорить не стала, поздно уже было.

А когда Арман ей выдал все спьяну насчет планов своих свалить в Канаду, она и позвонила Лехе. Рассудив, что не ее вина, что Арман прокололся с бизнесом, она тут ни при чем и страдать из-за него не собирается. Да, он помогал ей — но не просто так ведь. И сейчас ей не о его проблемах надо думать, а о своей карьере. И хотя и сказала себе, прежде чем позвонить, что Леха ему ничего не сделает, они ж друзья как бы, — на самом деле догадывалась, чем все это кончится.

Нельзя сказать, что ей легко дался этот звонок, — но она умела принимать решения и от них не отступать. И на следующий день после визита Армана набрала Лехе. Зная, что встречаться с ним надо именно сегодня — потому что если встреча отложится и Арман узнает от Лехи, что она ему звонила, то может сделать соответствующие выводы. Не сулящие ей совсем ничего хорошего.

Койка койкой — в чувства его она не верила, ну разве что в сильное желание, которое рано или поздно должно было заснуть или перекинуться на кого-нибудь более молодого и красивого, — а дело делом. Тем более когда речь идет о собственной жизни. И сомнений в том, что Арман может лично ее придушить, у нее не было.

— Алексей, это Ольга... — Она старалась говорить как можно легче и беззаботнее, даже кокетства пыталась добавить, но отчетливо слышала в собственном голосе напряжение. — Тут к нам джип мерседесовский во двор заезжал полчаса назад — думала, ты. Вот и позвонила — хотела узнать, куда пропал?

Леха хмыкнул удивленно — он явно не ждал ее звонка.

— Конечно, когда кругом столько женщин, старые знакомые быстро забываются, — произнесла с показным огорчением. — А я как дура все думаю — звал ведь когда-то пообедать, может, напомнить, самой навязываться неудобно. Ой, мужики — наобещают, а сами...

— За язык ловишь, значит? — развеселился вдруг Леха. — Ну чего — раз поймала, за слова отвечу. Завтра как у тебя? Я б подскочил днем. Или вечером...

— А как насчет сегодня? — поинтересовалась игриво, как бы не заметив многозначительность

этого «вечерком». — Завтра ведь забудешь — да и зачем откладывать? Женщины все-таки легкомысленные — сегодня на уме одно, завтра другое. А мужики, оказывается, еще хуже — увидел новую девицу и забыл про всех остальных. Так что...

Леха был не готов — она так поняла, что у него дела какие-то были срочные и важные, потому что он сказал ей, чтоб подождала, а сам дискутировал с кем-то оживленно, хотя она все равно ничего не разбирала.

— Ты про вечер сегодняшний говорила? — объявился наконец. — Ну давай часиков в девять пересечемся, там и...

— Алексей, я говорила про день, — укорила легко. — Сначала про день, а там будет видно...

Она напряглась, когда он сказал, что пусть оставит телефон, он перезвонит. И старалась не думать о том, что он сейчас может быть в офисе у Армана. О том, что, может, он не настолько сильно ее хочет. Переоценивать себя и свое влияние на мужчин опасно — это она знала. И полчаса, которые пришлось ждать, пока он не перезвонил, были не самым приятным временем в ее жизни.

— Ну-ка колись, Олька! — Леха тоже стал игрив и весел, видно, отправил куда-то того, кто был рядом. — Чё-то я не пойму — что за срочность? Ты колись — не трахалась давно, что ли? Если так, то я завсегда...

— Может быть, и это тоже, — ответила в тон. — Может быть. Но сначала — сначала я хотела кое-что обсудить.

— А ты деловая! — По Лехиному тону нельзя было понять, разочарован он или нет. — Армашка-то прав был — деловая баба. Ну чё, деловая, подскочу к тебе через часок. Я за свои слова отвечаю — но и тебе за свои ответить придется. А за язык я притягивать умею...

Два часа спустя она закончила короткий рассказ и прикурила, чувствуя, как дрожит рука, и откинулась на стуле, глядя ему в лицо. Замечая, как опустел его коронный, намеренно придурковатый взгляд.

— Я так понимаю, ты ж не за правду выступаешь и не обо мне печешься, — произнес наконец медленно и весомо, и пустой взгляд наполнился тяжестью и холодом, и у нее появилось такое ощущение, какое бывает, когда самолет проваливается в воздушную яму и все внутренности подлетают вверх и там висают. — Так колись — твой интерес какой?

Ей показалось на мгновение, что она зря затеяла все это. Зря пошла на риск, который, похоже, оказался неоправданным. Потому что они мужики и знакомы между собой куда дольше и ближе, чем она с Арманом. И у них куча всего была, общих дел в смысле. А теперь ей конец —

потому что Леха расскажет Арману, а если и нет, то сам решит с ней вопрос. Потому что она предала человека, которого он считал своим близким.

— Я хочу продолжать издавать свой журнал — вот и весь мой интерес, — ответила тихо, но уверенно. — Я не хочу убегать за границу, мне не нужны чужие миллионы. Я хочу сама работать и зарабатывать. Я не дура, которая годна только для койки, — я умею кое-что другое. И я не могу и не хочу полагаться на мужчину, которого я не люблю. Мы иногда спим вместе, но секс и чувства — вещи разные...

— А Армаша-то, бедняга, верит, что любовь у вас! — Леха смотрел на нее так странно, словно издевался. Словно хотел сказать взглядом, что она паскудная тварь. — Вот бабы мужиков дурят, а? Небось жениться на тебе хотел, ребенка заделать — а ты...

Он покачал головой, снова напуская на себя дурашливость — но слишком холодной она была, слишком мрачной и давящей.

— Короче — я тебя не видел, ты мне ничего не говорила, — заключил после долгой паузы, в течение которой с аппетитом уничтожал принесенное официантом — а она смотрела на него и удивлялась, ей самой кусок в горло не лез. — Усекла? Ну все тогда, привет — лететь мне пора...

Он даже не подвез ее до редакции — некогда якобы. Правда, подмигнул, когда вышли, окинул наглым своим взглядом. Сказал, что она класс, жалко, что до койки дело не дошло, лучше бы там встретились и безо всяких разговоров. Но она видела, что он думает совсем не об этом, а говорит автоматически — то, что каждой телке говорит. А может, для отвода глаз с ней заигрывает — чтоб думала, что все в порядке. А на самом деле...

А дней через десять Арман пропал. Он к ней приехал в тот вечер после разговора с Лехой, снова пьяный, и напился еще сильнее — и с тех пор до своего исчезновения приезжал чуть ли не каждый день. Она уже не знала, что думать, ей казалось, что он знает все, просто молчит, ждет момента — а к ней приезжает, чтобы она не поняла, что он в курсе, чтобы не ждала ничего плохого.

И вдруг не приехал — хотя она весь вечер сидела дома, думая, что он появится вот-вот. А на следующий день на мобильный ему звонила раз десять — а там тишина, «вызванный вами телефон сейчас не отвечает». А вечером третьего дня ей зам его позвонил из офиса — армянин, сложные такие имя с отчеством, Геворг какой-то, что ли. Она у Армана одно время часто в офисе бывала, а с Геворгом, неприятным таким мужиком, коми-

тетчином бывшим, еще и в ресторанах несколько раз сталкивалась — а может, Арман ему и рассказывал про их отношения, кто знает? По крайней мере такое было ощущение, когда он поинтересовался, давно ли Арман объявлялся.

А она, естественно, не догадывалась, что произошло, и потому реакция получилась искренней. Не заезжал, мол, три дня или больше и не звонит, я уже беспокоилась, какой-то он нервный в последнее время был. А Геворг ей — мол, не хочу тебя огорчать, но Арман исчез куда-то. Три дня назад уехал из офиса в обед, сказал, по делу важному, без подробностей, — и больше не вернулся. Дома нет, у тебя, выходит, тоже нет — не дай Бог чего. Я, мол, милиции твой телефон дал, так что жди звонка — и давай на лучшее надеяться, может, загулял мужик, бывает.

Милиция в загул не верила и подозревала Леху — видно, Арман, перед тем как выйти из офиса с ним на встречу, кому-то сказал или намекнул, с кем встречается. По крайней мере когда ее вызвали, расспрашивали так, словно знали, что Армана нет уже. А что она могла сказать? Были отношения, да — и деловые, и неформальные, хотя в последнее время больше деловые. Да, за пару месяцев до исчезновения стал нервным, пил много, в казино ездил постоянно. Да, последние десять дней заезжал регулярно — но только затем,

чтобы у нее напиться. Нет, ничего не рассказывал — хотя, кажется, пытался на что-то намекать, пару раз в нетрезвом виде рассуждал про жизнь за границей, спрашивал, хотела бы она жить за рубежом, планы строил. Но никакой конкретики, общо все и нетрезво опять же.

А что касается Алексея Перевозкина, то она его знает — не то чтобы близко, но видела несколько раз, Арман его как партнера представлял. А вот то, что он еще известен как Леха Маленький, она не в курсе. Нет, Арман ничего плохого о нем не говорил, даже другом называл. И вообще не слышала от него, чтобы кто-то ему угрожал или какие-то проблемы у него были, — он с ней только о совместных делах разговаривал, о журнальных. И о личных тоже, если хотите, — мы оба, между прочим, совершеннолетние.

Менты вроде за ее показания ухватились, дергали еще пару раз, а потом пропали. Вот на этом и закончилось все. Она для вида еще Геворгу раз пять звонила — но тот к ней без симпатий, он, видно, жену куда больше уважал. А может, боялся, что она денег просить начнет на журнал — который пока еще существовал, но чисто формально. Номер очередной был готов к отправке в Финляндию, только вот платить за печать было нечем. Хорошо еще, что она умела с людьми работать — все штатные ежедневно приходили в редакцию,

следующий номер готовили как ни в чем не бывало. Верили, что она найдет деньги.

Лехе она звонить не хотела — раз сам не звонит. Ну и моталась по городу целыми днями, не выпуская из рук мобильный — привлекая всех, кого можно, к поискам спонсора. Даже у Вали была, впустую только, он в газете своей копейки платил, тираж маленький, никто в него не хотел вкладываться по-крупному. Как и в нее, кстати, — журнал толстый, яркий, обо всем и ни о чем, а обходится дорого.

Недели три она из машины почти не вылезала — но нашла в итоге человека, дал денег на один номер, но с кучей условий. Сокращайте, мол, расходы на редакцию, увольте кого или зарплату снизьте, без заграникомандировок обойдитесь — тогда, может, и дальше буду финансировать.

Ей это не понравилось, но согласилась — пришлось, жалко было ребенка-то своего. Народ приуныл, когда зарплату вдвое срезала, — но ведь и себе сократила жалованье, пусть не вдвое, но на четверть точно.

А где-то через пару месяцев объявился Леха — потом, много позже, намекнул, что менты его пасли плотно, не хотел ее светить и не звонил поэтому, хотя хотел благодарность выразить за то, что про границу мусорам подкинула. А тогда просто заехал в редакцию как ни в чем ни быва-

ло, без звонка даже. Позвал пообедать, а за обедом прикалывался да смеялся. И нет-нет да по-сматривал на нее испытующе — спросит про Армана или нет, хоть как-то покажет, что догадывается, или слишком умная? А она ни слова про него не сказала.

А тем же вечером оказались в одной койке — Леха вел себя так, словно по-другому и быть не могло, и после шатания по разным кабакам и клубам поперся к ней. А ей хотя и хотелось немного потянуть, получить от него сначала обещание содержать журнал — но с таким, как он, играть не стоило. Потому что одно дело, когда Арман между ними стоял, а другое дело один на один общаться. Тем более что Леха, войдя в квартиру и осмотревшись, поцокал языком, а потом посмотрел на нее удивленно. Как бы спрашивая, почему она не разделась еще. Хмыкая и качая головой — словно говоря, что она может еще потянуть, но только недолго.

Вообще-то она рассчитывала, что он все-таки упрется. Леха привез с собой бутылку виски, это был его любимый напиток, и она думала, что он напьется, может, и заснет или уедет — но Маленький уже трепался только о сексе. То спрашивал, крепкая ли у нее кровать, потому что он мужик с темпераментом, то интересовался, сколько мужиков у нее было и как именно она это лю-

бит. И естественно, все это время то за грудь хватал, то юбку задира — а потом сказал тоном, не приемлющим возражений, что пора им раздеваться. Чтоб питье созерцанием сопровождалось и настроением на предстоящую ночь.

Все равно деваться было некуда уже — и она разделась. Прямо в комнате — как Маленький сказал. А когда повернулась к нему, просто обалдела — потому что таких размеров не видела. Сам невысокий и худой, а там все длинное и толстое, словно все силы организма именно на член пошли, а не на его владельца. Но если она, так сказать, в отрицательном смысле обалдела — увиденное ей совсем не понравилось, — то Леха в положительном. И, забыв про созерцание, скомандовал, чтобы она на колени встала на кресло — и забыла про ванную и койку в соседней комнате. А сам, плюнув себе смачно на руку, смазал себя там и рывком в нее вошел, почти сухую, неготовую. И начал брать так, словно насквозь хотел проткнуть. И крики ее и стоны, вполне искренние, его только распаляли.

Памятная была ночь — она посреди нее, кажется, сознание потеряла. Голова плыла, так что стоять не могла, даже на коленях, и падала, а Леха поднимал и ставил так, как ему удобно. Лежа, стоя, сидя, спереди и сзади, и все это было больше похоже на изнасилование, неутомимое и бес-

конечное, на групповуху с двадцатью мужиками — а в перерывах виски, виски и еще раз виски, которое он в нее вливал в буквальном смысле. И все заново — потому что кончить он никак не мог, выпил много, а когда получилось наконец через пару часов, сделал передышку пятиминутную, и вперед, извольте минет ему делать. С таким размером это жутко неудобно было, тем более он не ждал, он сам двигался, держа ее за волосы.

Но оказалось, что это еще не самое страшное — впереди еще анальный секс был. Как выяснилось позже — Лехино любимое блюдо. И как она ни отбивалась, как ни просила сделать это как-нибудь по-другому, ничего не вышло — Лехе, похоже, казалось, что она кокетничает. Вроде маленький такой, меньше ее, а скрутил, нагнул, смазал ее же кремом — и втиснулся. И тут же расходиться начал, входя сильно и глубоко, — а она себя ощущала так, словно на кол сажают и снимают, и сорвала голос, в какой-то момент подумав, что, может, спасут ее звонками в дверь озверевшие от воплей посреди ночи соседи, а может, и милицию вызовут даже. Да какой там — Леха все сделал, что хотел, и не спеша, с явным наслаждением.

Она не помнила, сколько это длилось, но помнила, что повалилась на бок, когда он ее отпустил, — видно, это уже было в спальне, потому

что она не ударилась. И лежала, тупо рассматривая плавающие перед глазами круги, прислушиваясь к звону в голове и ушах, не чувствуя набитого ватой тела. А потом уплыла куда-то далеко, оставив бренную оболочку. Которую Леха, кажется, еще терзал какое-то время, уже под утро.

Зато утром он был сама любезность. Он восхищался и говорил ей комплименты — своеобразные, но для него, видимо, сильные. Он уверял, что такой женщины у него не было в жизни и такого удовольствия он ни от кого не получал. Это все, конечно, в переводе с Лехиного на нормальный русский. И ей почему-то было приятно — и даже появилось ощущение, что ночь была классная. Потому что она тоже ни с кем такого не испытывала. А что устала — чего удивляться после не слишком требовательного Армана, с которым и оргазм-то через раз испытывала. А тут был настоящий мужик, и кончила она столько, что со счета сбилась, — вот и все дела.

Довольно скоро, да буквально со следующего раза, она и вправду начала получать от секса с Лехой удовольствие — если не считать его анальных забав. Хотя ощущение, что ее насилует десяток человек, не покидало ее довольно долго. Она потом решила, что это все Лехины отсидки, коих у него была пара штук — первая в четырнадцать лет, может, в пятнадцать. Отсюда и тяга к наси-

лию, к жестокости и грубости, и к анальному сексу тоже. Фрейда она не читала, правда, — но умо-
заклучение сделала точное. Леха ей потом как-то
по пьяни рассказал кое-что — что настолько хоте-
лось забыть, что она все усилия к этому приложи-
ла, сказав себе, что это табу. Хотя уж чем-чем, а
впечатлительностью и пугливостью никогда не от-
личалась.

Вот так их личные, можно сказать, отношения
и начались — с той памятной ночи. А за ней по-
следовала следующая и следующая, без переры-
вов. Леха себе нечто вроде короткого отпуска взял —
этакий медовый месяц на недельку, — и были ка-
баки и казино, ночные клубы и дискотеки, виски
и кокаин. И секс, конечно, — много секса.

А когда через неделю зашла речь о работе, Ма-
ленький заявил, что журнал надо закрывать. По-
тому что Арман кучу денег на нем потерял и надо
хоть что-то вернуть, хоть помещение сдать кому-
то другому, компьютеры продать и все такое — а
уж о том, чтобы дальше кидать бабки в бездонное
болото, речь вообще не идет. Он, Леха, читать не
умеет — а картинки смотреть времени нет. А она
пусть не беспокоится — для нее он найдет что-ни-
будь получше. Намного лучше.

Следующие четыре месяца она почти ничего не
делала. Если можно так сказать, работала любов-
ницей Лехи Маленького. Отрабатывала двухгодо-

валый красный «мустанг», который Леха ей пригнал после первой ночи, — хотя она не просила, она догадывалась, сколько и чем придется за него платить, — и те деньги, которые он ей давал. Ни дворцов, ни шестисотых «мерседесов», ни груд золота Леха не сулил — как-то под кайфом ляпнул даже, что надо бы квартиру ее продать да поискать, куда она получаемые от журнала деньги прятала. Потому что ей Арман их давал, а значит, теперь это его деньги, Лехи, поскольку должен ему остался исчезнувший корешок. Это, конечно, была шутка — но со смыслом. Чтоб она не думала, что может от него уйти просто так

Тяжелая была жизнь — и жутко стремная. Леха целыми днями пропадал, а она должна была сидеть дома и ждать его появления или звонка — и заранее предупреждать, если выходить куда соберется, сказать куда и на сколько. Такого даже с ревнивым Арманом не было — пару раз всего закатывал сцены и даже пощечину однажды дал, но потом извинялся долго и вину всячески заглаживал. И это при том, что восточный был человек, горячий.

А с русским Лехой все было иначе. В магазин, в салон красоты — да на здоровье, хотя пару раз заваливался в тот же салон как бы невзначай, мимо, мол, проезжал. А как-то поехала к одному человеку денежному, проект нового журнала во-

зила, а он ее после долгого детального разговора в своем кабинете в ресторан пригласил — понравилась, видно. И хотя потом честно Лехе все рассказала и объяснила, что просто не хотела при этом мужике звонить, он ей устроил разборку. Он ее искал, видите ли, собирался в кабак ее вытащить, а ее не оказалось, и он как лох выставился перед теми, с кем в кабак собирался.

Обматерил ее — ну она и ответила в том духе, что она человек самостоятельный. И ей работа нужна, а не подачки от временного любовника, который ее бросит, когда ему заблагорассудится. Так Леха озверел, привязал ее к стулу и ремнем отхлестал так, что она орала от боли. А потом изнасиловал в любимое свое место, грубо и зло. И сказал, что любой другой рожу бы разукрасил, чтобы выйти из дома две недели не могла, — но ее прощает, и пусть она оценит. Она оценила.

С Лехой нельзя было спорить, ему нельзя было возражать, он не прислушивался ни к чьему мнению, кроме своего. И ни любые ласки, ни постель тут ничего изменить не могли — потому что он и сам мог все взять. В любое время суток, в любом месте, от ресторана до машины, в любом ее состоянии. Она как-то простыла сильно, температура была под сорок — так Леха поинтересовался удивленно, почему он должен страдать, и пристроился сзади и сделал свое дело.

Она для него была просто любовницей. Человеком, в которого можно кончать когда захочется — и которого можно показывать с гордостью корешам как еще одно подтверждение своего авторитета. Как машину показывать или новый дом — вот, мол, телка классная у меня, мало того, что все при ней, так еще и главный редактор журнала.

Было как-то, что Леха ее привез к каким-то более-менее солидным людям за город — три мужика, три девки, похожие на дорогих путан, и она с ним. Так поперлись все вместе в сауну — и хотя она колебалась, она все же не проститутка, Леха прошипел, чтобы раздевалась побыстрее, и при всех похлопал по задку, как лошадь. А пару раз оказывалась в компании Лехиных корешей и девиц с Тверской — и была свидетелем, как какая-нибудь проститутка залезала под стол и ползала там, обслуживая всех ртом. И ее задевало, что он ее таскает на такие, с позволения сказать, тусовки, — но казалось, что вся причина в том, что он ее не хочет одну оставлять, что ему нужно, чтобы она все время была под его контролем, а лучше присмотром. Словно ревновал ко всему миру — и боялся измены.

Она, конечно, старалась делать хорошую мину при плохой игре. Показывая всем, кто оказывался рядом, что она не просто любовница, она деловой человек, известный журналист, издатель

собственного журнала — а с Лехой просто из интереса, потому что ее привлекает его сумасбродная натура. Даже в нормальных небандитских компаниях несколько раз встревала в разговоры, рискуя озлобить Леху — в его мире женщина права слова не имела. Но она предпочитала идти на риск, лишь бы он не забывал, что она не девка, которую он осчастливил, подобрав на улице, — она личность, она бизнесмен. И место ее не только в постели, она не только ноги умеет раздвигать и ртом работать.

Но Леха все-таки забывал — чем дальше, тем больше. И заводился, когда она ему говорила, что завтра поедет искать спонсора для журнала и что ее зовут на работу пресс-секретарем в одну фирму, и еще что-нибудь в этом духе. Сначала удивлялся — на кой, мол, тебе, живешь, что ль, плохо? — а потом начал озлобляться. И взгляд пустым становился и неприятным, а голос — подозрительно приветливым и понимающим.

Она сознательно шла на риск. Роль любовницы, пусть и хорошо обеспеченной, и даже жены — Леха бы женился на ней, если б она приложила к этому усилия, да, может, кстати, и хотел этого, но она с самого начала заявила, что ни мужья, ни дети ей не нужны, она карьеру хочет сделать, — ее не устраивала. Правда, жену бы ей вряд ли пришлось играть долго — Леха жил так, что она бы

скоро стала вдовой. А про бандитских вдов она была наслышана и насмотрелась на них уже — зная, что помогать вдове будут в редких случаях, зато вполне могут последнее отобрать.

Конечно, можно было все провернуть хитрее. Тянуть из Лехи деньги, откладывая их и потом смотать за границу. Но она хотела другого. Ей нужно было свое дело, ей нужно было добиться успеха и наслаждаться им. Нужно было, чтобы все знали, чего она достигла, чтобы ее уважали и восхищались ею — даже если бы и ненавидели одновременно. Такой вот комплекс девчонки из Курска — с которым она при всем желании ничего поделать не могла.

Она много пережила за эти полгода. И унижения — потому что Леха скор был на мат, оплеухи и экзекуции ремнем с последующим садистским изнасилованием. И угрозы — неявные, но видно было, что, если он по-настоящему взорвется, ей будет плохо. И депрессии — потому что казалось, что выхода из этой ситуации нет, что она все испортила, сдав ему Армана, и уж лучше было уехать с ним, чем жить вот так.

Она даже чуть алкоголичкой не стала — Леха любил поддать и отказов не принимал, так что и она с ним пила. А потом и без него тоже, от тоски. И до завзятой наркоманки лишь немного не дотянула — Леха любил нюхнуть и ее частенько

заставлял следовать его примеру, верил, что так секс лучше пойдет. А потом и сама втянулась.

Да и стремно с ним было — Леха был натуральный беспредельщик и его могли убить в любую минуту. Причем вместе с ней — он же часто бывал у нее, чуть ли не через день, а то и каждый день, и всем это было известно. А сколько она моталась с ним везде — и что, кто-то стал бы задумываться, что она ни при чем? На пару бы и положили.

Да даже риск был СПИД какой-нибудь подцепить. Леха по пьяни или под коксом мог снять кого-то еще, оттрахать, а потом к ней завалиться. А так как презервативов он не признавал — говорил, смеясь, что при его жизни пуля его один хер раньше найдет, чем СПИД, — то все могло случиться.

В общем, он чудом ее не сломал, этот отморозок. Внешним видом вполне оправдывавший кличку Маленький — потому что тридцать лет ему никак нельзя было дать. Вечно похотливый беспредельщик с огромным членом, на который ушел весь его рост, готовый втыкать его в кого угодно. Будь она другой — сломал бы запросто. Но она выстояла.

Самое смешное — что при всем своем отношении к ней как к вещи, Леха ее якобы любил. По крайней мере так говорил часто. И доказывал это делом — деньгами и подарками. Любил приехать

с ней в бутик и сказать громко — выбирай чего хочешь. А потом возмутиться на весь зал — мол, чего скромничаешь, давай побольше набирай, любишь ведь шмотки!

Или сам что-то привозил — как в самом начале, когда появился у нее с жутко массивным кольцом с внушительным бриллиантом, которое ей просто-напросто было велико. И она еще заметила, что можно было бы размер узнать сначала, да и она такое не надела бы, она ж не на рынке торгует, — и Маленький озлобился. Он явно покупал от души и явно делал такой подарок женщине в первый раз. Но злобу выплеснул только в постели — а на следующее утро потащил в «Картье», откуда она вышла с двумя кольцами.

Правда, она у него ничего не просила. В конце концов, у нее был неплохой гардероб — она все же нормально зарабатывала до смерти Армана. И украшений хватало, подаренных им, — которые Леха приказал не надевать, и она их спрятала, боясь, что с него станется их выбросить или отвезти куда-нибудь и сдать. Так что он по собственной инициативе делал ей подарки — да и ему самому было выгодно, чтобы она выглядела по высшему классу, он же ее таскал с собой везде. Но он хотел, чтобы она считала, что это проявление его чувств. Потому что он не знал, видно, как их проявляют по-другому, — да и не умел.

Кстати, она не сомневалась, что он потрахивает кого-то на стороне — но менять ее на другую девицу не собирается. Может, и поменял бы потом, если бы она его на себе не женила, — потому что с такой жизнью она бы состарилась быстро, да и надоела бы ему. А может, все равно жил бы и с ней, и с кем-то еще параллельно — потому что испытывал к ней что-то.

Не любовь, конечно, — но нечто близкое к ней в Лехином понимании. Плюс уважение — потому что она хотя и боялась его, но часто шла наперекор. И настаивала на том, что она бизнесвумен, а не шлюха. И устраивала скандалы, и постоянно напоминала ему, что он нарушил данное ей обещание насчет журнала. Но Леха хотя и ненавидел это, одновременно ему это и нравилось — видно, смелость отличала ее от других и придавала их сожительству острые ощущения. И, подавляя очередное восстание, Маленький испытывал не меньшее удовольствие, чем от секса, — потому что он любил побеждать.

Может, будь она покорной, он бы ее бросил быстро — об этом можно было только мечтать. Но своим упрямством она добилась куда большего. Хотя во время того решающего разговора Леха чуть ее не убил. Наверное, надо было его расслабить сначала в постели, наверное, надо было выбрать другой момент, потому что у него были какие-то

проблемы в тот период, и, видно, серьезные, поскольку последние две недели он немного дерганный был.

Но она уже не могла ждать, потому что жизнь ее засасывала, только голова осталась на поверхности, да и та периодически уходила вниз, всякий раз выныривая с гигантским трудом. И как только она осознала, что или так, или никак — как-то днем осознала, сидя в пустой квартире с гудящей с похмелья головой, — то приняла решение. И ночью, когда Леха приперся к ней — под кайфом, с блестящими от кокса глазами, но тем не менее озабоченный чем-то, что совсем было на него не похоже, — заявила, что, прежде чем лечь с ним в постель, она должна ему кое-что сказать. Потому что это важно, очень важно.

Ну и сказала. Что больше жить так не может. Что ей нужен свой бизнес, нужна работа, нужно дело — а существование за чужой счет ее не устраивает. И что к нему, Лехе, она относится прекрасно и их отношения всегда будут такими, как он захочет, кроме брака, разумеется, — но она хочет подняться и пойдет на все, лишь бы достигнуть своей цели. И что он обещал ей помочь с бизнесом — но ничего не сделал. И что она готова все сделать сама — и платить за это кому угодно любую цену, включая койку. Потому что она из-за него, Лехи, потеряла все, что имела, — и сама ведь

пришла к нему, дура, помогла, верила, что и он ей поможет.

Леха озверел. Неудивительно, если учесть, что она сказала ему в лицо, что он не отвечает за слова, — да еще и кучу условий выдвинула. Надавал ей оплеух, платье на ней порвал, хорошо хоть кулаками бить не стал, хотя несколько раз пнул ногой болезненно. А потом, успокоившись на мгновение, чересчур мягким и тихим голосом предложил ей взять свои слова обратно.

Это был хороший шанс. Спасательный круг прямо, потому что она видела, что он кипит, он таким не был никогда и, наверное, на что угодно был способен в тот момент. Но она чувствовала, что, ухватись она за этот круг сейчас, — и все, больше она на такое не отважится. И ответила ему, твердо глядя в глаза, что если он хочет ее убить, так пусть убьет — потому что их отношения на этом закончились и она сменит квартиру, уйдет к кому-нибудь, уедет, убежит, но так, как раньше, продолжаться больше не может.

Она на полу лежала, а Леха сидел в кресле, покуривая, прикладываясь к стакану с вискарем. И после ее ответа сообщил спокойно, что раз так, то пусть будет по ее — ему не впервой, когда те, кого он считал близкими, курвятся и уезжают. Арман вон уехал — да и кое-кто до него и после. И раз ей охота туда же — он не против. Только

она баба — и права голоса ей никто не давал. Так что сначала он ее на братву отдаст, пока не надоест, — а потом проституткой пристроит, раз ей так хочется делом заниматься. В хорошее место пристроит — по старой дружбе. Там, правда, все молодые больше — но шанс сделать карьеру у нее есть. Если повезет, станет мамашей через тройку лет — ну а не повезет, закончит карьеру дешевой блядью на Курском вокзале. Но прежде он ее лично оттрахает напоследок — чтоб запомнила.

Она запомнила — потому что он делал это всю ночь. Пил и нюхал и никак не мог кончить — а злоба ему не давала устать и заснуть. Издевался как хотел — потому что впервые такое слышал от женщины. Ну и платил за это — делая все именно так, как ей больше всего не нравилось, как больнее было. А утром уехал, так и не поспав. А когда вечером вернулся, она все еще лежала — тупо, обреченно и разбито, не в силах пошевелиться. Да и куда было идти с подбитым глазом и синяком на скуле и ссадиной на лбу?

— Эй, кончай спать! — Голос трезвого Лехи был приветлив, будто ничего такого не произошло вчера. — Вставай давай, я пожрать привез.

И она встала и пошла в ванную, помывшись и накрасившись кое-как, — а когда вышла, трезвый Леха сидел за накрытым столом, рядом с отку-

поренной, но абсолютно полной бутылкой вискаря. И она села напротив, стараясь не показать ничем, как ей хреново, глядя на него спокойно и молча.

— Давай по соточке за человека одного. — Леха плеснул ей виски, не забыв про себя. — Был у меня близкий, агентство рекламное возглавлял, крупное такое. И прикинь — три недели назад труп нашли. А мусора, паскуды, давай на меня грешить. Вчера утром от тебя на хату к себе заехал, так прям у квартиры приняли — с автоматами, толпой на одного, как положено. Хорошо ствол в тачке оставил — так бы караул вышел. А они мне, короче, наручники, полный шмон — и в ментовку. Посадить хотели — только пришить ничего не смогли. Зря день потеряли и у меня время отняли. А тут ты еще...

Она все еще молчала, думая про себя, что Леха извиняется впервые на ее памяти — пусть и завуалированно, но извиняется. И уже понимая, куда он клонит. И догадываясь, что отчаянный шаг принес ей победу. Кажется.

— Короче, сама виновата — дерзить не надо. А то, что под чужую раздачу попала, — так это судьба! — Леха ухмыльнулся, вдруг каменея лицом. — Но под другого мужика я тебе лечь не дам, сечешь? Или со мной, или ни с кем. А отпущу — ложись под кого хочешь. Так что будешь главной

там, в агентстве, — чтоб ложиться ни под кого не пришлось...

А еще через полгода примерно Леха сел. Сел не без ее помощи — и очень надолго. Она, правда, думала, что его убьют — Леха был не из тех, кто сдается, — но его только ранили тяжело, выжил Маленький. И хотя не знал о ее роли в его посадке — иначе бы давно ее не было в живых, — может быть, начал догадываться? Может быть, кто-то что-то подсказал, натолкнул на мысль? И эти карты — только символ того, что он ее вычислил и ей никуда не деться, и пусть она подергается, прежде чем ее кончат наконец?

Она покачала головой, подливая себе еще чуть-чуть виски. Не стоило вспоминать Леху — совсем лишнее. Не хотела ведь — хотя он был самым вероятным кандидатом на то, что появление карт связано именно с ним. Ну так он сам пришел, несмотря на ее нежелание его вспоминать, — во сне.

Она посмотрела на часы, с замедленным изумлением отметив, что уже три. День пропал все равно, так что лучшее, что она могла сделать, — это пойти спать. Чтобы не вспоминать больше и не думать.

Вот только следовало прежде сделать еще один глоток — чтобы лучше спалось. Всего один. А еще лучше — два. Для верности...

— Короче, завтра в десять мы с близким его созваниваемся — уточнить по времени и месту. И я тут же тебе на мобильный. Предварительно — в шесть, скорее всего за городом. У него там особняк — официально не его, но сама понимаешь. Думаю, там и встретимся, так что с самим пообщаешься. Про него хоть и слухи ходят, что он и тех и тех, но женщин он любит, сама знаешь, наверное. Да, купальник возьми — на всякий случай, у него бассейн там, и по сауне он спец. И...

— Так я и без купальника могу, если дело требует! — хмыкнула пьяно, и Андрей, уже что-то подозревавший, уже не раз интересовавшийся, все ли с ней в порядке, значимо кашлянул.

— Э, ты там точно в норме? Или отмечаешь что-то? На тебя не похоже — ты вроде не по той части. Да, и учти, что завтра...

— Да шучу я, Андрюш, — протянула примири-тельно. — А голос такой — я ж простуженная, температуру, чего бы я, по-твоему, дома целый день сидела? Ну и голова тоже не очень — вот и шутки неудачные. Все, завтра в десять ноль пять жду звонка. До встречи.

Что у него с юмором, интересно? Такой сам юморной всегда — а тут шуток не понимает и вообще напряженный, словно школьник, у которого директор родителей на завтра вызвал. Понятно, что нужен ему политикан этот хренов, — ну так и ей нужен. Она ж не дура — такие бабки на кону!

Настроение стало чуть получше. И не только в разговоре было дело, но и в том, что вспомнила, что настал последний день этого мутного периода, тянувшегося с утра понедельника. И все, что ей надо сейчас, так это заснуть — а утром услышать, что подкидывавший ей карты урод пойман. И поехать в офис, забыв обо всей этой истории. А потом в салон, уже давно пора было привести себя в порядок — с такой рожей даже на работу стыдно ездить, не говоря уже о намечавшемся мероприятии. А потом туда, куда скажет Андрей. А потом, после всего, позвать его к себе и отблагодарить — а заодно попросить решить одну проблему. Разобраться предметно с вычисленным шутником.

Это были приятные мысли — куда приятнее, чем то, что лезло в голову последние четыре дня.

Вот только заснуть бы еще поскорее — но с этим были сложности. Хотя бы потому, что она проспала почти шесть часов днем. В начале четвертого легла, когда развезло окончательно, потому что воспоминания о Лехе сопровождались возлияниями, — а проснулась только в девять. Часа полтора приводила квартиру в порядок — чисто косметически — и сама наводила марафет. А ровно в десять тридцать раздался звонок, мужик звонил от Мельникова — доложить, что они уже внизу, сейчас сориентируются на местности, и в одиннадцать, если она не возражает, он будет у нее.

А теперь было начало первого. И она сидела у себя в гостиной, а парень лет тридцати — высокий, крепкий, с настоящим мужским лицом, твердым, грубоватым — сидел у двери. Вежливый такой, уважительный, видать, получил соответствующий инструктаж — но ей в любом случае он понравился куда больше, чем тот, с которым столкнулась утром. И внешне — и вообще. Даже от кресла отказывался — не беспокойтесь, мол, я не отдыхать сюда пришел. Еле убедила, чтоб вытащил в коридор кресло и столик-каталку — ну чтоб пепельницу было куда поставить, все такое. Показала, где чай и кофе, чтобы, если что, сам себе сделал, даже бутылку колы ему пожертвовала.

Молодец парень — никаких левых взглядов, фамильярности, намеков, что, мол, раз у вас тут

на ночь, так могу и в постели поохранять. Хотя она видела, что понравилась ему, — она такие вещи чувствовала. С ее-то опытом — удивительно разве?

Конечно, было немного дискомфортно — оттого, что в квартире чужой человек. Но лучше так, чем снова увидеть утром карты на коврике. Тем более что этому она верила — он надежный был на вид, не то что утренний урод. Серьезный, жесткий, точно профи — то, что надо, в общем. Попросил показать, как замки функционируют, внутреннюю дверь открыл и закрепил, чтобы не скрипнула в нужный момент, внешнюю закрыл на полповорота нижнего замка, чтоб за секунду выскочить. Так что теперь главным было, чтобы появился этот урод — и все.

В гостиной на полную мощь работал кондишн, выветривая запахи вискаря и сигарет, и она плотнее запахла накинутый на комбинацию черный халат, такой дорогой, что он скорее был похож на вечернее платье, чем на домашнюю одежду. А потом пошарила по комнате глазами в поисках пульта, которым управлялся кондиционер, чтобы немного убавить скорость. Не то вроде один ящичек в стену вмонтирован, а такой холод нагоняет, что огромную комнату насквозь выстудил.

Спать не хотелось — а снотворного дома она не держала. Не пользовалась им никогда, да и вооб-

ще ненавидела таблетки. На кой они ей, когда она раз в полгода полный осмотр проходит в элитной клинике и вообще за здоровьем следит, активный образ жизни ведет? Это сейчас расклеилась — а так все строго и четко.

Странно даже — последние полтора года, с тех пор как сел Леха, вносящий в ее распорядок неожиданности и сумятицу, она жила по четкому расписанию, как и до него. А тут, с понедельника, сломалось все в момент — и образ жизни, и внутренние ощущения, и привычки, и даже работа, в которой не знала раньше таких неудач. И все из-за каких-то карт — точнее, из-за какого-то уroda, приносившего эти карты.

Она снова обвела взглядом комнату. Так и не увидев пульта — зато отметив в тысячный раз, но впервые за последние четыре дня, какая красивая у нее квартира. Огромная, с высоченными потолками, с суперремонтom. А уж про обстановку — от мебели до люстр, от дверных ручек до штор, от выключателей до картин — и говорить нечего.

Она все продумала до мелочей и денег на интерьер не пожалела. Кожаная мебель цвета сливок, диван и два кресла, длинная белая стенка высотой до потолка, гигантский телевизор в углу с самым большим экраном, какой можно было купить, навороченный музыкальный центр «хай-энд» — и все это в окружении нежно-голубых стен

и потолка, покрытых пупырчатой краской. И спальня такая же — голубая с белой мебелью. И кухня. И кабинет. И гостевая комната. Легко, ярко, красиво — просто отпад.

Это было здорово — то, что она вспомнила, как у нее классно. Это показывало, что она выходит из депрессии, в которую так неожиданно провалилась. На пустом месте вроде провалилась — зато жутко глубоко, чуть ли не глубже, чем с Лехой. Но с ним это долго было и постепенно — как погружение в трясину, — а тут стремительно.

Вот только надо бы перестать сейчас думать про Леху. Внушить себе, что он тут ни при чем — потому что он точно ни при чем, — и занять себя чем-нибудь, а потом спокойно заснуть. Ну глупо было бы представлять себе, что Маленький из зоны дает кому-то указания подкидывать ей карты. Не в его манере совсем. Да и не догадается он никогда, потому что она умно все сделала. Озлобиться может — за то, что не пишет, не приезжает и все такое. Но просечь, что он там из-за нее...

Взгляд так и не отыскал пульт — зато наткнулся на упорно лезшую в глаза бутылку. Наталкивая упрямо на мысль, что, может быть, имело смысл использовать вискарь вместо снотворного — немножко, граммов пятьдесят, сто максимум. Тем более что от дневной дозы она давно протрезвела — и даже заставила себя съесть пару сандвичей, пе-

ред тем как пришел тот, кто сидел в коридоре сейчас. Так-то пьянела, потому что не ела ничего, аппетита не было, — а тут перекусила, причем вроде плотно, больше трех сандвичей с тунцом и маринованными огурцами ничего в себя впихнуть не удалось. Не делает же ничего, энергию не расходует, да и вискарь калорийный, откуда аппетит-то возьмется?

«Ладно, немножко можно», — разрешила, беря из стенки словно специально не убранного в бар «Джонни Уокера». И, поколебавшись, вышла из комнаты, отметив, что охранник только покосился в ее сторону и тут же отвернулся, продолжая глядеть в находившуюся в двух метрах перед ним дверь — то ли сверля ее насквозь взглядом, то ли медитируя. А она, достав из холодильника банку содовой, вернулась обратно, аккуратно смешав в толстостенном стакане ледяную пузырящуюся воду и теплую желтую жидкость.

Вдруг вспомнилось, что к вискарю ее приучил именно Леха. С Арманом она пила вино — у него приятель был, грузин, торговавший качественными грузинскими винами и постоянно презентовавший Арману по паре ящиков. Сам Арман предпочитал французский коньяк — а ящики с вином привозил ей. А вот Леха любил виски — и это было смешно, что русский беспредельщик, напоминающий провинциального шпаненка, пьет благородный шот-

ландский напиток. Но тем не менее — ничего другого Леха не признавал. И ее убеждал, что чище и полезнее ничего нет, — и убедил.

Ну вот, опять Леха. Валю и Армана вспомнила с трудом, Аркадия бы вообще не вспомнила, если бы сам о себе не напомнил, — а Леха буквально лез в голову. Словно давая ей понять, что, пока она не вспомнит все до конца, он не уйдет в прошлое. А ей не хотелось совсем вспоминать все. Хотя если под спиртное...

— Ну что ж, тогда за тебя! — Она приподняла стакан, подмигивая находящемуся сейчас где-то очень далеко Лехе, смакуя сразу понежневшее от содовой виски, в холодном виде куда более удобоваримое. И память тут же подсунула услужливо тот кусок, на котором она остановилась днем, — тот разговор с Лехой, после которого она оказалась в агентстве.

Он зауважал ее после того конфликта — сильнее, чем раньше. В его мире, чтобы тебя уважали по-настоящему, надо доказать, что ты сильный, что ничего не боишься, готов на смерть пойти, — вот она и доказала. Так что Леха ей больше о ее дерзких речах не напоминал. И относиться к ней стал как раньше, в самом начале их отношений. По крайней мере оплеух не давал и на три буквы не посы-
лал.

И она на него не злобилась за то, что было. Чего, в общем, можно было ждать от такого отморозка? А к тому же она добилась своего — доби-лась такого места, о котором и не мечтала, потому что это было попрестижнее, чем редакторство в журнале. Агентство, входящее в десятку крупней-ших агентств Москвы, куча клиентов — банки, крупные фирмы, шоу-бизнесмены и т.д., — фан-тастические перспективы. Можно ли желать боль-шего?

Оказалось, что можно. Потому что Маленький не давал развернуться. Все-таки он ограничен был и туповат — и заглядывать вдаль ему было несвой-ственно. Живые деньги, лес, нефть, металл, ору-жие, наркотики — это он понимал хорошо, любил и ценил. А такие абстрактные вещи, как рекла-ма, от него были бесконечно далеки. И как он дал денег несколько лет назад на открытие этого самого агентства — было просто непонятно.

Леха потом рассказал, что хмыря того, кото-рый был директором, кто-то из Лехиных близких привел года три назад. А хмырь начал Леху жизни учить. Мол, в Америке бандиты перерастают в бизнесменов и уважаемых людей — вот к этому и надо стремиться. А что так создаст респектабель-ность, как возможность вращаться в обществе кино и поп-звезд, продюсеров и банкиров? А реклам-ное агентство ему, Лехе, такую возможность мо-

жет предоставить — потому что уже через год после старта работать будет с самыми знаменитыми и уважаемыми людьми.

Маленький, которому все звезды были до одного места, хотел его послать подальше, надавав по морде предварительно, — но близкий шепнул Лехе на ухо, что вложенные бабки прибыль принесут, а сам Леха вволю потрахает всяких певичек да артисток. Так-то где их искать — а тут рядом будут. Словом, объяснил все так, что Леха понял привлекательность этого бизнеса. И отсчитал полмиллиона долларов на создание агентства и его раскрутку.

Леха, естественно, не свои дал — коммерсанта одного близкого пристегнул. Но считал, что вложил свои. И потому злобился, что хмырь раскручивается медленно и денег отдает мало. А тусовки, приглашения на которые хмырь присылал регулярно, Лехе быстро надоели — на хрен не нужен был ему высший свет. Но близкий убеждал не торопиться, а вложивший бабки коммерсант тусовки посещал исправно и не роптал вовсе.

А потом близкого застрелили и Леха вообще забыл про агентство, и не вспомнил бы, если бы какая-то падла не подорвала его коммерсанта. А начал разбираться, искать кто — и вспомнил. И наведаясь к хмырю для личной беседы. А тот, дурак, крутым себя уже чувствовал, думал, что по-

могут ему его связи, — и заявил, что давно хотел выкупить долю учредителя, тем более что когда-то вложенные деньги давно вернулись к вложившему и принесли гору процентов. Но раз учредитель погиб, вопрос усложняется, конечно, — хотя он все равно готов заплатить отступного, только меньшую сумму. Тысяч сто, к примеру.

Лехе агентство было не нужно — а деньги, отданные хмырем, он вообще мог положить себе в карман. Но тут завелся. С Лехой так разговаривать не стоило — просто ее предшественник этого не знал, наверное, в заблуждение его ввела внешность Маленького, наверное, завел кое-какие знакомства в криминальном мире и был уверен, что его прикроют. А через неделю после разговора в подъезде дома его встретил киллер. А еще через четыре недели вакантное место заняла она. Очень быстро поняв, что особо радоваться, в общем, нечему.

Она с таким удовольствием и так быстро вошла в курс дела, у нее было столько идей, столько планов — а к тому же она пришла сюда со стороны, и ей многое лучше было видно, чем тем, кто варился тут много лет. Но Лехе все ее планы были пофигу. Даже когда у нее родилась блестящая идея, чтобы Леха переговорил со своими коллегами, контролирующими крупные фирмы и банки, чтобы эти самые фирмы и банки делали рекламу только

через нее. Ему несложно было бы — зато какая выгода, какой размах сразу! Но Маленький отмахнулся — реклама для него была понятием неvēщественным. И от прочих идей он также отмахивался.

Даже в ремонте отказал — хотя понятно было, что разное отношение к агентству, сидящему в полуразвалившемся особнячке, и к агентству, чей офис отремонтирован по высшему классу, у кого внутри разумная роскошь и комфорт. Таким ведь и доверия больше, потому что видно, что преуспевают, и заплатить таким можно больше, чем другим. И есть разница, угощают тебя на переговорах растворимым кофе из щербатой чашки или варят какой-нибудь дорогостоящий кенийский и предлагают пятьдесят граммов французского коньяка. Но Маленький пальцем у виска покрутил, когда она про это сказала, — и слушать не стал, что все расходы окупятся быстро. Будешь миллионы зарабатывать, тогда и сделаешь — и весь разговор.

И тогда она поняла окончательно, что он для нее как тормоз — он не дает ей идти дальше. А к тому же он по-прежнему для нее опасен. И никогда никуда ее не отпустит. А значит, надо что-то придумать — чтобы освободиться от него и подняться повыше. Обязательно надо. И когда через два месяца она уже точно знала, под кого уйдет, кто даст ей крышу, вытеснив Лехиных уро-

дов, и даст развернуться так, как она того пожелает, и будет помогать так, как Леха и не смог бы, даже если бы хотел, — тогда стало ясно, что время пришло.

Андрей в ее жизни появился, в общем, случайно. Позвонил как-то в офис Леха, сказал, что у человека хорошего возникла одна проблема по ее части, так что надо помочь, и любой ценой. И тут же перезвонил этот самый человек, о котором Леха говорил с таким уважением — уважением, которого на ее памяти никогда никому другому не оказывал. А еще через час они встретились в ресторане неподалеку от офиса — приглашение в офис он вежливо отклонил.

Она сразу поняла, что он не простой совсем и куда круче Лехи. И по тому, что приехал на шестисотом «мерседесе» с водителем и джипом охраны, — и по тому, как держал себя, и по тому, как говорил, очень вежливо, очень умно и дипломатично так, с кучей недомолвок и пауз, говорящих больше, чем слова. И даже по тому, как он вел себя с официантами в ресторане. Леха хамски командовал или орал, посылал на три буквы и обещал оторвать голову, если ему через секунду не принесут соль или соус, — и там, где Леху знали, перед ним прогибались до земли и стремились поскорее скрыться с глаз долой. А этот был корректен, и с ним были почтительны и внимательны.

И вообще он был весь такой западный во всем — типичный крестный отец.

Ему от нее нужна была какая-то мелочь — пробить в газетах несколько негативных статей об одном банке, не просто охаивающих тупо, но изобилующих фактами и логическими выводами. И при этом он не хотел, естественно, чтобы кто-то знал, откуда растут уши, — вообще никто, даже в ее агентстве. И чтоб все выглядело как журналистское расследование — а агентство было как бы ни при чем, чтобы никто не задавал потом вопросов. Он не сказал, зачем это ему, — а она не спрашивала. И так было понятно, что цель — вывести из игры конкурентов перед какой-то важной сделкой, или нечто похожее.

Она оценила, что он так цивилизованно все решает. Леха бы стал напрягать, по ночам звонить людям домой и пугать, что детей их похитят и жен, или киллерам бы заказал неудобных — а тут перед ней был совсем другой человек. Как раз такой, который мог оценить все перспективы рекламного бизнеса.

И она сказала, что сделает — обязательно делает, для нее это не проблема. А сама начала о своем — о том, что реклама великая вещь и тот, кто владеет агентством, может не только в экономику, но и в политику влезать, не просто выполняя чьи-то заказы, но действуя по своему усмотрению.

Просто она женщина, она от этого далека, она в своей области специалист — но если кому-то это интересно, то она может помочь не только деньги заработать, но и политический капитал.

Она видела, что ему интересно. И говорила и говорила — спохватившись только через полчаса, а то и минут через сорок, спросив кокетливо, не утомила ли. И когда он посмотрел на часы, заметила как бы невзначай, что Алексей, увы, слишком приземлен — и сто долларов в руках его интересуют больше, чем виртуальная тысяча, готовая спланировать ему в карман, если приложить минимум усилий.

Он ничего не сказал — но ей хватило его интереса к ней и к ее словам. И хотя они расстались как бы навсегда — он оставил визитку, сказав, что от него позвонит человек уточнить насчет статей и деньги привезет, ту сумму, которую она скажет, и что если у нее возникнут проблемы из-за этих материалов, пусть звонит, он сразу решит все, — Лехина судьба была предрешена.

Леха не был болтлив — но он пил и нюхал, и кое-что из него да вырывалось. Может, хватило бы даже того, что она знала о его участии в судьбе Армана и ее предшественника. Но Леха периодически дополнял ее знания другими фактами — ничего не говоря прямо, но она все равно пони-

мала, не дура же. А в какой-то момент он вдруг сказал ей, что без него она пропадет, а с ним всегда будет в порядке — потому что он везучий. Фартовый — так он сказал.

— Ну прикинь — я в розыске уже год, убийство мне одно шьют, придурки. А я живу спокойно, ни от кого не прячусь. Даже менты взяли меня недавно за рекламщика этого — и то отпустили, забыли про розыск, так адвокат им мозги затрахал. Фартовый я, сечешь — везде прорвусь. Будешь меня держаться — тоже фартовой будешь.

О том, что фарт его кончился, Леха не знал. Кончился в тот момент, когда он сказал ей об этом.

Для начала она ему одну девицу подсунула — примерно такую, как она сама, только помоложе. Высокая, стройная блондинка двадцати лет, в Лехином вкусе. Она, Ленка эта, моделью работала, кучу агентств сменила, перли ее отовсюду за бестолковость и необязательность. Могла на показ не явиться или на съемку — и все из-за мужиков. С любимым богатым мужиком в койку ложилась, если получала хороший подарок и внушала себе, что этот на ней или женится, или постоянной любовницей сделает. Но жениться на ней никто не собирался, в качестве любовницы, видно, тоже не подходила — и подарком максимум на штуку-полторы и парой ночей все и ограничивалось. А так как мужики менялись как колготки, работа

уходила на задний план, и в итоге осталась Ленка на улице и с такой репутацией, что никто с ней дел иметь не хотел.

Как-то так совпало, что именно в этот момент в ее агентство фирма одна обратилась, ролик хотела сделать и чтоб модель в нем была эффектная, — и она случайно вспомнила про Ленку, которую использовала пару раз. И узнала, что ту с работы поперли, — но телефон достала. А та прям вопить от счастья — да с удовольствием, да все, что скажете, да можете меня все время использовать, я только за, и вам дешевле будет, чем с модельным агентством связываться.

Тут-то у нее и родилась эта идея. И она пригласила Ленку в штат — будешь референтом числиться, кладу две штуки в месяц, плюс во все съемки и ролики тебя впахивать стану и гонорар повыше пробивать, а процент возьму невысокий, пониже, чем модельные конторы. Та в восторге, конечно. А что ей — выйти на пару часов в день на работу, задом покрутить да свалить, и все время надеяться, что вот-вот подвернется что-то денежное и мужик при бабках? Да сплошной кайф!

Остальное было делом техники. Сперва как бы невзначай заметила Маленькому, что модель одну к ней впахнули в контору — супердевка, только мозгов нет и на мужиков падкая. Потом специально убедила Леху, чтобы он к ней офис заехал,

и Ленку в кабинет вызвала, похвалив себя, когда увидела в глазах Лехи неподдельный интерес. А еще через пару дней, зная, что Леха припрется вечером, и будучи в курсе, что Ленка и с мужиками и с бабами трахается, позвала ее в кабак, а потом к себе в гости. И они поддали крепко и оказались в одной койке. И приехавший Леха — она изобразила, что и забыла о его визите, — пришел в такой восторг, что всю ночь трахал обеих. А утром отвез Ленку домой — она сама его попросила.

Следующие три недели она для Лехи была занята. Заранее предупредила, что работы куча, да еще и самочувствие не очень, женские дела — врач воздержаться порекомендовал, вообще, может, операция нужна, так что не шутки это. И Маленький хотя и звонил, но к ней не заезжал, — а Ленка по странному совпадению начала прогуливать работу или появляться уже под вечер.

Все по высшему классу разыграно было, ловушки построены мастерски и замаскированы профессионально — но живший звериными инстинктами Леха все равно что-то подозревал. Даже заявил ей, ухмыляясь, что если она рассчитывает, что, подсунув ему Ленку, сама получает право трахаться с кем угодно, то это большая ошибка. И тем самым показал, что пора начинать второй этап операции.

А еще недели через две в одной газете с огромным тиражом вышла статья, в которой описывались все художества Маленького. Не только убийства бизнесменов и вымогательство с конкретных людей — но и его причастность к двум смертям авторитетных представителей криминального мира. И еще было сказано, что находящийся в розыске Маленький спокойно живет в Москве по такому-то адресу, ест в таких-то и таких-то ресторанах, бывает в таких-то клубах и казино — и над милицией смеется.

Это было рискованно — даже очень. Хотя она продумала схему от и до — и прежде чем попасть к конкретному журналисту, статья прошла через несколько рук по умно выстроенной ею цепочке, и к каждому рукам прилипло по тысяче баксов минимум. Журналист о ее участии не знал — а к тому же вместе со статьей получил пять штук баксов наличными, чтобы не сомневаться, и намек, что проплачивают возжелавшие засадить Леху менты, которым хочется построить крышу над некоторыми опекаемыми Маленьким конторами. И даже если бы кто распутал всю цепочку, то обнаружил бы, что она выступила в роли посредника между неизвестным заказчиком и следующим звеном цепочки — и как бы была не в курсе, что там, на дискете.

Леха мог, конечно, догадаться — но решил, что это милиция заказала статью, у них ведь была почти вся изложенная информация, за исключением нескольких ключевых деталей. Тем более что она ему это подтвердила. Маленький скрывался на даче у корешка одного и по телефону ее попросил выяснить, кто написал, чтобы лично разобратся с журналистом — статья была подписана отделом расследований, видно, понимали, что рискуют. А через день она ему сообщила, что в газете ее никто не писал — ее в редакцию прислали и порекомендовали поставить в номер по звонку сверху. Мол, помогите в борьбе с преступностью, а то ведь налоговая полиция к вам припрется, обнаружит ведь кучу всего, счета арестует, и все в таком духе.

Концов Леха больше не искал — уверовав в мусорскую версию. И хотя храбрился — он, как всегда, на понтах был, — но явно нервничал. По крайней мере к ней он уже не заезжал, звонил только. Раз только в офис приехал без звонка и в соседний кабак повез. И там сказал, что не появляется потому, что о ней заботится — у него и с ментами напряг теперь, и с братвой, и под удар ее ставить он не хочет. И даже посоветовал, если будут про него спрашивать, чтоб сказала, что он ее бросил давно — на другую сменял.

Это было искренне, и это действительно была забота — она оценила. Хотя и знала, что стоит Маленькому начать ее подозревать — он позаботится о ней по-другому. И пусть он ни о чем не догадывался пока — но все же развязка никак не наступала, видно, и вправду он был везучий. И она нервничала — потому что если бы Лехе удалось выкрутиться, оказалось бы, что все зря. И жизнь началась бы совсем не сладкая — в ожидании, что Ле́ха, рассчитавшись со всеми, раскопает вот-вот, кто начал все это.

Потом она говорила себе, что вовсе не желала ему ни смерти, ни тюрьмы — просто хотела, чтобы он уехал, забыл про нее, оставил ее в покое. Но на самом деле она именно этого и желала. И чем дольше тянулась история, тем сильнее желала.

Она уже была в отчаянии. Ну не звонить же в милицию, не давать же Ленкин адрес — она догадывалась, что Маленький у нее бывает, хотя со все реже появляющейся Ленкой они о Лехе не говорили ни разу, она как бы не в курсе была их отношений, — гарантий никаких, а вот что может вскрыться, кто звонил, так это запросто.

И тут ее схватили у подъезда какие-то уроды — впихнули в машину, отвезли от дома недалеко и начали вопросы задавать. Где, мол, Леха, колись, не то тебя порасспрашиваем как следует, а потом

кончим — все такое. Было не то что страшно — слишком быстро и неожиданно все произошло, — но неприятно. Рожи соответствующие, угрозы и мат через слово, у одного нож в руке, которым он перед ее лицом водил, — дискомфорт, одним словом.

Но она, как всегда, с достоинством держалась — заявив им, что с Лехой давно дел не имеет, было с ним что-то, но он ее из-за более молодой девки бросил. Сама, мол, виновата, дура, — взяла на работу девку, и на тебе. А теперь и не выгонишь суку — Леха озлобится. Адреса, мол, ее не знаю, телефона тоже, на работе не появляется почти — кругая стала. И как бы невзначай описала им Ленку — но без конкретики.

А когда стали дальше напрягать, заявила, что вообще-то Андрея Шляпникова близко знает и работает с ним, — пусть позвонят и спросят. И ведь позвонили — не сами, через кого-то из своих. А ровно через десять минут отпустили — до дома обратно не довезли, высадили просто безо всяких извинений, но она на большем и не настаивала.

А дней через пять Леху подкараулили рано утром у Ленкиного дома. Ленка сама ничего не видела, спала, естественно, дура, — но если верить газетам, там настоящая бойня была. Маленький почуял засаду, первым начал палить, двоих убил

и одного ранил. А сам, тоже раненный, притом тяжело, забрался в машину и попытался уехать. Сбив каких-то двух алкашей, подвернувшихся под колеса, и кинувшись на таран на перегородивший ему узкую дорогу милицейский «воронок». Потом еще и по ментам палить начал, понимая, что кранты, — и один из ментов через несколько часов умер в больнице. А Леха, получивший второе ранение, умудрился еще проковылять пару сот метров — и ушел бы, если б сознание не потерял.

Она обо всем узнала случайно — Ленка на работу не вышла, потом оказалось, что с перепугу смотала к подруге, а через пару дней улетела на Кипр с давним поклонником, давно мечтавшим затащить ее в койку, но, на Ленкин взгляд, недостаточно для этого богатым. А тут и он сошел. Но она же не проверяла, кто приходит, а кто нет, — тем более Ленка все равно была пустым местом, она и взяла-то ее с конкретной целью, которая уже была достигнута, так что больше интереса не представляла. И она совершенно случайно наткнулась на заметку в газете. Взяла-то ее, чтобы прочитать совсем о другом, — и тут это.

Она так странно себя почувствовала тогда. Вроде должна была радоваться — тем более там написано было, что Леха смертельно ранен, помрет вот-вот. Ей следовало бы радоваться — после всего плохого, что он сделал ей, после того, как чуть не сло-

малась. Но радости не было. Может, потому, что перенервничала, не зная, чем все кончится, может, потому, что Леха по-своему ее любил, а может, просто не верилось еще, что все позади.

Но уже на следующий день она встретила с Андреем. Констатировала спокойно, что ей жаль Леху — хотя их короткие личные отношения давным-давно кончились, а работе он, увы, больше мешал, чем помогал. И сделала Андрею деловое предложение — взять агентство под себя, помогать ему, используя свои связи и расширяя тем самым свой авторитет, и предоставить ей при этом полную свободу действий. Потому что для такого человека, как Андрей, политический капитал, бесспорно, важнее тех не слишком больших сумм, которые они ему могут отчислять за крышу. И получила согласие — сразу и без раздумий.

Маленький, правда, оказался живучим — хотя месяца три пролежал в коме. А потом был процесс, черт знает сколько тянувшийся, и Лехины люди кучу денег угрохали, чтобы его вытащить, но мешал убитый Лехой мент. А пять месяцев назад, под Новый год, приговор ему вынесли — десять лет строгого режима. Якобы убитый им мент не в форме был, и Леха, в которого стреляли только что, мог принять его за киллера — отсюда и десятка, а не высшая мера.

Она об этом узнала от соратника Лехиного — Вовки. Невысокий, толстый, с противной рожей — такой же наглой, как у Маленького, только не внушающей такого страха окружающим. Он ей сам позвонил, где-то через месяц после случившегося. И потом регулярно позванивал — даже спросил как-то, не хочет ли она на свиданку сходить. На что она ответила, что с радостью бы, но Леха ее бросил перед этой историей, модель ей предпочел — и она достаточно долго переживала, и смирилась с этим наконец, и вспоминать все заново не хочет, слишком тяжело было все забыть.

А когда Вовка насчет денег заикнулся — это уже позже было, перед судом, — она ему сообщила, что у нее теперь другая крыша. Все сказала, как Андрей посоветовал, — сама его спросила, что делать в случае чего, предвидела, что может такое произойти. И теперь легко выложила Вовке, что когда у нее из-за Лехи возникли очень серьезные проблемы, именно Андрей ее спас. И когда потом из-за рабочих вопросов наехали на нее плотно и убийством грозили, Лехи не было рядом, а кому звонить, она не знала, не было у нее ничьих телефонов — и Шляпникову набрала, ее ведь Леха с ним познакомил. Вот так и получилось, что она теперь под ним как бы.

— Шляпа — это да! — выдохнул тогда Вовка. — Хреново, конечно, что Леха мобильник тебе мой

не оставлял — но чё теперь-то? Ладно, звякну еще, бывай...

На суд она не пошла по той же причине, о которой уже говорила звавшему ее усиленно Вовке. И письмо от Лехи отказалась взять — опять же поэтому. И сама ему не написала. И Вовка звонить перестал. Сказав напоследок — дело твое, конечно, но с Лехой ты зря так. Очень значимо сказав...

Но ее не напрягали его редкие звонки — она уже чувствовала себя свободной. Полностью. И сделала ремонт, подарив агентству абсолютно новое лицо, и купила себе «мерседес» вместо поизбегавшегося по московским дорогам «мустанга». И периодически спала с Андреем, и осуществляла свои планы, поднимаясь все выше, обзаводясь сильными знакомыми в мэрии и других структурах, в банках и шоу-бизнесе. Веря, что женщина на посту главы рекламного агентства может добиться куда большего, чем мужчина, — именно потому, что она женщина. Потому что ей позволено вести себя нестандартно, она может шутить и кокетничать там, где мужчина обязан быть серьезен. Она может играть и соблазнять — не тупо, конечно, предлагая тело в обмен на заказ, но тонко, хитро, умно. И ведь добивалась — до этого чертова понедельника, когда у двери на коврике появились карты.

Да, все шло классно и обещало стать еще лучше. Даже никакой кризис на ее дела не повлиял. Четырехкомнатная квартира за сотню метров площадью в огромном доме в центре, почти новый двухсотый «мерс», солидный счет в банке на Кипре, каждый день растущая репутация — ее личная и агентства. Чего еще надо? Счастья в личной жизни — так оно ей никогда не было нужно. Переспать с кем-нибудь ради дела и удовольствия одновременно — всегда пожалуйста. Но не мужа же заводить и детей.

В общем, все было классно, пока не появились эти карты. Пока вся ее карьера и жизнь не остановились вдруг на своем пути в гору и не покатались вниз, теряя контакты и деньги, уверенность в себе и спокойствие. И веру в то, что завтра будет лучше, чем сегодня.

«Кончай, подруга, — ты что сопلي-то распустила?!» — одернула себя грубо, возвращаясь из воспоминаний и раздумий в реальность. Видя перед собой бутылку, похудевшую граммов на четыреста за время пребывания в прошлом, — ощущая, что снова пьяна. Вспоминая, что в коридоре сидит охранник.

«Ну сидит — и пусть сидит, — подумала про себя, снова наклоняя бутылку над стаканом, тщетно пытаясь выцедить из давно опустевшей банки

хоть каплю содовой. — Триста баксов премии — за это можно посидеть».

Можно было даже пойти и сказать ему, что она заплатит и больше — пятьсот, к примеру. Да если честно, она даже готова была ему отдаться — лишь бы он снял с нее эту головную боль. Как только все будет сделано — сразу и отдаться. Да можно даже авансом...

Это была интересная мысль. Мужчина у нее был не так давно, и не то чтобы она испытывала сильную потребность в сексе — как-то сказала себе шутя, что столько раз отдавалась ради дела, что стала как проститутка профессиональная и отдаваться просто ради интереса не будет никому. Но сейчас ощущала желание испытать что-то приятное после четырех дней нервотрепки. Желание успокоиться, чтобы сразу заснуть потом, желание получить гарантию, что после секса этот привлекательный парень из кожи вон вылезет, чтобы поймать подбрасывающего карты урода.

Она покосилась на закрытую дверь гостиной, усмехнувшись. Интересная мысль, и романтика опять же, прям как Уитни Хьюстон и Кевин Костнер в «Телохранителе». Так почему бы и нет?

Он подскочил на постели так резко, что она проснулась. Морщась от головной боли, глядя на голое мужское тело, сильное и накачанное, стоящее к ней спиной, подносящее что-то к уху.

— У меня тоже тихо, — шепнул кому-то. — Да какой там сон! Нет, как договаривались. Я тут, а ты поднимайся на верхний и пешочком вниз — и повторяй. Да ладно — ноги хоть подкачаешь, тонкие больно. Все, удачи!

Он повернулся к ней, но она прикрыла глаза, делая вид, что спит. Наблюдая сквозь неплотно сомкнутые ресницы, как он одевается поспешно, пряча тело в черные джинсы и черную рубашку, как накидывает на шею черно-белый галстук, снимает со стула аккуратно повешенный буклированный черно-серый пиджак. И выходит тихо, оглянувшись еще раз, прикрывая за собой дверь.

На часах было семь — а заснули они, кажется, в пять. И хотя это было ничтожно мало — два часа сна, — она удовлетворенно потянулась. Кажется, ночь стоила того, чтобы не выспаться. И если бы еще не головная боль — было бы совсем прекрасно.

Сама виновата — засиделась вчера в гостиной с вискарем. Вроде уже решила, что делать, — а все сидела и сидела, подливая себе понемногу, граммов по пятьдесят, разбавляя содовой, за которой вышла еще раз, придя к окончательному выводу, что она нравится этому парню и он ей, в общем, тоже. Насколько может нравиться телохранитель той, кого он охраняет.

А сама все вспоминала Леху и все детали связанной с ним истории. Убеждая себя, что это не он — никак не может быть он. И что, будь у нее нужда, она бы позвонила этому Вовке, корешу его, и попробовала бы выяснить, как там Маленький, и поняла бы все по его тону — туповат он, чтобы что-то от нее скрыть.

Так что в койке они оказались уже в три с лишним. После того как она сходила в душ, чуть там не упав, а потом пококетничала немного с этим охранником, Толей. Ей плевать было, что он видит, что она под кайфом, — какая ей разница? Плела ему что-то весьма двусмысленное, стоя перед ним в то и дело распахивающемся халате на голое тело, — много ли надо мужику?

Он хотел ее, это точно, — но не хотел отходить от двери. Ну не в коридоре же этим заниматься, чтобы ее вопли по всем этажам разносились? Так что она ему сказала, что ценит его рвение — но тот, кто подкладывает карты, обычно делает это по утрам, а сейчас ночь. И ушла, оставив открытой дверь в спальню. И он, естественно, приперся.

Надо сказать, что он оказался неплох — для нее, пьяной и отчего-то жутко возбуждившейся, весьма неплох. Увидь она его в трезвом виде — такого, как сейчас, в типичной охранниковской одежке, — ничего бы не было. Но ночью он показался классным мужиком. Не то чтобы ей нужна была его инициатива — такую инициативу, какую проявлял в койке Маленький, этот все равно проявить бы не смог. Ей главное было, что у него стояло все. А трахала она его, по сути, сама — то прыгала на нем черт знает сколько, то указывала, как делать и что.

И он делал — более-менее неплохо. Хотя и о работе не забывал — нет-нет да пытался уйти. Но она разошлась что-то, ей хотелось много и по-всякому — и если бы сама не отключилась, они бы до сих пор этим занимались. Но когда кончила в третий или четвертый раз и отпустила его в ванную, сообщив заодно, где лежат презервативы, умудрилась вырубиться.

Ненавидела резинки, да и ложилась с теми, кто, как Андрей или Вахтанг, явно не страдал

тягой к мужикам и не снимал проститутток, — но с таким, как этот, без нее и не стала бы, такой вполне мог платить дешевым шлюхам и трахать кого попало. Но новый презерватив все равно уже не понадобился — потому что заснула. И проснулась только оттого, что он подскочил.

Наверное, надо было попробовать снова заснуть — сегодня у нее была куча дел, а потом и важнейшая встреча, — но она чувствовала, что сна уже не будет. Что она будет ждать того момента, когда все кончится, — потому что сейчас именно это важнее всего. А потом можно будет подремать на массаже и у косметички с парикмахершей — и как следует отоспаться уже ночью. Когда все будет позади.

Парень, сидевший в коридоре у двери, посмотрел на нее так, словно она его близкая знакомая — подмигнув фамильярно. Вроде не сопляк уже, лет тридцать, наверное, а наивный — словно секс имеет какое-то значение. Да и мог бы догадаться, что все уже кончилось — хотя бы по тому, что она вышла не голой, а в халате. Теперь, когда ночь осталась в прошлом, он был чужой — а чужому пялиться на ее тело не хрена.

Он снова уставился на нее, когда она вышла из ванной спустя минут тридцать, — ловя ее взгляд, но его не поймав. И потом, когда еще через полчаса она вышла из спальни, накрашенная на ско-

рую руку — скорую, потому что трясущуюся. А к тому же все равно ей сегодня предстоял салон, где сделают все куда лучше.

Как ни странно, она чувствовала себя классно, несмотря на два часа сна, — особенно после ванной. И сейчас, сидя в гостиной и наливая себе первую чашку кофе, даже улыбнулась, радуясь этому дню. Впервые за эту чертову неделю радуясь тому, что наступило утро. А потом скривилась, когда взгляд наткнулся на пустую почти бутылку виски, — и, поднявшись рывком, поставила ее обратно в бар. Удовлетворенно отметив, что вид бутылки вызывает не отвращение, как у алкоголика, а неприятие. А мысль о пятидесяти граммах кажется бредовой.

Кофе был крепок и обжигающе горяч, и она, сделав глоток, потянулась за сигаретой — но рука нерешительно замерла в воздухе. Напомнив хозяйке — опять же впервые за эту неделю, — что вообще-то на голодный желудок она не курит и надо бы сделать себе мюсли и налить стакан сока. И это тоже было хорошо и приятно — то, что возвращались старые привычки и инстинкты, впитавшиеся в плоть и кровь, но исчезнувшие с появлением карт.

Она возвращалась к самой себе и оживала — с каждым глотком, с каждой мыслью, не связан-

ной с картами и прошлым. Вдруг оказалось, что их очень много, этих мыслей, — и они куда интереснее, чем те, которые вертелись в ее голове начиная с понедельника. Чем те, которые отступили сами собой, словно предчувствуя, что виновник ее нервозности будет задержан вот-вот.

Сейчас казалось даже, что в принципе ничего такого страшного с ней не произошло, а все совершенные ошибки можно исправить. Отменить отданный Сергею приказ утопить в дерьме чертову гадалку, позвонить Вахтангу, который может пригодиться. И даже связаться с Сашей из банка — по крайней мере сейчас ей казалось, что она способна извиниться и придумать оправдание, какие-нибудь серьезные проблемы. В общем, сделать все так, как будто ничего не было неудачного и плохого на этой неделе — совсем.

Даже тот, кого ей должны были показать вот-вот, не вызывал у нее сейчас ненависти. Нет, ему, конечно, предстояло за все ответить — и очень серьезно ответить, — но она уже не хотела присутствовать ни при его допросе, ни при обязательном избиении, ни при его смерти. Даже подумалось, что, может, и не стоит его убивать — если он лишь чей-то посланник. Разобраться с тем, кто его посылал, — это другое, а посланника можно было и пожалеть. Наказать, и сурово, чтобы помнил,

чтобы знал, что деньги даются непросто, — но не более того.

Она снова улыбнулась. Жить было чертовски приятно — жить и знать, что все идет прекрасно, и завтра будет лучше, чем сегодня, и ее дорога ведет вверх, скрываясь где-то за облаками.

— Точно? — Голос охранника был сдавленным и приглушенным, но она услышала его, потому что он был где-то рядом — видно, отошел от двери, когда его вызвали по рации, чтобы там, с площадки, его не было слышно. — А кто выходил? А входил? У машины никого? А я что — крайний? Федора возьми и сюда. Ну я старший, и чего теперь? Ладно, Мельнику наберу — пусть он...

Запикал мобильный, затихая, удаляясь от нее, словно Толя, спохватившись, отступал от гостиной, не желая, чтобы она слышала разговор. А потом шаги снова пошли к ней, замерев у ее двери. И покашливание донеслось, тихое и достаточно деликатное, — а потом и легкий стук.

— Да, — произнесла негромко, автоматическим движением вынимая-таки сигарету из пачки и прикуривая. — Да.

Дверь приоткрылась без скрипа, и он встал на пороге, посмотрев вниз, на свои ноги в пыльных черных ботинках, — а потом на нее. И глаза чуть расширились, впервые разглядев ее как следует — такую другую, совсем не такую, как ночью, не

пьяную и разнузданную, а покрашенную женщину в деловом темно-сером костюме и тонких ботинках на высоком каблуке. Строгую, уверенную в себе женщину — позвавшую его в свою квартиру не для секса, но для работы.

— И что? — поинтересовалась спокойно и холодно, сразу ставя его на место, напоминая о том, кто он и кто она. — Что вы мне хотели сообщить? Уже все — все закончилось?

— Ну я... Это... — Он сразу сдулся как-то, став меньше ростом, отводя глаза. — Никто не входил — кроме почтальонши. Вышли восемь человек — в школу, с собаками, на работу. Две бабки старые, одна с внучкой, одна сама по себе, мужик с овчаркой, тетка с сыном, женщина пожилая. И еще парень с девчонкой, в машину сели, она тут всю ночь стояла, «девятка», то есть местные они, живут тут. А не входил никто — почтальонша только. Человек там наш у «мерседеса» вашего — ничего, чисто. Один вверх-вниз по подъезду ходит — прогуливается пешочком туда-сюда. Ну вот. А я Мельникову набрал, Сергей Ивановичу, а он в машине, говорит, что сам вам позвонит потом, а пока я, и...

— И что? — Она поежилась нервно, тут же беря со столика чашку с кофе, делая вид, что просто

потянулась. — Хотите сказать, что он уже не придет?

— Ну да. — Этот пожал плечами. — Уже нет то есть. Ребята думают, что почтальонша это — чё ей, денег дали, сложно сделать, что ли? Она ж не только по ящикам внизу газеты кидает — наверное, письма заказные там есть, телеграммы всякие, переводы, это ж по квартирам разносить нужно, как я понимаю? Поговорить с ней надо — так, чтоб не просекла. Она девчонка совсем, лет восемнадцать, а то и меньше, так ребята говорят. Подрабатывает, видать, — что, если доплатят, не согласится? Да только так. Федор, наверное, на почту сейчас — у вас почта-то где? Чтоб потолковать там с ней, может, сунуть денегжат, чтобы расколоть...

— И что? — переспросила, не понимая, зачем он рассказывает ей все это. — Дальше что?

— Работать будем. — Он расправил плечи, словно демонстрируя ей свою удаль, успокаивая ее этой самой удалью, уверяя, что все просто превосходно и беспокоиться ей не о чем. — Отпечатки бы с карт снять — у нас в ментовке завязки есть, как дважды два сделаем. Чтоб потом, если что, уже не отперся никто. Есть пальчики — уже не отопрешься. А вообще камеру бы надо поставить — Сергей Иванович сказал, недорого можно, самую

простую модель, и со скидкой, как хорошему человеку. И...

— То есть на сегодня все? — уточнила, ощущая, как упало сразу настроение, как обмякли гордо развернутые плечи, как погасли загоревшиеся жадой деятельности глаза. — Я правильно поняла?

— Ну да, все! — Этот кивнул, снова изучая свои ботинки, словно ее взгляд смущал его чем-то. — Я так думаю, когда мы это — ну там... Не, все классно было — но работа ж...

— То есть? — переспросила, изображая на лице холодное непонимание — его бубнеж и так ее разочаровал, а теперь уже совсем перестал нравиться. — Что вы мне, собственно, хотите сказать?

— Ну... вы же сами... — Парень скорчил непонятную физиономию. — Я же говорил... А вот отвлекся...

— И что? — Этот охранник начал раздражать ее всерьез — тем, что напоминал о том, что было ночью, и как-то загадочно напоминал. — Что было, то было — лично я ничего не помню. И вы, надеюсь, тоже. Но вы это к чему говорите, собственно?

— Да к тому, что так не надо больше. Вы поймите, я... мне по кайфу вообще, то есть фантастика, но работа ж... — Он, кажется, даже чуть покраснел. — К вам тогда кого другого — не меня

то есть. Все было — ну улет, но жалко ж... Мы сегодня в одиннадцать тогда — Сергей Иванович сказал, что мы опять трое, знаем же уже, что к чему, и..

Это было плохо — то, что этот урод не объявился. Это было очень хреново. И она отвернулась от застывшего на пороге парня, делая глоток кофе — а потом подливая себе еще из высокого металлического кофейника, давая ему возможность бросить бабий треп и уйти.

— Я это, пойду... — выдавил он из себя, словно прочитав ее мысли. — А это с собой заберу — пальчики там, все такое. А в одиннадцать...

— Да что заберете? — Она устала от него, и когда повернулась, на лице ее читалось недовольство, которое уже не хотелось скрывать. — Вы о чем?

— Да о картах! — Он, похоже, удивился, что она его не поняла. — Карты он оставил, пока мы с вами там, в спальне, — ну я их и...

Чашка дрогнула в руке, проливая кофе, обжигая ногу сквозь костюм. Но она лишь тупо смотрела на расплывающееся на серой ткани темное пятно. И как в замедленной съемке, скрипнула зубами запоздало, через минуту, наверное, после ожога — ставя чашку на место и долго вытряхивая сигарету из пачки, роняя на стол сразу несколько

штук, прикуривая от неровно прыгающего в руках огонька.

— Вы это, облились... — Он подал голос, когда она, впав в прострацию, забыла о его существовании. — Может, тряпку там или чего? Во, соль нужна — посыпать, чтоб пятен не было...

— Пошел на х...й! — произнесла четко и резко. — Понял, нет — на х...й пошел!

— Не, ну... вы... я... — Он явно был растерян, но на лице, в которое она смотрела с ненавистью, уже проступала обида. — Так-то зачем — я ж не просил, вы сами, а тут...

— Чё — «тут»?! А?! Чё значит — «тут»?! Я откуда знаю, что карты кинули, когда ты в моей спальне был? — Ей вдруг показалось, что это не ее голос — потому что манера говорить и интонация и даже слова были Лехиными. — Все — на х...й пошел, сечешь?

— Не — так-то зачем? — Лицо парня покраснело заметно, зубы сжались, подбородок выпятился вперед. — В таком тоне не надо — сами ж... И вообще — за такие слова...

— Ты, слышь, — ты недоволен, что ли?! Чего — «за такие слова»? За язык притянешь?! — Леха пер из нее, пропитав собой ее всю в процессе воспоминаний. Да, это Леха в ней был — он тоже в основном бывал спокоен, но когда взрывался, рядом лучше было не оказываться. Как и с ней сейчас — выпле-

вывавшей слова с ненавистью и вызовом и презрением. — Еще слово скажешь, я под тебя работу закажу, усек? А ты никто и звать тебя никак — и в койке, и по жизни. Ну, чё стоишь? Мне слово стоит сказать — тебя завтра с пулей в башке найдут, усек?

Дверь в комнату прикрылась тихо буквально через секунду — а еще через секунд десять так же негромко захлопнулась входная. И она встала, чувствуя, как колотит ее всю, и вышла в коридор, распахивая тяжелый железный прямоугольник, не видя на коврике трех аккуратно прилепившихся друг к другу карт. Но не сомневаясь, что они тут были. Потому что ей хотелось бы поверить, что их и не было, это неудачная шутка, желание набить себе цену и впарить ей камеру, — но она знала, что это не так. И рванула дверь на себя, запирая на все запоры.

В гостиную она вернулась совсем другой — подавленной, остывшей, разбитой. И когда взгляд судорожно заметался по комнате, ища что-то, — она сразу поняла, что именно он ищет. Тот наполненный желтой вязкой жидкостью кусок стекла, который еще час назад вызывал неприятие — а теперь казался самым желанным, единственным вообще лекарством от всего происходящего...

13

За окном было темно — но из-под двери просачивался слабый свет, видимо, оставленный ею по ошибке, перед тем как она легла.

Странно — она всегда выключала свет, прежде чем лечь. Но сейчас, даже прилагая невероятные умственные усилия, она не могла вспомнить самого факта укладывания в постель. Слишком болела голова — и не от попытки вспомнить, голова уже болела, когда она проснулась. И во рту было сухо.

Глаза быстро привыкли к темноте, выхватив длинный предмет, находящийся на расстоянии вытянутой руки. Предмет, на ощупь оказавшийся пластиковой бутылкой — она в таких покупала воду в одном супермаркете. Конечно, стоило бы проверить — но она подумала, что вряд ли поставила рядом с собой уксус или что-нибудь в этом роде. И, протянув руку, свинтила крышку, без разду-

мий поднося бутылку ко рту, припадая к живительной пузырящейся влаге. К тому же ужасно холодной — как раз такой, какая ей была нужна.

Пить лежа было очень удобно — потому что голова лежала не на мягкой подушке, а на твердом кожаном валике. Она это отметила, только когда вода заполнила ее всю и она поставила бутылку обратно. И еще — в спальне не было ничего такого, на что можно было бы поставить бутылку, чтобы она оказалась совсем рядом и перед лицом, — значит, это был низкий столик в гостиной. А раз удобно было пить лежа, значит, она лежала все в той же гостиной на кожаном диване. И, как обнаружилось, в одежде — судя по ощущениям, в недавно купленном светло-сером костюме в белую полоску, таком же полосатом, как и большинство других ее костюмов, нравилась ей полоска. Так что, судя по ощущениям, она лежала сейчас в нем — и вдобавок ко всему в ботинках.

Открытие ей не понравилось — хотя она продолжала лежать, пытаясь найти ответы на вяло вспыхивающие в притупленном мозгу вопросы. Почему, как, каким образом — их было слишком много. Но хотя бы на один она точно могла ответить — и поднесла к глазам руку с часами. После напряженного вглядывания увидев, что золотые стрелки на черном циферблате показывают двенадцать пятнадцать — судя по темноте, явно не дня.

Черт, неужели проспала? Она дернулась резко при этой страшной мысли, тут же кривясь от боли в поднятой рывком голове. Роняя ее обратно, обмякая безвольно, дожидаясь, пока боль пройдет и погаснут в глазах красные круги, чтобы сосредоточиться. Вдруг успокаиваясь мигом, потому что вспомнила обрывки разговора с незнакомым ей человеком — как раз того самого разговора. И голос сидящего рядом Андрея.

Значит, все было — и, естественно, все закончилось удачно, иначе и не могло. Значит, это она так наотмечалась потом. Может быть, сначала с Андреем, а потом одна — хотя непонятно, почему он не заехал к ней. Точно не заехал — она бы не спала в одежде, она бы голая лежала сейчас, если бы он заезжал. Выходит, что он не смог, — и они просто отметили где-то, а потом она как-то добралась домой и продолжила одна. Правда, бутылки с виски на столике видно не было — но, в конце концов, она могла стоять и под ним, или за ним. А то и на кухне, уже пустая.

Надо ж так напиться — заснуть в костюме, тем более в совсем новом, который надела-то раза два. Ну натуральное свинство! Хотя событие того стоило — и чтобы так нализаться, и чтобы заснуть в дорогой одежде. Потому что теперь, когда все позади, когда у нее такой клиент и такие деньги, многое можно себе позволить.

Интересно, как она доехала обратно? На автопилоте, видно, — следом за прокладывавшим дорогу Андреем. Потому что свой «мерс» она вряд ли бы где-нибудь бросила. Она несколько раз за свою жизнь выпивала прилично перед тем, как возвращаться домой, не часто, раз пять, — она все-таки ненавидела ночевать в чужих квартирах и чужих постелях, так что возвращение было обязательным пунктом программы, — но машину не бросала никогда.

Как-то раз даже вызвала службу эту — «Ангел», что ли? Была у одного хорошего знакомого за городом, собиралась толпа на барбекю, попить, пожрать да в бассейне поплескаться. А когда народ стал разъезжаться, он ее уговорил не торопиться. Все подливал и подливал, тосты произносил. А она хотя всегда контролировала себя со спиртным — и уж тем более прекрасно знала этот примитивный мужской прием, заключающийся в том, чтобы накачать партнершу и потом делать с ней что захочешь, — но в тот раз купилась. И в итоге прилично опьянела.

А этот оказался импотентом. Лизал, щипал, хватал — а сделать ничего не мог. Но скрывал, тайм-ауты брал все время — давай еще выпьем, давай передохнем, все такое. А когда беспомощные приставания ей надоели — а их, похоже, всю ночь пришлось бы терпеть, — она уехала. Выехала кое-как на трассу — и поняла, что все, врежется

сейчас куда-нибудь. Ну и позвонила в эту службу — был у нее откуда-то телефон. Так приехала здоровенная машина, «мерс» на платформу загрузили — вместе с ней, она упорно отказывалась его покидать. И так всю дорогу в нем и просидела.

Комичное, наверное, было зрелище — раз даже сейчас улыбнулась, вспоминая. И вдруг напряглась — отчетливо увидев свой двухсотый с разбитой фарой и солидной вмятиной. Так горячо любимый ею «мерс», доставлявший столько удовольствия, — она обходилась с ним всегда так бережно, постоянно на станцию гоняла, на чистку салона, за мытье платила чуть не через день. А утром сама его изуродовала — может, и не сильно, ничего такого в принципе, но все равно неприятно. Не из-за денег, которые придется отдать на мелкий, в общем, ремонт — тем более машина была застрахована, — но из-за того, что сама осквернила то, что так любила, холила и лелеяла.

Это было после того, как утром позвонил Андрей. Она и забыла про него с этими картами — и, послав на три буквы хреновых охранников, сидела, тупо глядя перед собой, глотая для успокоения сильно разбавленный ледяной водой вискарь. Час, наверное, просидела — и тут позвонил он. Сказал, что к семи их ждут за городом — и надо бы им двоим встретиться пораньше и переговорить, но он не успевает, дел выше крыши. И дал ад-

рес, объяснив все детально, добавив, что в шесть сорок ждет ее на шоссе у поворота к особняку, пять минут переговора и ехать там еще минут пять, как раз успеют. И что-то почувствовал еще — спросив, все ли с ней в норме. Но тут же отстал — потому что ему и в голову не могло прийти, что с ней происходит.

И тут она задергалась. На часах было уже десять пятнадцать, а ей надо было еще в офис, с Сергеем минимум час пообсуждать все и себя привести в порядок, а на это должно было уйти часа три-четыре, если учесть, сколько времени она собой не занималась из-за этих карт. В принципе она бы все успела, но засуетилась, занервничала, и карты эти никак не выходили из головы. Карты, которых она так и не увидела — потому что этот урод забрал их с собой. И поэтому ее все не покидала мысль, что, может, их вообще не было — может, они просто решили выставить ее на деньги, вот и соврали? И невозможность узнать правду напрягала больше, чем все остальное.

В общем, она переоделась, жутко долго вылезая из залитого кофе темного костюма, путаясь в одежде, зацепив колготки браслетом, судорожно роясь в шкафу в поисках целых и выбрасывая все оттуда. А потом так же долго искала светлый костюм, хотя он висел прямо перед ней, а потом подходящую обувь, а потом никак не могла влезть

в пальто. Глупо, но она жутко нервничала, и всякие мысли стучались внутри, отвлекая и мешая сосредоточиться. И раз сто проверила содержимое сумочки, хотя, кроме денег и документов, ей с собой и не нужно было ничего.

К «мерсу» она бежала — потому что на бестолковые сборы ушло минут пятьдесят. И буквально запрыгнула внутрь, заводя его одним движением, извлекая из бардачка коробочку с крошечными таблетками, отбивающими запах спиртного, и, естественно, коробочка выскочила из рук, а таблетки рассыпались по всей машине. И она зачем-то начала их собирать, словно стала бы есть с пола, а потом, плюнув, взяла пластинку жевательной резинки — этого должно было хватить. И тронула «мерс» с места.

Оттуда было жутко неудобно выезжать — с того места, где она парковалась. Там площадка была такая в глубине двора, заставленная иномарками, и оттуда надо было проехать пять метров вперед и свернуть налево на узенькую дорожку, вдоль которой стояли прижавшиеся к стенке тачки жильцов дома, — и метров двадцать проехать по ней, а там через подворотню в переулок, и вот оно, Садовое. Она водила много лет, но поначалу этот заставленный машинами отрезок узкой дорожки давался ей с трудом — «мерс» проходил его впри-
тык, иногда стучаясь боковыми зеркалами о чу-

жие боковые зеркала, и стоило кому-то припарковаться не вплотную к стене, был риск его зацепить или вообще не протолкнуться.

На других ей было плевать — а вот свой «мерс» было жалко. Она бы лично убила того, кто помял бы ее тачку, — да даже если птичий помет на ней обнаруживала, и то воспринимала это так, словно на нее нагадили. Но потом она привыкла к этой дорожке — и протискивалась по ней легко и без раздумий, на автомате, так сказать. И потому утром даже в нетрезвом состоянии уверенно тронула «мерс» с места — мастерство ведь не пропьешь.

Она заметила карты под «дворником» как раз в тот момент, когда сворачивала с площадки на эту узкую дорожку, — и вздрогнула, и руль вильнул в руках, а нога нажала на газ. И в следующую секунду «мерс» звучно впаялся в стену дома, зазвенев разбитой фарой, заскрипев вмятым металлом. А она, психанув, все давила на газ, выкручивая руль, не соображая ничего, видя перед собой только прижатые к стеклу три карты.

Если бы эти уроды не сказали ей, что с машиной все чисто, что карты только у двери, она бы не отреагировала так. Но ведь их было трое, один в ее квартире, один у подъезда и один у «мерседеса» — и ее заверили, что у машины чисто, что только на коврике у двери они оказались. И она, подойдя к «мерсу», даже не посмотрела на двор-

ники — не сомневаясь, что там ничего нет. И вдруг они появились, словно сами по себе, — как тут не психанешь?

Надо было успокоиться и отдышаться, но она не могла сидеть просто так и сдала резко назад, едва не сбив какую-то бабку, увернувшуюся чудом, схватившуюся за сердце. Но ей в тот момент было плевать на всех — она снова бросила «мерс» вперед, стремясь уехать побыстрее отсюда, с этого места, от этого дома. И мощно впечаталась в притулившийся у стены «Москвич», продолжая тупо давить на педаль, разворачивая его поперек дороги под звон стекла и скрежет железа. И снова сдала назад.

В ней вдруг оборвалось все разом, погасло, и вынули из нее что-то, и она обмякла на сиденье, осела, сминаясь в какой-то комок, уменьшаясь в размерах. Видя только карты и перегородивший дорогу «Москвич», понимая, что со двора она уже не выедет. Что она теперь никуда не успеет и ничего не сделает, и все пропало, все кончилось — карьера, планы, работа, а значит, вся жизнь. И все это из-за каких паскудных карт — трех ничего не значащих бумажек.

Выскочи из подъезда владелец «Москвича», окажись кто-то во дворе, начнись ор и вопли — она бы ожила сразу, собралась и переругивалась, и посылала на три буквы, и снова наполнилась бы

энергией и уехала бы, всех поставив на место. Но тут почему-то было пусто. Едва не задавленная ей бабка скрылась от греха подальше, и даже дворника не было видно. И это при том, что тут всегда был народ — и должен был быть сегодня, в теплое весеннее утро. Но его не было — словно специально. Словно кто-то все предвидел и все подстроил, чтобы ей стало максимально хреново.

Мотор все еще работал, напоминая о себе приглушенным урчанием, и она, как какой-то робот, взялась за руль, тупо, но безошибочно ставя «мерс» на привычное место, не прикладывая никаких усилий, действуя автоматически. И разумеется, никого и ничего не задев — словно это не она пару минут назад не смогла вписаться в поворот. И вышла, вырубая двигатель, закрывая машину — и медленно пошла обратно, никем не остановленная и потому все больше уходящая в себя.

Она сидела и думала о чем-то и пила — очень разумно и грамотно пила, наливая в большой стакан граммов пятьдесят виски и в два раза больше воды и еще закидывая все это льдом. Она уже не психовала и не дергалась — она просто ушла в какой-то иной мир. И когда позвонил Сергей, вразумительно и четко объяснила ему, что не приедет, потому что ждет срочного звонка по поводу места и времени встречи, и пусть он перекинет ей все по

факсу, этого будет достаточно. Она разберется и перезвонит, если что.

А когда еще через какое-то время в дверь позвонил убитый горем владелец «Москвича», которому кто-то сообщил ее адрес, она устало ему сообщила, что «мерс» застрахован, так что пусть вызывает ментов и составляет протокол, а потом пусть оценивает ущерб — но если он припрется с ментами к ней, то не получит ни копейки и сам еще попадет на деньги. Она почти вежливо это сказала — может, потому, что он был робок и нерешителен. Начни он хамить, она бы ему и в рожу могла дать — но он побледнел, кажется, понимая, с кем связался. И еще спасибо сказал раз двадцать, прежде чем уйти.

Спиртное помогало. Она приходила в себя постепенно, и уверенность возвращалась — и мысль о том, что все классно и ничего такого не произошло, в общем, и машину легко отремонтировать. А потом комок нервов растаял, как кубик льда, — под воздействием очередной дозы, разумеется, — и сразу легко стало и весело. А уверенность переросла в нечто большее — в ощущение, что все супер, и только так и может быть у нее. И мысль о «мерсе» больше не тревожила — потому что на смену ей пришла другая. Что его все равно надо продавать теперь, когда у нее такой клиент, —

потому что она купит себе новый, спортивный, она себе теперь может это позволить.

Она отключилась на каком-то этапе — проснувшись часа в три. Но даже тогда не дергалась — сказав себе, что все класс, что она и так выглядит супер, безо всяких процедур, и везде успеет. И легла в ванну, поставив рядом полный стакан. И накрутилась за какие-то тридцать минут вместо обычных шестидесяти. И ей даже показалось, что так оно лучше, когда косметики немного, — и пусть вид усталый немного, так это показывает, что она много работает. И серьезный клиент скорее поверит в профессионализм немного утомленной женщины, чем если перед ним будет безукоризненно накрашенная, вся из себя ухоженная, только от парикмахерши девица, пышущая здоровьем.

Она уже не волновалась, выходя из квартиры, — она не сомневалась, что все пройдет прекрасно. И что клиент на нее еще и западет. И главная проблема не в том, чтобы выбить из него контракт на рекламную кампанию, — а в том, чтобы грамотно отвязаться от приставаний, при этом его не обидев.

«Москвич» уже убрали обратно к стене, и руки не дрожали, так что она выехала из двора спокойно и добралась без проблем, легко отыскав названное Андреем место. Правда, опоздала немного — поздновато вышла и в пробку попала, — но Анд-

рея предупредила по мобильному, условившись, что встретятся прямо там. И менты ее не трогали, несмотря на помятость «мерса», и она не заблудилась и, пококетничав с охраной, стоявшей у дома, въехала на территорию, опаздывая всего на каких-то полчаса. Готовая объяснить, что какой-то урод в нее врезался — вот и задержалась.

А потом... Это несколько сложнее было — вспомнить, что потом. И она снова приложилась к бутылке с водой, облившись, намочив костюм. Но не огорчившись — он все равно уже был помят, несколько капель воды не могли ничего испортить. Тем более что теперь она может спокойно проехаться по бутикам и закупить себе еще десяток костюмов — в награду за выигранного клиента.

Так что же было потом? Кажется, сначала они беседовали — она, Андрей и какой-то мужик, вроде бы ближайший помощник клиента по вопросам пи-ар, по рекламе в смысле. Кажется, она вела себя так, как надо — дерзко и напористо, как и положено настоящей бизнесвумен. Кажется, она пила виски — точно, когда тот спросил, она сказала, что будет виски, со льдом обязательно, желательно синий «Джонни Уокер», если есть, потому что она пьет только его. И тот даже обиделся немного — а Андрей на нее покосился, но ничего не сказал.

А потом появился клиент — по крайней мере было такое ощущение, что она видела в упор его так хорошо знакомое лицо. А потом — кажется, потом был бассейн. Кажется, он к ней приставал — ну не то чтобы очень навязчиво, но все же. А она почему-то была голой — и он тоже. Ну конечно, забыла купальник — хотя, может, и клиент настоял на нудизме. Он же с закидонами, это всем известно. И стол был — то ли до бассейна, то ли после. И разговоры о чем-то. И...

Какой-то звук донесся из коридора — типа писка мобильного, — и она дернулась. Тут же расслабляясь, обмякая, снова возвращаясь в события минувшего вечера — бродя по ним, как по лабиринту, за очередным поворотом которого возникала вырванная из контекста картинка. А вот сейчас картинки не оказалось, и за следующим углом тоже — и она пошла обратно, сбившись, наверное, с пути, потому что тут было темно и кадры не высвечивались во мраке яркими плакатами.

Чертов мобильный ее отвлек — его была вина. Кто, интересно, мог ей звонить в половине первого — может, Андрей? Неплохо было бы с ним побеседовать — чтобы узнать все подробнее, при этом делая вид, что, разумеется, все помнит. Но сначала лучше было попытаться вспомнить самой — по максимуму.

Сейчас она отчетливо видела, как дает тому первому мужику бумаги. И даже услышала себя со стороны — безапелляционное заявление, что она сделает лучшую рекламу, чем кто-либо другой. А потом его бубнеж и свою реплику — да, дорого, но ведь за качество и платят дороже, разве не так? Вы ведь костюмы не в ГУМе, наверное, покупаете — а в бутике, так? И что-то еще — додавливающее его, внушающее ему, что она безоговорочно права. И реплику Андрея, веселую такую — да Ольга не жадная, скинет сколько скажете. И свой ответ — шуточный, но твердый — про то, что бедным людям в президентах делать нечего.

Так, ну это уже что-то. Значит, она этого помощника убедила заплатить больше, чем платили Синице. Серега одурет — умолял буквально не завышать цены, а она сказала, чтоб составил еще одну смету. И вот добились-таки своего — как всегда всего добивалась. Хороший будет ему урок — пусть видит, что он со всем своим профессионализмом ничто против нее с ее умением общаться с мужиками и выбивать то, что ей надо.

Из-за двери снова донесся какой-то звук. Ей уже минут пять казалось, что она слышит нечто вроде очень тихого приглушенного голоса — голоса, который ответил на звонок по мобильному. Понятно, что чушь — поэтому она и абстрагировалась. Но звук, который донесся сейчас, — он был бо-

лее громкий и отчетливый, типа зевка или покашливания.

Здесь не должно было никого быть. Охрану она послала подальше — а Андрей, судя по тому, что она лежала одетой, с ней не поехал. Значит, ей это слышалось. Или...

За дверью кашлянули еще раз — так, что сразу стало ясно, что ей не примерещилось. И она передернулась, ощущая, как выступает на теле холодный липкий пот. Как улетучиваются миготом приподнятость и вызванная воспоминаниями улыбка.

Она вдруг отчетливо поняла, кто это — тот, кто стоит за этой историей с картами. Не важно, он ли подкидывал их или платил кому-то, чтобы подкидывали, — важно, что это исходило от него. И теперь он был здесь. Наверное, видел, как она приехала, видел, что она пьяная, догадался, что она не закроет дверь или закроет на один замок, — и...

Это было ужасно — такой резкий скачок между настроениями и внутренними состояниями. Она нечто похоже испытывала под кокаином — жуткий подъем, когда нюхнешь, а через полчаса, когда действие кончается, приходят вялость, тоска и порой депрессия. Но тут было хуже — тут на смену подъему явился жуткий необъяснимый страх. Заставляющий вжаться в диван и молить непонятно кого о том, чтобы этот тип не догадался загля-

нуть сюда. Просто не заметил дверь в гостиную — и порыскал везде и ушел.

Дура — надо было давно обзавестись пистолетом. Предлагали ведь — как раз та охранная фирма и предлагала. Мельников сначала пытался свою охрану навязать на постоянку — мол, работа у вас нервная, опасная, наверное, конкуренты и клиенты разные, разве можно в офисе без охраны? Но она отказалась, заявив, что ей вполне хватает одного охранника, — намекнув на крышу, которая с кем угодно решит вопросы. И он понял — сказав, что, если она хочет, он может помочь оформить разрешение на оружие, все нужные связи есть. И Андрей предлагал как-то — когда она начала жаловаться на Синицына, говорить, что он тварь, что вечно под ногами путается и надо бы его заказать кому-то, пока он ее не заказал.

Она тогда обиделась на него — потому что он прекрасно понимал, о чем речь. Она ему намекала на то, чтобы он Синицу убрал — чтоб не мешался, — а он сделал вид, что не понял. Леха бы понял сразу и принял бы меры тут же — а Андрей не захотел. А обращаться к кому-то другому стремно было и рискованно — опасно верить чужим. Да и если Андрей узнал бы, могли бы возникнуть проблемы — он другим был, не таким, как Леха, и как-то сказал ей, что к крайним мерам прибегать не любит. Только если очень сильный мотив. Как будто этот слабый — тот, что у нее был.

Но сейчас все это просто так вспомнилось — сейчас было важнее, что оружия у нее нет, а кто-то чужой находится за дверью ее гостиной. И снова говорит по мобильному, писк которого она слышала четко — в отличие от слов.

Надо было что-то делать — но она не знала что. Может, потому, что как-то непонятно все было — и почему он до сих пор не зашел сюда, и почему разговаривает с кем-то, вместо того чтобы действовать. А может, все дело было в чрезмерном количестве употребленного ею спиртного, может, именно от него ее, такую смелую всегда, активную, готовую лучше драться до конца, чем сдаться, парализовало словно. И когда дверь чуть скрипнула, открываясь, она все еще лежала на диване, не в силах пошевелиться. И зажмурила глаза, когда вспыхнул яркий свет.

— Э, жива? — Не слишком вежливый голос показался ей знакомым. — Просыпайся давай!

Свет яркой люстры слепил, и она прикрыла лицо рукой, пытаясь всмотреться в стоявшего в двери — пока его не видя, и почему-то чем дольше не видя, тем сильнее не желая видеть вообще.

— Вы... — начала хрипло, ощущая, как единственное произнесенное слово оцарапало вновь пересохшее горло, пытаясь звучать как можно увереннее. — Что вам тут надо? Вы... ты откуда здесь?

— Ну ни хера себе! — Голос присвистнул, изображая изумление. — Я ее, понимаешь, домой привожу, в квартиру втаскиваю, как бревно какое, укладываю тут, воду еще рядом ставлю — а теперь, значит, что мне тут надо? Ну ты даешь, подруга, — ханки жрать поменьше нужно, так мозги на хер растворятся.

Он был ей знаком, голос, — но стопроцентной уверенности не было. Она, кажется, слышала его уже — но, может, раз или два, не больше. И не сегодня, и не вчера — когда-то давно. Значит, эта хренова гадалка была права — в том, что в ее проблемах виноват человек из прошлого. Потому что этот был именно оттуда. Хотя откуда еще ему было быть?

— Ты вставай — сейчас говорить с тобой будут, сечешь? — Голос, может, и не был груб, но в нем было неуважение, он показывал, что она никто для него. — Давай — десять минут у тебя, на подъезде люди...

Голова была жутко тяжелой, и она с трудом оторвала ее от дивана и села, сгибая ноги, глядя перед собой сквозь неплотно сомкнутые ресницы, видя неотчетливый силуэт. Постепенно начиная разбирать кое-что — темный однобортный пиджак, темную рубашку, крепко сбитую фигуру без лица. Лицо находилось слишком высоко, чтобы его увидеть, надо было поднять голову — а это в данный момент было невозможно.

— Какие люди? — выдавила с усилием. — О чем говорить, что за люди?

— А ты не в курсах? — издевательски поинтересовался голос. — Ну нет так нет. Ты не гони — скоро узнаешь!

Она молчала, судорожно пытаюсь вспомнить, что было после поездки за город. Почему-то было твердое ощущение, что она заезжала в какой-то кабак. А вот потом... Может, этот подкараулил ее у ресторана, там познакомился с ней и подсыпал что-то, и она отключилась? Вряд ли — откуда ему было знать, куда она поедет? А вот то, что он ждал ее у дома и ударил по голове, когда она вышла из машины или уже в подъезде, — это было похоже на правду. Ударил, притащил сюда и сейчас делает вид, что все в порядке, чтобы она не заорала. И вот-вот приедет человек, по чьей воле у ее двери появляются карты.

— Да не ломай башку-то — треснет еще! — Голос продолжал издеваться. — Щас узнаешь. Подожди немного — все узнаешь.

Она предпочла не заметить проскочившей в голосе угрозы, пытаюсь собраться с мыслями. Но не очень-то получалось. В голове стоял туман, который надо было разогнать, и она сделала попытку привстать, тут же падая обратно на диван, потому что тело оказалось еще тяжелее, чем голова.

— Чё те надо-то? — В голосе не было заботы — но зато было желание мирно дожидаться того, что ехал сюда. — Вода перед тобой вон. Или чего еще?

Ей не хотелось просить его об этом — но почему бы и нет, с другой стороны?

— Там... Там бар в стенке — там бутылка виски стоит, и...

— А — дозу принять хочешь, здоровье поправить? — Голос говорил так, будто принадлежал праведнику, имеющему дело с конченной алкоголичкой, — но она предпочла этого не заметить. — Не, подруга, — забудь. Велено никакой ханки тебе не давать — чтоб нормальная была, чтобы говорить с тобой можно было. Серьезный базар тебя ждет — с ханкой погодить придется. Потом — дело твое. Хотя тебе и без ханки здоровье поправят — вмиг протрезвеешь...

Что ж, по крайней мере он сказал «потом». Значит, после разговора с этим неизвестно кем у нее будет какое-то «потом» — если этот не врет, конечно. И это уже было хорошо — даже очень. И пусть она не знала, кто он и как взялся здесь, и что с ней происходило, и кто именно должен к ней приехать посреди ночи — судя по невежливому поведению этого типа, кто-то не очень приятный, — она предпочла зацепиться за произнесенное им «потом».

Потому что так было легче. Не так, как стало бы от порции виски, — но все же...

— Ой, я сейчас! — Она подскочила легко, весело подмигивая тому, кто приехал наконец, разрывая неприятную тишину. — Давай по сто граммов — за удачу...

— Сядь! — Тон был твердый, приказной — он таким никогда не разговаривал с ней раньше. — Сядь, говорю, — не надо мне твоих граммов. И тебе тоже не надо. Сядь!

Это было непонятно. Она так обрадовалась, когда услышала его голос, когда поняла, что это именно он, — просто жутко обрадовалась. Потому что ждала увидеть кого угодно, только не его. И напряглась, когда позвонили в дверь и тот, кто торчал с ней в гостиной, пошел отпирать по-хозяйски. Сжалась внутренне, пытаясь всем видом показать, что на самом деле ничего не боится. И

закурила, не глядя в сторону коридора, совсем не торопясь узнать, кто там. И вдруг вошел Андрей — вошел и сел молча в кресло напротив нее, не снимая плаща.

Она выругала себя за то, что не догадалась раньше, — не зло выругала, ей было слишком весело. Она ведь знала этого типа, который тут с ней торчал, — видела его пару раз и по телефону слышала раз десять, когда звонила Андрею, а его не оказывалось рядом. Николаем этого кретина звали — Андреев водитель, а может, и охранник по совместительству, помимо людей в джипе, всегда ездившем за Андреем, а порой и в двух джипах. А она, идиотка, его не узнала — из-за того, что свет мешал открыть пошире глаза. Ну и немного из-за страха. И уже думала про себя черт знает что — а тут...

А вот сейчас она с улыбкой смотрела на Андрея. Думая, не рассказать ли ему со смехом, как она напугалась, — но решив, что ни к чему. Что никому, даже ему, не надо знать, что она может чего-то бояться. Тем более что он был совсем не весел — а взгляд был тяжелый и неприязненный. И потому и предложила выпить — чтобы разрядить отчего-то напряженную атмосферу. И тут такой категоричный отказ.

— Ну раз ты не хочешь, я сама! — Она продолжала улыбаться, хотя могла бы и возмутиться.

«Тебе не надо»! Это вообще-то было ее личное дело — пить или нет. И никто ей указывать не мог. Андрей в том числе. Тем более что у нее был повод — и еще какой. — За такое дело не грех вообще-то...

— Сядь, я сказал! — Он произнес это так резко и зло, что она наконец оторвала руку от лба, которой прикрывалась от света люстры, — и посмотрела внимательно ему в лицо, стараясь не щуриться, пытаясь понять, в чем причина такого его поведения. — Ты за какое дело пить собираешься?! За то, что меня перед солидными людьми хер знает кем выставила?!

Она наморщила лоб, пытаясь понять, о чем он, глядя на него недоуменно.

— Что ты смотришь так — я не прав, что ли?! — Он явно был зол — она не видела его таким еще. Он не орал, не визжал, не угрожал — но по каменному лицу, ледяному тону и презрительному взгляду, каким богатый человек смотрит на приставшего к нему вонючего, грязного бомжа, можно было догадаться, что он злится. — Я людям расписываю, какая ты вся из себя, убеждаю с тобой работать — мне надо это было, а? У меня с ними свои дела, серьезные дела, потому что люди серьезные, — а ты что делаешь? Заваливаешься под кайфом, как на тусовку какую, херню несешь спьяну, понтуешься. Ты чё — чё с тобой вообще?!

— Да подожди, Андрей... — Она поняла наконец, на что он злится, — оставалось только спокойно объяснить ему, почему она вела себя именно так. Ну, может, она напрягла этого помощника — так он помощник, в конце концов, а не главный. И что она должна была — в рот ему смотреть и заискивать? Тем более что Андрей с «самим» знаком и ее собирался знакомить — так что помощника умасливать-то? И зачем так злиться теперь, когда главная цель достигнута? — Я же сказала, кажется, — какой-то урод мой «мерс» помял. Пока милицию ждала, психовала — а они все не едут. А там бар рядом, кабак в смысле, зашла воды купить. А этот, который меня помял, все вокруг бегаёт — да простите, да извините. Видит, что я психую, испугался, ну и успокоить меня решил. Давайте по двадцать граммов, у самого руки трясутся, расслабиться бы. Ну и... Ты же знаешь, как я «мерс» свой люблю, — а тут...

— Да не свисти — ты сто раз уже рассказывала и все время по-разному! — Он отмахнулся пренебрежительно, так поражая ее своим поведением, словами и манерами, которых никогда себе с ней не позволял, что она никак не могла определиться, как себя вести. — От тебя перегар, словно ты неделю не просыхаешь. Я ж тебе вчера ночью звонил, ты уже под кайфом была. Да хер с ним вчера — у тебя утром язык заплетался. Я не поверил даже — ду-

мал, слышалось, в натуре такого не ждал. Утром-то на хера пить — знала ведь, какое дело впереди?!

— Да подожди ты, Андрюш... — Она все еще пыталась сгладить ситуацию, ей не хотелось конфликта, а терпеть эти его замечания было все тяжелее. — Я же — я же этим людям твоим объяснила все...

— Чё ты объяснила?! — Ей показалось, что он чуть не взорвался, чудом сдержавшись, — потому что кулаки стиснулись, словно он хотел ударить ее, и зубы скрипнули. — Ты, бля, как хабалка натуральная там выглядела — понты дешевые, на деньги выставить пытаешься, строишь из себя хер знает кого. Я тебе ж дал понять — все, тихо сиди, не хами. Нет, бля, — развезло, несет хер знает что...

Может быть, она что-то и не запомнила — но вот то, что он при ней никогда не выражался, это она помнила точно. Он всегда был корректен и выдержан — и уж с ней особенно. Она еще только когда в первый раз с ним общалась, подумала, что он из интеллигентной семьи — не то что Леха. Может, потому и поднялся так высоко, что даже Маленький, никого ни во что не ставивший, о нем отзывался с большим уважением. А сейчас он матерился и был намеренно груб и откровенно хамил — и ему плевать было на ее реакцию.

— А чё в бассейне творила, помнишь, нет? — Он бросал в нее слова, как камни, — и они больно били по голове, пробивая ее, застревая в черепе. — Солидные люди позвали тебя отдохнуть — а ты как блядь вокзальная! Ну не взяла купальник — а я предупреждал, бля буду, предупреждал, — ну так на хер из раздевалки голой выходить с таким видом, будто все сейчас в обморок попадать должны? А на хер самого за член хватать было, а? Тебе чего, так трахаться охота, что уже не разбираешь, к кому лезешь? Ну так сказала бы — я б Колька попросил тебя нагнуть перед встречей. Да прям в леске — тебе ж по херу. Одного мало бы было — еще бы пацанов задействовали.

Он оскорблял ее — то есть делал то, чего она не позволяла никому. Она с Лехой шла на конфликт, если он позволял себе неуважение, — но сейчас старалась не обращать на это внимания. Ей все еще казалось, что это дурной сон, приснившийся спяну, или что он разыгрывает ее так — в несвойственной ему манере, но разыгрывает. Чтобы через мгновение рассмеяться и сказать ей, что она чуть перегнула палку, поэтому он и озлобился, но ее тактика оказалась верной, так что ладно, тем более что закончилось все классно.

Точно — она помнила бассейн. До этого были нечеткие такие воспоминания — а сейчас словно кто-то навел резкость. Она в раздевалке уже спо-

хватила, что забыла купальник, и думала в белье выйти — белье дорогое, красивое, — но потом родилась идея получше. И она вышла голая, громко заявив со смехом, что это у нее новая модель купальника, совсем прозрачная — сейчас как раз такие входят в моду, ей накануне прямо из Парижа доставили, от Диора, вечерней лошадью. И «сам» пялился на нее обалдело, и точно оценил, и наверняка сказал себе, что, естественно, надо иметь дело только с ней.

А что хватала — так он сам рядом оказался в воде и так смотрел, что сразу понятно было. Как там все точно произошло, она не помнила, но Андрей явно преувеличивал — она себя так никогда не вела, значит, или случайно коснулась, или вообще не коснулась, просто рука была рядом, либо ему показалось.

— Ты что, ревнуешь? — произнесла кокетливо и с легким вызовом. Он ошеломил ее своим отношением, тоном и обвинениями — и потому она не оборонялась даже, просто пыталась его успокоить. Но тут он всерьез ее оскорбил, поставил под сомнение ее привлекательность, воздействие ее внешности, ее тела на мужчин — ее главное, хорошо испытанное в боях разного уровня, всегда приносящее победу оружие, — и пропустить такое мимо ушей она не могла. — Я и не знала, что ты такой ревнивый...

— Кого ревновать — тебя, что ли? — Взгляд был даже более оскорбителен, чем слова. — Ты на себя посмотри — опухшая, глаза красные, краска размазана. Ревновать! Тебе зеркало купить, что ли, — денег на него не хватает? А если есть, так пойди и посмотри — вот с такой рожей, как сейчас, ты и там была. Я тебя когда увидел — думал, крыша у меня поехала. А она, оказывается, у тебя поехала — да слетела уже напрочь. Ты б хоть умылась перед моим приездом — ты ж, бля, как нищенка...

Он ревновал, в этом не было сомнений. Ревновал — потому и оскорблял ее сейчас. Странно — и глупо. Она знала, что ему нравится, всегда знала, и что заниматься с ней сексом ему тоже нравится. Но не он ли ей сказал как-то, что, несмотря на их отношения, семья для него важнее, и хотя он женат слишком много лет, чтобы хранить жене верность, есть дети, два сына, и семья должна существовать ради них?

Она, конечно, вовсе не предлагала ему на себе жениться — хотя не отказалась бы, если бы он захотел. Он был лучше, чем все, кого она когда-либо встречала в своей жизни, — эффектнее внешне, умнее, сексуальнее и вообще, — так что она, наверное, поступилась бы своими принципами. Но он не предлагал, а она не собиралась навязываться. Ее вполне устраивали их отноше-

ния — с нечастыми, но всегда приятными встречами. Почти неизменно деловыми — но с такой же неизменностью имевшими не деловое совсем продолжение и окончание.

— Ну раз я тебе не нравлюсь — тогда подожди... — Она снова приподнялась, притворно вздыхая. — Я быстро — пять минут...

— Сиди! — Команда уронила ее на диван, как удар. — Сиди и слушай. По херу мне, на кого ты похожа! Твоя проблема. Теперь — лично твоя. Я, бля, думал, ты человек нормальный, с тобой дела иметь можно — а ты ж рехнутая. Ну в натуре рехнутая! У тебя такой вариант, какого никогда не будет, а ты как на рынке, когда весы пальцем придерживают, а всем видно. Ну ты чё — хабалка с рынка, а? Припираешься на тачке битой и под кайфом, виски жрешь как воду, понтуешься как дешевка, хамишь, всех за лохов держишь, блядь из себя изображаешь. И главное, на ногах же не стоишь — а и уезжать не хочешь. Пришлось Кольку шепнуть, чтоб втихую в тачку тебя загрузил, да домой отвез, да посмотрел, чтоб не сдохла до моего приезда. Не увезли б тебя — ты б натворила дел...

Он покачал головой, переводя дыхание, кажется, пытаясь успокоиться. А потом встал, снимая плащ, выходя на кухню, позвякивая там чем-то, хлопая дверью холодильника — возвращаясь со ста-

каном, полным откуда-то взявшейся минералки. Остужаясь, похоже, под воздействием проглатываемых им холодных пузырьков.

— Ну я попал, бля, — как пацан в натуре! — Он усмехнулся не слишком весело. — Как клоун, бля! «Да ты пойми, девчонка от счастья ошалела, самого вживую увидела, вот крыша и поехала. Нервничала девчонка, махнула для храбрости, да не рассчитала. Да ты такой известный человек, что кто хочешь рехнется, рядом оказавшись». Прикинь — час, наверное, херню эту плел, после того как тебя увезли. Повезло тебе, что мы с ним друзьями расстались, — он же такой, ему по кайфу, когда его поднимают, тем более знает, кто я, так прям цвел, когда я уезжал. А если бы ты мне с ним контакт испортила — я б тебе предъявил. Ну в натуре предъявил бы...

Он замолчал, снова вставая — пробуждая в ней надежду, что он выйдет сейчас и оставит ее одну хоть ненадолго. Ей надо было собраться с мыслями — он так неожиданно на нее обрушился, столько всего вывалил, что она все еще ничего не могла понять. Или не хотела — предпочитая говорить себе, что это он от обиды?

Запищал мобильный — его мобильный, потому что он вынул его из кармана и вышел, на нее покосившись. Наконец дав ей возможность прийти в себя. Но почему-то в голову лезло совсем дру-

гое — какие-то связанные с ним воспоминания. Одна из недавних проведенных вместе ночей — полная секса, бессонная почти совсем, начавшаяся вечером и закончившаяся часа в три утра, — и его восхищенный взгляд, которым он скользил по ее лицу и телу, и жадные руки, и неутихающее желание, и...

Мысли прыгали взад-вперед — сейчас скакнув далеко назад, в прошлый декабрь. В уютный ресторан, в котором они сидели вдвоем тридцать первого декабря, отмечая наступающий Новый год. Он собирался встречать праздник дома, с женой и детьми, а ее ждали в одном клубе — но пока был еще ранний вечер, часов пять, и они сидели в ресторане, и она пила шампанское. А он говорил ей с улыбкой, что в первый раз видит женщину, которая в делах настоящий питбуль, а в личной жизни — совсем другая. И что-то еще очень приятное.

А она молчала. Ей было хорошо, просто супер, и она думала о том, что он классный мужик — мужчина, точнее, он был единственным, кого она называла про себя не мужиком, а мужчиной, — и ей повезло, что Леха познакомил ее с ним. И что ей немного жаль, что у них именно такие отношения, — потому что он красив, умен, силен, у него есть авторитет, власть и деньги, и ей бы хотелось от него чего-то большего. Возможно, брака —

в котором она, может быть, даже согласилась бы родить ребенка, если ему это надо. Но огорчаться не стоит, так как все еще может измениться — надо только поставить перед собой цель все изменить, и она ее достигнет. Она ведь всегда всего добивается.

Он говорил, а она пила шампанское — медленно, крошечными глоточками тянула черт знает сколько времени один-единственный бокал. Потому что ей было хорошо и без спиртного. И когда они ушли, бутылка жутко дорогого брЮта была пуста лишь на две трети — хотя просидели там часа два с лишним.

Там было тихо так и почти пусто — наплыв ожидался попозже, к десяти. И она подумала, что он специально выбрал это место — он знал, что тут не будет народу, и хотел посидеть с ней в тишине. А за окном шел снег, красиво так, по-новогоднему. И было сильное ощущение праздника — непередаваемо приятное.

Она никогда не была сентиментальна, но когда он достал из кармана красную коробочку, поставив перед собой на стол, а потом пододвинув к ней, столько разных эмоций нахлынуло, что это было даже странно. Какие-то не ее, какие-то книжные эмоции — или даже чувства. Но она их задавила в момент, она была взрослой деловой женщиной, жесткой и знающей, чего хочет от жизни, — и улыбнулась ему игриво, притягивая коробочку к себе и

открывая. Рассматривая внимательно — но без наивного восхищения, без сопливого восторга — платиновый браслет, усыпанный бриллиантиками.

Ей даже захотелось сказать что-нибудь прочувствованное. Не сказать даже — прошептать. Наверное, предпраздничная атмосфера так на нее влияла — а может, умиротворение, а может, снег за окном. Но это была бы не она — она должна была отреагировать совсем по-другому.

— Может, ты мне поможешь его надеть? — поинтересовалась кокетливо. — Кстати, у меня тоже есть подарок — только я забыла его дома. Может быть, заедем — для того, чтобы его вручить, мне вполне хватит часа. Если постараться. Ты как? А там заодно и наденешь мне браслет — и снимешь все остальное...

Вот это было в ее духе. И хотя предназначенный для него новогодний презент лежал у нее в сумочке — зажигалка от Картье за штуку баксов, самый дорогой подарок, который она когда-либо делала мужчине, — она не стала вручать его там, в ресторане, потому что это было бы слишком идиллически. И не стала вручать, когда приехали к ней, — потому что начала раздеваться и раздевать его, зная, что у него не так много времени. И когда он отвел ее руки, расстегивавшие на нем рубашку, — мягко, но властно, — у нее внизу сразу стало мокро. Потому что впереди был так

нравившийся ей секс с ним — с таким непохожим на всех прошлых ее мужчин.

Он был не грубый, но именно властный. Он позволял ей делать то, что она хочет, прекрасно зная, что она хочет сделать так, чтобы хорошо было им обоим. Он не противился, когда она проявляла инициативу, позволяя ей садиться сверху, или вставать на колени, или ложиться на спину, или делать ему минет. Он не строил из себя эдакого властелина и повелителя. Но мог в какой-то момент поставить ее так, как удобно ему, мог одним прикосновением или мягким шлепком заставить ее перевернуться, нагнуться, опуститься или подняться.

И она подчинялась его внутренней, а не физической силе с удовольствием, даже с радостью — и ей было легко, классно и по-настоящему приятно. Потому что секс с ним был более прочувствованный, более глубокий, чем с кем-либо, — и оргазмы были сильнее. И впервые ей самой хотелось доставить мужчине удовольствие — не просто предоставляя ему в пользование свое тело, но стараясь сделать все, чего он мог бы пожелать. Зная, что он заботится не только о себе, но и о ней.

Он задержался у нее в тот предновогодний день — ранний вечер точнее. И она вручила ему свой подарок не через час, а через два — когда он уже уходил от нее, а она стояла голая в коридоре, чувствуя легкое головокружение и сладкую усталость

от неспешного, но страстного секса. Вот тогда она и отдала ему свою коробочку — красную, с золотыми вензелями Картье, — говоря себе, что, по сути, главным подарком ему была ее постель. А это просто так, материальный символ...

Скрипнула мягкая кожа кресла, и она подняла глаза, видя, как он подносит к зажатой в зубах сигарете ту самую зажигалку, которую она вспоминала только что. И усмехнулась совпадению — мягко так, как чему-то очень приятному. И он увидел эту усмешку — и взгляд поймал, направленный на утыканный бриллиантами кусочек позолоченного серебра в его руке, — и тон сразу стал мягче.

— Ты мне скажи — что с тобой творится, а? — Кажется, он спрашивал это вполне искренне, его и вправду это интересовало. — Я, конечно, на взводе приехал, но если спокойно — в чем твоя проблема? На тебя всегда посмотреть приятно было, и в делах, и вообще — всегда конкретная, с людьми общаться умеешь, выглядишь на все сто и даже больше. Да я тебя пьяной-то не видел никогда, даже на тусовках, — и с мужиками всегда грамотно себя вела. Ты понимаешь хоть, что ты сделала? Нет, ты ответь — понимаешь?

— Но ведь все нормально кончилось, верно? — Она выдавила из себя улыбку. — Ну хорошо, я не права — долго рассказывать, были проблемы.

Серьезные — потом расскажу. Но ведь кончилось все нормально, это же главное. А победителей не судят. Римская пословица, между прочим, — с университета помню, а говоришь, крыша у меня слетела...

— Что — нормально?! — Он смотрел на нее как на полоумную, снова начиная заводится. — Нормально, что я за тебя столько говорил, а когда до дела дошло, ты все запорола? Или ты что думаешь — что если я ситуацию развел, если «сам» поверил в то, что ты так с ним познакомиться хотела, что у тебя при виде него крышу снесло...

В его голосе было настолько сильное недоумение, словно он все спрашивал себя, как она может не понимать, — и не находил ответа.

— Ты чё думаешь — если я все там исправил и загладил, так они с тобой дело иметь будут? Ну ты даешь в натуре! Мне лично по херу, что все нормально кончилось, — я не для тебя разводящим там работал, для себя, сечешь? Да я тебя к «самому» теперь близко не подпущу — усекла?

Он точно ревновал — настолько, что готов был все испортить. Он знал, как важна для нее эта сделка. Знал, сколько денег и политического капитала она может принести им обоим. И это было глупо — портить все из-за того, что она пококетиничала с клиентом. Да просто идиотизм!

— А если я пообещаю, что у меня с ним ничего не будет, — тогда ты успокоишься? — полюбопытствовала игриво. — Ты ведь в курсе — я за слова отвечаю. Ничего не будет — пусть не мечтает. Ты же знаешь, как я к тебе...

— Не, ты точно е...нулась! — Он покачал головой как врач, ставящий окончательный диагноз, безрадостный для больного, безжалостный, но верный. — Может, тебе в клинику лечь, где от пьянства лечат? Или в психушку сразу?

Она сжала зубы, задетая сильно — перебарывая себя усилием воли, говоря себе, что нельзя, чтобы разговор продолжался на такой ноте, это плохо кончится для них обоих.

— Андрей, ну хватит! Я просто рассказывать не хотела — но придется, видно... — Он выставил вперед ладони, словно говоря, что ему неинтересно, но она продолжила торопливо, почти скороговоркой: — Ты не думай, что я дура... Какая-то тварь мне пять дней подряд подкидывает карты под дверь — валет, дама и король пик. Каждое утро, у двери и под дворником «мерса». Ну я и психанула — я ведь тут всего два месяца живу, а получается, кто-то знает мой адрес. И карты эти — ну не просто так они, понимаешь? Я уже думала-гадала — ну не знаю кто. А такое ощущение, что за картами вот-вот киллер появится — дергают меня специально, чтоб психовать начала, чтоб потом легко

подловить было. Я даже охрану нанимала — серьезно, два дня тут торчали, уроды, так и не поймали никого. А тебе говорить не хотела — ведь вроде мелочь. А от мелочи и нервотрепка, и сна нет — ну вот выпивала понемногу вместо снотворного. А сегодня утром встаю — опять они. Вроде и охрана в подъезде, один внизу, один у машины, а один в моей квартире сидел всю ночь, в коридоре, — а карты опять тут. Ну и...

Она не смотрела на него — рассказ почему-то давался ей тяжело. Странно — но ей самой он казался неубедительным. Ей самой сейчас сложно было поверить, что она — она! — так расклеилась из-за каких-то карт. И потому она на него не смотрела — глядя мимо, говоря длинно и путано, часто останавливаясь и переводя дыхание.

— Знаешь, как это называется? — В голосе была откровенная издевка. — Белая горячка. Сказал же — лечиться тебе надо!

Она вздрогнула, услышав это. Заметив, что он уже встал из кресла и взгляд его сочетает в себе ненависть и сожаление, насмешку и остывшее уже тепло, желание поверить и злобу.

— Короче — про сделку забудь. И телефон мой заодно. И сходи свечку поставь за то, что все кончилось нормально. Только не нажрись — не пустят в церковь.

Он был уже у двери, когда она выскочила в коридор, — и уже отпер ее, когда она подскочила к нему, хватая за рукав, разворачивая к себе. Ему нельзя было дать уйти вот так — его надо было удержать любой ценой, все объяснить, успокоить. И она знала, как это сделать, — и знала, что это лучший способ.

— Я тебя прошу — подожди! — Она потянула его к себе, делая шаг навстречу, оказываясь в каких-то сантиметрах от него. Улыбаясь с пьяным и оттого преувеличенным кокетством. Не замечая, как он морщится от выдыхаемого ею густого перегара, с какой брезгливостью скользит глазами по ее лицу. — Подожди. Останься на ночь, ну хотя бы на час, ладно? Мы сейчас сходим в ванную вместе, а потом в спальню, и я тебе все объясню, и ты все поймешь, и..

В кино в таких случаях проводят нежно пальцами по лицу — но это был не ее жест. И ее рука скользнула ниже, к его брюкам. Где, она не сомневалась, все напряжено уже было, все только и ждало прикосновения. Разве могло быть иначе? Но он вдруг шагнул назад, отводя ее руку.

— Разве ты не хочешь? — Она старалась говорить максимально кокетливо, и хотя голос звучал хрипло и каркающе как-то, может, оттого, что снова все пересохло во рту, это ведь было совсем не страшно. — Я могла бы тебя расслабить — тебе бы понравилось...

Он усмехнулся — как-то одновременно устало и цинично.

— Ольга — ты же знаешь, я с блядами дел не имею. А если бы и захотел, поехал бы на Тверскую — мне с любой девкой понравилось бы больше, чем с тобой. Такой.

Она вздрогнула, как от пощечины, чувствуя, как в глазах вспыхнула злоба. Яростная, жгущая, давно копившаяся внутри и рвавшаяся наружу, уставшая слушать оскорбления, не желающая, чтобы ее сдерживали и дальше. Но когда она подняла глаза, то увидела только его спину. А потом между ею и ним вырос кусок металла захлопнутой сильно двери — принявший на себя выплескивавшийся из глаз огонь.

— Ну ты об этом пожалеешь, сволочь! — произнесла отчетливо и, наверное, громко, но не заботясь о том, слышит он ее или нет. — И мне до одного места, кто ты, — и покруче тебя люди есть. Так что попал ты, братан, — крепко попал...

Она какое-то время стояла так у двери, глядя на нее, словно пытаясь увидеть что-то сквозь толстый металл. А потом решительно ее заперла и вернулась в гостиную, падая в кресло, в котором недавно сидел он, прикуривая от забытой им зажигалки. Той самой, подаренной ему ею меньше полугода назад. Забытой случайно — или намеренно?

Она вдруг отчетливо поняла, что ей надо выпить — обязательно. Потому что если она будет сидеть вот так, почти протрезвевшая, мысли о случившемся раздавят ее, сломают, сотрут в порошок, оставив пустую оболочку, которая никогда уже не поднимется на ноги. И все кончится тем, что она все равно напьется, — так почему бы не сделать это прямо сейчас? Почему бы прямо в данную минуту не начать топить эти дерьмовые мысли? И найти выход из ситуации, и спланировать и обдумать следующий шаг? Чтобы не просто исправить положение и вернуться на стартовую, так сказать, позицию, на ту, что была до появления этих чертовых карт, — а шагнуть еще дальше?

Она метнулась к бару, доставая бутылку виски, рванула на кухню, возвращаясь с вазочкой для льда, полной прозрачных кубиков. И наполнила не спеша, философски так, стакан. Наблюдая, как пробивают вязкую жидкость кусочки сконцентрированного холода, как выныривают на поверхность, потрескивая протестующе, растворяясь медленно, но верно.

Она ухмыльнулась, вспомнив, что сказала напоследок Андрею. Слова, возможно, не услышанные им, были Лехиными, а сейчас она пила любимый Лехин напиток. И вообще он пер из нее, Леха, изо всех щелей — словно оставил в ней вирус, который превращал людей в таких же, как

он сам. И он копился в ней долго, этот вирус, разрастался и набирался сил, производя внутри необходимые и необратимые изменения, — и вот прорвался наконец. Прорвался, как только появились эти чертовы карты — словно они послужили для него сигналом к действию.

Стакан с виски стоял перед ней, но она не торопилась подносить его ко рту — рассматривая мутнеющую от тающего льда жидкость. Думая, что из всех ее знакомых мужиков ей больше всего подходил Леха. Потому что он был такой же, как она. Провинциал, пытающийся любой ценой пробиться наверх, не боящийся никого и ничего. Знающий, что лучше сдохнуть, чем остаться внизу, — потому что это одно и то же. Просто Леха был мужик — а она женщина, и только в этом была разница между ними. Довольно незначительная.

Точно — они все были чужие, инородные. И Аркадий, и Валя, и Арман, и другие. И Андрей даже, который пусть и покруче, и поавторитетнее Лехи, но все-таки слишком интеллигентный и оттого более паскудный. Леха бы ее за то, что она сделала, избил, это факт, — но сделка была бы у нее в кармане. Избил бы и простил — так покрестьянски, — а не копил бы, как Андрей, интеллигентскую злобу, которую в силу своей воспитанности он не мог выплеснуть на нее не словами. И уж никогда Леха не оставил бы подаренную ей зажи-

галку — никогда не сделал бы такой детский и оттого комичный жест. Ну как ребенок — я с тобой не дружу, забирай свои игрушки.

Леха бы сейчас трахал ее, избитую, во все места, не обращая внимания на ее крики, даже распахиваясь от них все сильнее. Да она сама бы разделась и вынула из его брюк ремень — и подставлялась бы, чтобы бил побольнее. И орала бы специально погромче, когда он бы всовывал свой здоровенный член туда, куда не надо его всовывать. И заслужила бы прощение. Потому что Леха ее понимал — потому что они были очень похожи, хотя она раньше не хотела это признавать, хотела казаться себе другой. Зато теперь признала — и лучше поздно, чем никогда.

— Ну, за тебя! — Она подмигнула невидимому Лехе, делая первый глоток. Говоря ему, что она, достойная его ученица, разберется со всеми, — сейчас спокойно сядет и все обдумает и отомстит. Так, что он бы ее похвалил — если бы только мог узнать. И возможно, он на самом деле узнает — она придумает, как это сделать.

Только сначала разберется со всеми — а потом обязательно придумает...

15

— А чё Леха? Леха нормалек! — На круглом Вовкином лице, совсем не изменившемся за те несколько месяцев, что она его не видела, таком же противном и сальном, ставшем еще противнее из-за рыжеватой щетины и еще круглее из-за наголо почти бритой головы, нарисовалась кривоватая, в Лехином стиле, ухмылка. — Ездил к нему пару месяцев назад — подогрел там кого надо, чтоб порядок был у Лехи. Он за тебя опять спрашивал — а я говорю, вроде все под Шляпой Олька ходит, не звонит, не в курсах я.

— А он?

— А чё он — он ничё! — Вовка скорчил рожу, словно говоря, что не стоит думать, что Маленький без нее страдает. — Я ему телку с собой привез — тут бумаги оформили, будто жена, я там

кого надо подогрел, чтоб свиданку на три дня с ней дали. Телка молодая, свежая еще, семнадцать ей — а в койке улет. С Украины в Москву путанить приехала — старательная, кого хочешь обслужит, лишь бы бабок дали, хоть десяток мужиков зараз. А на три дня ее с Лехой заперли в комнате — так ее оттуда чуть не вынесли. В натуре труп. Зеленая вся, ноги не ходят, башка плывет. Думал уж бросить ее там, да обещал пацану близкому — телками он занимается, мне ее и дал как раз. Ну и тащил чуть не на себе. Пока из дыры этой до самолета добрались — чуть не сутки, — она в лежку лежала. Вот оторвался Леха — красавец в натуре...

Она рассмеялась, игнорируя удивленный Вовкин взгляд. Черт его знает, что он там думал себе, — может, что она оскорбится, — но в любом случае ошибся. Потому что она была рада за Леху и ей приятно было услышать эту историю. Потому что она вчера еще поняла, что Леха для нее идеален не как любовник — все же они слишком похожи, — но как брат. А почему бы, собственно, не порадоваться за брата?

— А так чё еще? — Вовка задумался, но в его глазах уже не было прохладной настороженности — она снова стала своей после этого смеха. Ну не совсем своей — но в прошлом своей. — Под Новокузнецком зона, дыра в натуре. Леха там за вора — ну,

вор обычно зоной рулит, а там вора не было, когда Леха появился. Так он там за главного и стал. Две ходки уже было, статья соответствующая — круче не было там никого. Да и слышали о нем небось — а кто не слышал, тому Леха, я так думаю, сам все растолковал.

Он рассказывал так увлеченно, с такой любовью, с таким восторгом, словно о самом себе говорил. Видно, Леха так и остался для него кумиром. Даже сейчас, находясь черт знает где и планируя вернуться очень не скоро. В нем все-таки было обаяние, в Лехе, — отрицательное, но обаяние. И магнетизм был — харизма, как сейчас модно говорить. Ведь даже она, невнушаемая, не поддающаяся ничьему влиянию в силу гордости своей и независимости, это признавала сейчас — что уж говорить о других?

— Короче, нормалек Леха! — повторил Вовка, блестя глазами. — Рожа страшная без глаза — но довольная, аж жуть. Ты ж в курсах про глаз — что ему выбили? Нет? В тюрьме еще, тут, в Москве. За пацана одного отплатить хотели, Леха его пару лет назад вальнул, никто и не знал. А тут в статье этой мерзотной — ну помнишь? — и написали открытым текстом. И на следствии всплыло — хоть и не доказал следак. А в тюрьму передали с воли, что бабок дают за Леху, — вот пара пидоров и рискнула. Ночью с заточкой подошли, думали, тихо все будет. А

Леха во сне как почуял — глаз зацепили, правда, вытек глаз, но зато Леха уродов замочил. И ничего — вся камера за него, ничё, мол, не слышали и не видели, хер знает, чё с ними приключилось. Мол, друг дружку поубивали, верняк, — не раз, мол, их разнимали. А Леха не переживает — я, говорит, и одним глазом что надо вижу. А вернусь, говорит, искусственный вставлять не буду — буду с повязкой ходить, так прикольное...

Она улыбнулась — это было вполне в его духе. Леха всегда был таким — никогда не показывал, что ему хреново, никогда не давал повода его жалеть. Да убил бы за жалость. А думать сейчас о том, что глаз он потерял, по сути, из-за нее, — это было лишнее. Она просто рассчиталась с ним за то, что он делал ей. И пусть она и не раскаивалась ни тогда, ни теперь — ведь что было, то было, — но сейчас думала о нем с теплом. Как об очень близком человеке. О самом близком даже.

— Вариант есть, что года через четыре выйдет Леха — адвокату мы башляем солидно, он бабки и отрабатывает, бумаги повсюду шлет, а мы со свидетелями общаемся, — Вовка произнес это так, что сразу понятно стало, в чем заключается общение. — Там вроде мужик один видел, что не Леха мента завалил, а кореш его — Леха в него стрелял, ну отстреливался, оборона ж, ну и попал, а тот, падая, случайно на курок и нажал и в своего

засадил. Прикинь — с десяти до шести скостить, не хило? Повезет — еще скостим, бабок не жалко. Мы ж тут, команда вся наша, всюю пашем — и на адвоката хватает, и на Леху, и на себя тоже. Да — может, давай еще этих возьмем, как их там? И вискаря еще?

Она кивнула, и Вовка встал, выходя из кабинета. Такой же невысокий, как Леха, такой же коротко стриженный — только толще. И рожа противная. У Маленького лицо вроде абсолютно простое было, ничего в нем — но благодаря наглости, дерзости, самоуверенности, благодаря тому, что он личность, Маленький, оно очень ярким казалось. А этот тусклый.

Здесь было уютно, в этом ресторанчике. Она сюда время от времени заезжала — и не только потому, что он был недалеко от ее дома. Просто ей нравилось тут — и итальянская кухня, и не слишком уместный по идее, непонятно какое отношение имеющий к Италии, но одобренный лично ею японский суши-бар. А суши она любила, эти колобочки риса с сырой рыбой и морепродуктами сверху, — необычно, вкусно, да и полезно еще.

Но главное — тут были кабинеты, в которых можно переговорить с глазу на глаз. В одном из которых они сидели сейчас. Правда, ресторан открывался только в два — но зато суши-бар уже работал. А двадцать долларов за то, чтобы ей предоставили отдель-

ный кабинет, были небольшой платой. Потому что тема, которую она хотела с ним обсудить, требовала уединения. Уж слишком стремная.

Они тут уже минут сорок сидели — но пока говорили только о Лехе. Вовка, правда, периодически косился на нее так хитро, давая понять, что догадывается, что она его не для этого сюда выдернула. Не из-за Лехи после долгого молчания позвонила в девять утра сегодня и заявила, что надо срочно встретиться. Что ж, он был прав. От Маленького она сама открестилась в свое время, а его, Вовку, вообще знала весьма поверхностно.

Но тем не менее он приехал — через три часа после ее звонка приехал, отложив дела, которые наверняка были. А значит, ему интересно было узнать, в чем же заключается ее срочное дело. Или — или встретился с ней из-за Лехи, который, оказывается, до сих пор интересуется, как она. И именно потому так охотно и говорил о нем — словно хотел верить, что поводом для встречи все же стало ее праздное, ни с того ни с сего проявленное любопытство. А ему такой повод явно казался весьма достаточным для срочной встречи.

Что ж, ей приятно было узнать, что у Лехи все в порядке. Но в любом случае пора было переходить к тому, зачем она приехала сюда. Тем более что уже выяснила все, что надо было, прежде чем

приступить к этому разговору, — что это не от Маленького исходит, эта история с картами, и что он зла на нее не держит. Она, конечно, могла бы это и не выяснять — потому что уже не сомневалась в этом. Потому что ночью, сидя наедине с бутылкой виски, она вдруг поняла все.

Леха тут был ни при чем — и Арман, и Аркадий тем более. Это Синица все устроил. Узнал, что главный его клиент вот-вот перейдет к ней, — и организовал эту хреноту с картами. Убрать ее боялся — в курсе же, кто за ней стоит, — а вот это сделать мог. Надеюсь, что она начнет психовать и допустит ошибку. И оказался прав.

Что ж, он переиграл ее — это следовало признать. Он верно все рассчитал — и выиграл. Но только на первом этапе, потому что она вовремя остановилась. На самом краю уже. И собралась с силами, и теперь знала, что ей делать. Заказать Синицу — вот что. Заказать самой — но тому, кому можно верить, кто не растреплет.

И коль скоро она с таким теплом вспоминала вчера Леху, его самый близкий, Вовка, как раз подпадал под эту категорию. Потому что он просто обязан быть беспредельщиком, коль скоро работал с Лехой, был его правой рукой и за него сейчас рулил бригадой. И потому что Вовка не станет задавать лишних вопросов и сомневаться, зная, кто она. И потому что она как бы невзна-

чай закинет ему еще кое-что. Кое-что, что очень многое ему объяснит.

Так что все оказалось довольно просто — надо было только до этого додуматься. Она даже пришла к выводу, что, не допусти она ошибку с клиентом, Синица бы прислал к ней киллера. Так что она ее спасла, эта ошибка. От смерти спасла. И похоронила Синицу.

Все было просто. Не станет Синицы — и некому будет ей мешать, и никто не будет ей угрожать больше. Не станет Синицы, и хренов банкир Саша сам ей позвонит и согласится на пять процентов. Потому что с незнакомым человеком, даже с синицынскими замами, дел он иметь не будет, слишком щекотливый вопрос. Не станет Синицы — и значит, тот клиент, у которого она была вчера за городом, сам ее найдет, без Андрея, тем более что на оставленных ею бумагах были ее координаты. А даже если через Андрея, тот ничего против нее не скажет — потому что одно дело навязывать, а другое дело, когда тот сам спросит про нее. Конечно, он мог спросить и так — она не сомневалась, что произвела на него впечатление, что бы там ни говорил Андрей, — но когда не станет Синицы, ее кандидатура точно будет первой. Тем более он сам с закидонами, клиент, — так что она не могла его оттолкнуть, ну никак. Только привлечь могла.

Странно, что она не догадалась раньше, от кого это исходит. Но стоило дойти до края, зависнуть на обрыве, в котором ее ждало полное крушение всего, — как она все поняла. И возможно, ей помог в этом Леха — потому что она уже говорила, как он, а тут еще и начала думать, как он, руководствуясь не эмоциями уже, но инстинктом. Самым примитивным, первобытным инстинктом. Который помог ей вычислить Синицу.

Не сразу, конечно, — сначала она подумала на Сергея, на зама своего. На слишком чистенького и аккуратненького, слишком вежливого и предупредительного Сергея — так похожего на педика. У него был резон ее ненавидеть — она заняла место, на которое он рассчитывал, не сомневаясь, что он куда профессиональнее, чем она. Он мог думать, что она мешает его карьере, а не станет ее — и он окажется на самом верху.

Такое могло быть — хотя он должен был понимать, что хорош именно в роли творца, но не руководителя, и ему просто необходим такой шеф, как она. Но с другой стороны, выводя ее из себя и срывая выгоднейшие заказы, он только проигрывал — потому что деньги и престиж теряла не только она, но и все агентство, а значит, и он.

И вот тогда, часа в два ночи, кажется, она все поняла. И никаких сомнений в том, что права, у нее не возникло. И продолжала сидеть и пить —

не спеша, понемножку. Не стремясь напиться, не торопясь никуда, думая, как быть, ища наиболее умные и безопасные ходы. И где-то в пять легла, а в восемь уже проснулась — хренота всякая снилась, вот и не спалось.

Тем не менее она была спокойная, уверенная и деловитая. И, даже не прислушиваясь к звукам из-за двери, пошла приводить себя в порядок. Ровно в девять позвонила Вовке, а через час вышла — сидеть дома не хотелось, проще было пораньше приехать на место встречи и посидеть там в баре, выпить немного, еще раз взвесив все.

То, что у двери не было карт, только подтвердило ее правоту, и она усмехнулась, увидев, что коврик чист. Тому, кто организовал подкладывание карт, уже не было нужды это продолжать — он верил, что победил и получил то, что ему надо. Что ж, теперь ему предстояло узнать, что он ошибается. И очень сильно.

— Чё, халдея не было еще? — Вовкин голос вырвал из мыслей. — Ну в натуре — сказал, чтоб еще этого принес, как там называется, и про вискарь сказал, а сам в сортир пошел. Думал, уже тут все. Ну...

Робкий стук в дверь заставил его замолчать — и уставиться во все глаза на появившуюся с подносом девицу. Мужика-официанта он бы обматерил сейчас за то, что копается так долго, и еще и при-

грозил бы в рожу дать — а на девицу смотрел так, словно не трахался год. А может, специально для нее под Маленького косил — который тоже был жуткий бабник. Пока ее не встретил.

— Ну чё, за Леху давай! — Вовка проводил взглядом официантку, приподнимая свой стакан с крошечной порцией — он, как только приехал, сразу сказал, что спиртное не будет, рано еще для этого, ну граммов сто можно, не больше, — стукаясь об ее стакан, заполненный наполовину, закиданный доверху льдом. — Да, и это — ты только про Леху узнать хотела или еще чего?

— Прежде всего — про Леху узнать. — Она сделала глоток, аккуратно ставя стакан на стол, подцепляя палочками белый колобок, завернутый в черную морскую водоросль и увенчанный мясистой полоской сырого лосося. — Между нами, конечно, — но я в последнее время его начала вспоминать очень часто, Леху. Он мне тут даже сниться начал чуть не каждую ночь. Я, конечно, дура была, что не пошла на суд и не писала, когда ты говорил, что письмо передать можно, — ревновала, понимаешь? Ты же в курсе — я их сама познакомила, девка-то у меня работала. Но я ж не знала... В общем, признаю — дурой была. А тут... Знаешь, я бы написать ему хотела, а может, и съездить, если ты поедешь, — но сначала написать и ответ получить, понимаешь? Столько времени прошло, и злилась ведь на него, а уже ни злости, ничего — другое совсем...

— Да кончай ты — Леха ж тоже зла не держит! — Вовка расцвел — видно, и в самом деле близко принимал к сердцу все Лехины проблемы. — Он про тебя столько спрашивал — да каждый раз. И в тюрьме когда, и там. Я ему тут говорю как-то, в позапрошлый приезд, — ты напиши, а я позвоню, передам. Но Леха ж гордый, ты ж знаешь. Ты чё, говорит, Вован, — я и писать-то не умею, подписываюсь-то крестиком...

Она улыбнулась, кивая. Ей почему-то казалось сейчас, что и на самом деле ближе Лехи у нее никогда не было никого — и она и вправду все это время скучала по нему. Просто не хотела признавать, предпочитала вспоминать плохое, чтобы выкинуть его из памяти, — а теперь все осознала. И наверное, и правда можно было к нему съездить — но сначала... Сначала бизнес — потому что он всегда должен быть прежде всего остального.

— А насчет дела — было и дело к тебе. Заодно, — как бы вспомнила случайно наконец. — Не знаю, конечно, как ты — я ведь действительно из-за Лехи встретила. Думаю, раз снится, узнать надо про него срочно, вдруг плохо что? А это так, если интересно. Да ладно, что о деле-то — успеем. Ты лучше...

— Да говори, говори. — На Вовкином лице появился вялый интерес, о делах ему явно было говорить скучнее, чем о Лехе, да и ничего такого

он не ждал услышать, банальность какую-нибудь. — Что за проблема-то?

— Как тебе сказать... — Она сделала еще глоток, достала сигарету, закуривая, концентрируясь. — Если честно — не что, а кто.

— Да какой вопрос, решим твою проблему! — Вовка развел руками. — По старой памяти и решим. С кем поговорить-то надо, кто такой?

— Да нет, Вов, ты не понял. — Она делала такое впервые и удивилась, что даже тон у нее не меняется и внутри все так же, как и было. — Тут не говорить надо — а... Ну, понял?

Вовка нервно оглянулся на дверь, а потом снова посмотрел на нее уже по-другому, словно не ждал, что она способна кого-то заказать, словно это его поразило — или испугало.

— Не здесь — на улице перетрем или в тачке моей, — выдавил наконец Вовка, ухмыляясь вдруг — может, радуясь тому, что у нее хватило ума не продолжать разговор прямо тут, — подмигивая ей. — Так с кем поругалась-то, говоришь? Не из наших, не от братвы?

Она качнула головой, протягивая ему конверт — который год назад давала Андрею, когда пыталась убедить его убрать Синицу. Там все было — домашний и рабочий адреса, все телефоны, номер машины. И фото даже — на котором в оригинале была и она среди прочих, но потом сама себя отрезала аккуратно с большей частью лишних людей.

Вовка поцокал языком, рассматривая содержимое, убирая все обратно в конверт. Задумчиво вертя его в руках — заставляя ее задержать дыхание, делая при этом вид, что она думает о своем. А он все вертел его и вертел — и вдруг сунул в карман пиджака решительно, вызвав такой прилив симпатии, которого она давно не испытывала ни к кому.

— Ладно, потом потолкуем! — Вовка неумело ухватил палочками кругляш суши, приподнял неловко, роняя обратно и тут же спокойно, без комплексов, беря его рукой. — Ниче штука — по кайфу. Да, а Шляпа-то что — ты ж с ним вроде...

Вовка, несмотря на свою простоту, оказался хитрый — это следовало признать. Потому что вопрос задал как бы просто так, из не слишком сильного интереса, машинально — но на самом деле явно ждал ответа.

— Считается, что с ним, — ответила уклончиво. — Только...

Она знала, что, наверное, скажет это Вовке, — еще ночью знала, когда придумала несколько иную версию связанных с Маленьким событий. Все зависело только от того, как поведет себя с ней Вовка. Точнее, от того, как относится к ней Леха — что должно было сразу стать понятно. Что ж, похоже, теперь можно было это сказать — прощать такую обиду она не собиралась.

— Понимаешь... Между нами только. — Она наклонилась поближе к Вовке, изображая решимость покаяться и испуг одновременно. — Помнишь ту статью в газете, после которой началось все у Лехи? Это же он организовал, Андрей. Через меня, дуру, и организовал...

На Вовкином лице, почти безэмоциональном до этого, появилось недоверие — низкий лоб сморщился в гармошку какую-то, и глаза маленькие сузились, почти исчезнув, и голова вжалась в плечи, придавив короткую шею. И сам он сгорбился весь, превратившись в противный жирный шар.

— Подставил меня как лохиню — я ведь и не знала, что там. — Она не на Вовку смотрела, а сквозь него, как бы вспоминая. — Он позвонил, сказал, что надо в ту редакцию материал отдать, в отдел, который о криминале пишет, о разборках всяких. Подъехал от него человек, дал дискету компьютерную и деньги — еще сказал, что факты проверены, не беспокойтесь, мол, а читать вам все равно неинтересно, тема специфическая. А я никогда и не читала — мне знаешь сколько таких статей приносили? И пристроила через знакомых. А когда все это вышло, не догадалась даже, в газетах же большинство статей проплачено, кто угодно мог эту отдать. А недавно совсем вспоминала — ну и доперла. Я бы раньше тебе сказала — да стыдно было, получилось же,

что и я, дура, задействована. Но, Вов, это между нами, ладно?... Не то грохнут ведь...

Вовка присвистнул протяжно, качая головой как китайский болванчик, тупо глядя перед собой. Но в бессмысленных сейчас глазах, на заднем плане где-то отражалась работы мысли — он копался там у себя внутри, искал нити, вычислял мотив, пытался понять, правда это или нет. Он был похож на зависший компьютер — на вид отупевший и ничего не соображающий, гудящий бессильно, но на самом деле неустанно проделывающий в электронном своем мозгу миллионы хитроумнейших операций.

— Дела... Во Лехе любопытно будет, — выговорил наконец, выходя из ступора. Кажется, закончив расчеты и поняв, что она права. И тут же меняя тему: — Так что, пойдём, может, — потолкуем на улице или в тачке моей насчет твоего дела?

Все было классно. Он клюнул, он поверил в придуманную ей историю — и теперь с Андреем, несмотря на его авторитет, должны были рано или поздно свести счеты. Беспредельщики же — неужели за Леху не оплатят? Она знала, что придуманная ею история звучит реально, — всем известно, как братва любит друг друга убирать чужими руками, ментовскими в том числе. А в том, что у Андрея и Лехи, несмотря на разницу в уровне, могли быть какие-то конфликты, она не сомневалась — слишком тесен криминальный мир, несмотр-

ря на его величину, все со всеми пересекаются, у всех ко всем могут быть претензии.

— Пацан, за которого Леху в тюрьме завалить хотели, уральский... — Вовка словно прочитал ее мысли. — Команда его со Шляпиными людьми плотно работала — он для Шляпы кое-какие дела делал. Вот так вот. За такое валят, конечно, а не мусорам сплавляют — но... Раз уверенности не было стопроцентной, что Леха это, — газетам какой дурак поверит на все сто? — могли и сплавить. Шляпа ж у нас дон Корлеоне, за справедливость он — могли и так разобраться. А статейка вышла, толку вроде нет, вот уральские сами и решили втихаря от Шляпы — с засадой этой. А чё — только так...

Вовка посмотрел на нее — и она кивнула, тут же пожимая плечами. Показывая ему, что, на ее взгляд, он мыслит абсолютно верно, хотя она и не спец в этих делах. Но ему, кажется, ее кивка вполне хватило для того, чтобы сказать себе, что он, конечно же, прав. И тут же переключиться на другое:

— Так чего, идем? Погуляем, воздухом подышим — или в тачке посидим?

— Можно ко мне — я рядом тут живу, — произнесла нерешительно. Вовка ей никогда не нравился, но игра была слишком серьезной, чтобы отпускать его сразу после разговора, — надо было убедить его всеми способами, и надо было самой

убедиться в том, что все идет так, как надо ей, слишком велики были ставки в игре. — Виски с меня, посидим, про Леху поговорим. Хочешь — суши тут наберем с собой. Я же тебя выдернула — значит, стол с меня. Или... или у тебя планы?

— Да были планы — а теперь все уже. — Вовка посмотрел на нее задумчиво, кажется, пытаясь вычислить, что стоит за этим приглашением в гости и получит ли он то, чего хотел когда-то, посматривая с завистью на Леху, гордо выставлявшего напоказ ее, свою спутницу. — Можно и расслабиться — давненько не отдыхал. У меня, кстати, кокса есть немного — ты как насчет нюхнуть?

— С удовольствием! — Она улыбнулась широко и легко впервые за время встречи. — Как говорил один мой знакомый штатовский рекламщик — я открыт для любых предложений. Ну вот и я открыта...

— Это дело. — Вовка оценивающе мазнул по ней глазами, поднимаясь решительно. — Ты открыта — и я открыт. Ну так пойдем откроем?

Это было не смешно — совсем. Но она рассмеялась. Ради того, чтобы все решить, она на многое была готова. И рассмеяться несмешной шутке было далеко не самым сложным делом...

— Эй, молодая, красивая, подожди — поговорить с тобой можно?

— Отвали! — бросила резко, поворачиваясь к молодой цыганке. — Слышь, отвали — достала уже!

— Ты чего злая такая? Молодая, красивая, а такая злая! — не успокаивалась та, глядя нагло в глаза. — Вся беда твоя через красоту твою, знаешь? Ты меня слушай, я правду тебе говорю — из-за красоты все, из-за нее ты злая...

— Да отвали ты, мать твою! — прошипела, стискивая зубы, глядя в невозмутимо-спокойные темные глаза, неморгающе-наглые несмотря на деланную тупость и безразличие. — Тебе чего, денег надо? Нет у меня денег!

— Зачем деньги — деньги у меня у самой есть! — Цыганка пожала плечами, как бы удивляясь тако-

му предположению. — Все у меня есть, понимаешь? А...

— Ну так отье...ись! — кинула финально, отворачиваясь. Зная, что эта тварь все равно стоит у нее за спиной. И, чтобы отвязаться от нее, пошла через дорогу, неширокую, пустую сейчас, в воскресное утро. И встала на той стороне, у выхода из метро, закуривая.

Вот ведь достала, тварь! Уже минут десять за ней ходила эта цыганка — как прицепилась сразу, так и не отставала. А ей совершенно не нужно это было — просто совсем. Потому что она приехала сюда, на рынок перед Киевским вокзалом, с вполне конкретной целью — и цыганка мешала ей этой самой цели достичь.

Наверное, надо было с самого начала дать ей десять баксов — была же в сумочке долларовая мелочь, — и все было бы о'кей. Но так как была на взводе, разумно мыслить не получалось.

Все сегодня складывалось не так. Как только проснулась — и начала вспоминать, с трудом восстанавливая в памяти события вчерашнего дня. Где-то около двух они с Вовкой приехали к ней, а в пять примерно он ушел — хотя она намекала, что он может получить все. Из-за Лехи и Вовкиного трепетного отношения к нему она не могла сама проявить инициативу — она могла только намекнуть.

А Вовка хотел, она видела — и взгляды его, и двусмысленности, и дотрагивания, все об этом говорило. Но не решился — все из-за того же Лехи. И еще из-за того, что, несмотря на внешнюю раскованность, он напряжен был внутренне, он все еще думал, и считал, и вычислял, умножал и складывал. И потому ушел — хотя она даже прикинулась абсолютно пьяной и ничего не соображающей. Целый спектакль разыграла, дура, — а он хоть бы что.

Она никогда особым артистизмом не отличалась — но тут как натуральная актриса себя вела. Они махнули с Вовкой вискаря, пока за Леху говорили, — она видела при этом, что Вовка сам пьет мало, а ей подливает. А потом он достал кокс — и они нюхнули. И она и вправду улетела — не нюхала черт знает сколько, года полтора, наверное, с тех пор как приняли Леху. Но когда начала возвращаться обратно, решила изобразить, что все еще под кайфом, — и заплетающимся голосом заявила, что ей надо отдохнуть. И она разденется сейчас и поспит немного.

И начала раздеваться прямо при нем, все сняла, пошатываясь и хихикая, говоря ему с идиотским смехом, чтобы он не подсматривал, — а потом ушла в спальню и раскинулась на широченной постели, думая, что он ввалится туда за ней. А он все не шел. И тогда выругалась про себя, и накинула халат, и вернулась в гостиную, делая вид,

что протрезвела, улыбаясь смущенно. Заметив что-то вроде того, что от кокса у нее съехала крыша.

В общем, Вовка ничего не предпринимал — и это при том, что ни один мужик не остался бы спокойным, раздаться она при нем или просто намеки, что у них может быть все. Она даже подумала, что, может, он импотент — педик вряд ли, Леха бы пидора не потерпел рядом, — но потом сказала себе, что он не решается. И дала ему еще один шанс, начав усиленно наливать им обоим вискарь, настаивая, чтобы он пил вместе с ней, снова начав играть пьяную, садясь так, чтобы халат распахивался на груди и внизу. И — ничего.

И ведь темы такие были скользкие — она ему рассказывала, какой Леха был классный мужик, ну не во всех деталях, но достаточно откровенно. О том, как после него никто из тех, кто был, даже рядом с ним не стоял. Может, даже и переиграла — может, Вовка подумал, что она по Лехе сохнет и, значит, в падлу к ней лезть. Хотя сам рассказывал, какое впечатление она на него произвела в первый раз, и потом тоже, и что Леха о ней говорил своей братве, и все в таком духе.

И они даже нюхнули еще, была у Вовки заначка, — и она уже безо всякой игры начала плести, что у нее давным-давно не было настоящего мужика, после Лехи все не то. И надо бы съездить к нему, если он ответит на письмо, и, может, Вов-

ка оформит заново документы, чтоб получилось, что она как бы Лехина жена и им дали свиданку на три дня. А Вовка посмеивался, соглашался, паялся — но так и не отважился. Точно переиграла. Но зато он убедился в ее преданности и верности Лехе — что было еще лучше.

А потом он ушел — в начале шестого где-то. Трезвый, собранный, серьезный, задумчивый весь такой. И самое хреновое, что она не знала, о чем он думал. Тогда решила, что о ней — злобится на себя за неиспользованную возможность, которой не будет больше. А утром, на больную, но трезвую голову, ей уже так не казалось. Может, потому, что в депрессии была — неудивительно после смеси виски и кокаина. И вот ей показалось в этой депрессии, что думал он о роли Андрея в Лехиной судьбе — то ли был поражен, то ли не верил ей или считал, что она может ошибаться, то ли гадал, как быть теперь, все-таки в большом авторитете Андрей.

Она, конечно, только догадывалась о степени его авторитетности. Леха ей сказал в свое время, что Андрей с одним очень уважаемым человеком работал, чуть ли не правой рукой был у него, некоронованного короля Москвы, и такие дела творил, что ой-ой-ой. А когда того человека застрелили, отошел в сторону, уведя часть команды и оставив за собой большую часть бизнеса.

То есть как бы бизнесменом стал — а криминалом за него теперь занимались другие. А он конт-

ролировал банки, казино да фирмы, в которых доля у него была, — и людям помогал бизнес двигать и вопросы решать, за долю опять же. И хотя никто его бандитом назвать уже не мог — но авторитет среди братвы у него высочайший, репутация солидная, а команда такая, что тянуть на Андрея никто не решается. Это Лехины были слова — и зная Леху, можно было сказать, что Андрей и вправду очень большой человек, иначе Леха бы так о нем не отзывался.

Так что не исключено, что Вовка все это время, сидя у нее, думал, как теперь быть. Она не сомневалась, что не отомстить за Маленького он не мог, — вот и гадал, видно, как сделать это так, чтобы самому не засветиться. А может, и дергался — злясь на нее, что поставила его в такую ситуацию. Все-таки он совсем не Леха был, кишка тонковата. И именно из-за мыслей своих он и кайф толком не словил от спиртного и кокаина, и от нее ушел.

Она, выпроводив его, посидела еще немного — а потом заснула прям в кресле в гостиной. А ночью перебралась в спальню — по крайней мере проснулась именно там. Только в восемь утра проснулась — проспав часов тринадцать, ну минимум полсуток. Организм, видно, решил компенсировать хронический недосып этой недели.

Правда, лучше ей от этого не стало. Ну, может, голова болела не так сильно — зато депрес-

сия убивала. И мысль о том, что сегодня воскресенье — а значит, впереди пустой длинный день, который надо бы чем-то занять. С понедельником все было ясно — выйти на работу, сказать Сергею, что тот самый важный клиент пока думает, что отчасти было правдой, заняться делами и собой заодно. И работать и ждать, когда Вовка решит вопрос с Синицей.

Она ему все про Синицу рассказала, добавив, что до нее слухи дошли, что он ее заказать хочет — и повод есть, основной его клиент к ней ушел, сам, она не переманивала. И Вовка ответил, что раз так, то торопиться надо и в течение недели он все решит. Раз у нее официально конфликтов с ним не было, тянуть нечего, все равно никто на нее не подумает. Так что неделя максимум — и все о'кей.

Неделю ожидания она собиралась посвятить работе. Рано утром приезжать и поздно вечером уезжать — и еще делать звонки из дома тем, кто пытался связаться с ней всю эту неделю, но так ее и не нашел. На автоответчике две кассеты записалось часовых — она просто вставляла новую, когда мигающая лампочка показывала, что старая кончилась, а прослушивание откладывала на потом. Так что у нее накопилась куча дел — достаточно для того, чтобы всю следующую неделю выматываться до предела, ни о чем постороннем не думать и времени для депрессий не иметь. А

когда Синицы не станет, она выждет дней пять — семь — и позвонит Саше из банка. А потом будет ждать звонка от того, у кого они были с Андреем. И еще ждать, когда прочитает в газетах о смерти господина Шляпникова.

Это звучало неплохо — ради таких ожиданий стоило жить. Но вот сегодня надо было что-то придумать — чтобы убить день. И при этом не напиваться — на это уже не было сил, да и к тому же ей к завтрашнему утру надо было быть в форме, утреннее похмелье и перегар, слабость и головная боль были ей не нужны. Проспать все воскресенье она не могла, к сожалению, — хотя хороший был бы выход. И ехать ей было некуда — да и незачем, она предпочла бы провести день дома.

И тут-то она вспомнила про кокс. Это было бы идеально — снять депрессию на время, поймать кайф без похмелья и питья, выпасть из действительности, которая впервые за последние пару лет вдруг показалась паскудной. И даже не надо было думать, где его взять, — она вчера просто так спросила Вовку, словно чувствовала, что захочет этого сегодня, и он ей долго рассказывал про всякие места, где его можно приобрести. И к кому надо подойти, и что сказать, и все такое.

Странно — но она запомнила почти все. Даже то, что затариться в этих местах можно было только вечером, — вопрос, где можно взять кокаин утром,

у нее не возник, а Вовке и в голову не пришло, что ей такое может быть интересно. Хотя... Хотя он говорил про рынок на Киевском вокзале — оптовый рынок, на котором есть один парень, у него всегда можно взять хороший товар. И описание этого парня она запомнила, и имя, и то, что ему надо сказать, что она от Вовки Печатникова, и кликуху Вовкину назвать, если будет нужда, — и он продаст качественный кокс по нормальной цене.

Настроение сразу получше стало. И она начала собираться, внимательно рассматривая себя в зеркале, вспоминая оскорбительные слова Андрея. Он точно ревновал, потому что она выглядела классно — ну почти классно. Да, немного опухшая и помятая, да, выглядящая сейчас постарше своих двадцати девяти, — ну так сколько нервов отдала за неделю, сколько пила и недосыпала? А сомнений в том, что один основательный поход в салон все вернет сразу, — их просто не было.

Так что это он из ревности говорил, гад. Как собака на сене — ни себе, ни людям. Они все же с ним нечасто встречались, особенно в последнее время, — вначале часто, пару раз в неделю, а с этого года пореже уже. Лично она могла бы и чаще — это он был вечно занят, а выходные старался проводить с детьми. Вот и получалось, что большего он не хотел — но вдруг заревновал, когда увидел, что у нее может что-то быть с кем-то еще.

Ну ничего — ему предстояло ответить за то, что он ей сказал. И за то, что хотел из ревности сорвать такую важную сделку. Он еще этого не знал — но часы для него уже затикали, отсчитывая оставшиеся ему в этой жизни дни.

Кажется, в десять она вышла, веселая и полная сил и энергии — и, естественно, не увидев на коврике никаких карт. Их и не должно было там быть — Синица свое дело уже сделал и ликует сейчас, не зная, что жить ему осталось совсем немного. Что ж, пусть поликует — тем обиднее будет подыхать.

В общем, все было классно. И было бы классно до конца этого дня. И завтра — и всю неделю. Если бы не тормознувший ее в десяти метрах от дома мусор. Она только выехала на Кольцо из переулка, проехала совсем чуть-чуть, и тут он ее и тормознул. Молодой совсем, сопляк, под носом еле пробивающиеся усы, больше напоминающие несмытую засохшую грязь. Она его хорошо разглядела — еще перед тем как он палкой махнул повелительно. Она же в крайнем ряду шла, даже скорость не набрала еще, потому что светофор был впереди.

С ментами у нее никогда не было проблем — ни разу в жизни. Тормозили часто — но она всегда отговаривалась. Она умела себя вести с мужиками — а это тоже были мужики, хотя и занимались паскудным делом, вытягивали из людей копейки, попрошайки хреновы. Но она штраф не платила

ни разу. Даже когда ее в подпитии легком несколько раз тормозили, даже когда нарушала всерьез — всегда отбивалась. Не потому, что жалко денег — а потому, что это вопрос принципа.

У нее с ними своя тактика была. Не хамить ни в коем случае, не качать права — но улыбаться, и кокетничать, и разводить руками. И косить под дуру — так, чтоб видно было, что она косит, но от этого всем только весело. Ее как-то тормознули, когда она ночью из кабака ехала, — «форд» за ней увязался милицейский, «краун-виктория». Фарами ей мигал и в матюгальник орал, а у нее музыка вопила в машине, она не слышала ничего. И жутко удивилась, когда ушла с Садового в переулки, к бульварному кольцу, и тут эта махина ее обогнала на дикой скорости. Даже она скинула скорость — переулки же, собьешь еще кого, — а этот летел буквально. И, обогнав, закрыл ей дорогу, встав поперек.

Ну она притормозила, конечно. Леха бы назад сдал или на таран пошел — а она притормозила. Менты орут, напряженные, мат через слово, чуть ли не за стволы хватаются, и рожи красные, даже в сумерках издалека видно. А она вышла, уже понимая, что натворила что-то, и давай косить. Ой, да неужели случилось что, а я, дура, еду и ничего не слышу, у меня музыка играет — хотите послушать, классная музыка! О, какая у вас машина супер — получше моего «мерса». Давайте меняться — да хоть

сейчас. Нет, серьезно? А я, кстати, рекламой занимаюсь, министра вашего знаю, познакомили нас на одном мероприятии — приятный мужчина такой, обходительный. А хотите я вам рекламу сделаю — в ролик какой-нибудь вставлю, будете потом по телевизору на себя смотреть? А в какой хотите — можно и в рекламу презервативов, и стирального порошка, что больше по вкусу.

В общем, через пять минут она уехала — хотя они могли просечь, что от нее запах легкий, она пару-тройку бокалов шампанского выпила. И тем не менее. Чуть не друзьями расстались — даже до дома проводить предлагали, еле отговорилась.

А тут сопляк этот с важной рожей — и она себе сказала, глядя в зеркало заднего вида, как он подходит, что разведет его за пару минут. И докажет себе и всем тем, кто в ней сомневался, что она в форме — она всегда в форме.

Наверное, не надо было так загадывать — но она же не знала. Да и повод, по которому он докопался, был незначительный — почему, мол, машина мягкая, а знаете, что без фары ездить нельзя, и все такое. Начала ему историю рассказывать в лицах — как вышла сегодня утром и чуть в обморок не упала. А он только кивает с таким всезнающим видом — плети, мол, что хочешь, мне по фигу. И свое гнет — непорядок, и, может, вы сбили кого, и надо бы документы у вас изъять, и все в таком духе. Ну тут

она ему про министра ввернула — она и вправду года полтора назад была на одном мероприятии официальном, и он присутствовал, а потом был фуршет, и там их и познакомил один человек. Только вот визитку она у него не взяла, хотя свою дала. Правда, министр он уже, по сути, был бывший — но какая разница.

А этот, когда она ему про высокое знакомство упомянула как бы невзначай, посмотрел на нее так, словно более глупого вранья не слышал. Словно в его башку прийти не могло, что она могла быть с ним знакома. Как на дуру посмотрел, короче. И все документы изучал, словно не верил, что «мерс» ее. И звонил куда-то — не угоняли ли на днях серебристый двухсотый?

С полчаса, короче, мурыжил — и за эти полчаса она окончательно утратила уверенность в себе, в своем умении вести себя с людьми, разговаривать с ними, добиваться того, что ей нужно. Потому что паскудного сопляка не брало ничто — ни кокетство, ни вызывающие позы, ни попытки его уговорить, ни намеки на плохие последствия. Все ее мастерство — которое и сделало ее тем, кто она есть, — разбивалось о тупую рожу, которой надо было только денег.

Он над ней издевался, сволочь. Мало того, что сразу заявил безапелляционно, что разговора у них не получится, дальше она не поедет, — так еще и

в трубку дыхнуть заставлял. И когда она отказалась, положил в карман все ее бумаги на машину, поворачиваясь к ней спиной, бросая через плечо, что тогда надо ехать на экспертизу, а если она откажется, машину арестуют и ей пешком придется ходить.

И тут она сорвалась. Она только-только вылезла из депрессии, перед тем как выйти из дома, чудом каким-то вылезла — и карт не оказалось у двери, и даже захотелось проехаться не спеша по полупустой Москве, зная, что она вернется и нюхнет и обретет покой на сегодня, а завтра все будет иначе. А эта тварь, полуграмотный придурок из провинции, ей все испортил. И она сорвалась — всучила ему визитку и сообщила жестко, что к концу недели он останется без погон, потому что она всех на ноги поставит, кого знает, и его за вымогательство взятки выпрут на хер. А тогда она с ним разберется по-другому — она много кого в Москве знает.

А этот ей не верил. Она знала, что по ней всегда чувствовалось, кто она и что может, — и по лицу, и по одежде, и по манере держаться и разговаривать. А тут, видно, что-то в ней сломалось, что-то ушло из нее — и он только хмыкал пренебрежительно, словно перед ним была обычная лохиня. Он был спокоен и уверен в силу своей тупости, а она вышла из равновесия и потому проигрывала.

В общем, в итоге ей пришлось извиняться — потому что он уже вызывал машину, чтобы возить ее на экспертизу, и эвакуатор, чтобы «мерс» оттащить на стоянку. А она не могла позволить, чтобы у нее отняли кучу времени, чтоб сломали весь день. Она знала, что после экспертизы, которая, естественно, подтвердит, что она под кайфом, ей придется несколько часов писать всякие бумаги, а потом ехать своим ходом в вышестоящую инстанцию и писать жалобы, и все это затянется до вечера. А потом она приедет домой, и ей будет хреново, и если она даже удержится от выпивки, все равно с утра глубочайшая депрессия ей обеспечена — а значит, вернуться к прежней жизни ей не удастся. И все планы и благие намерения полетят к черту. И она начала извиняться — чуть ли не впервые в жизни и уж точно впервые за много лет, — объясняя, что очень торопится, вот и погорячилась. А он ронял ее все ниже, назидательно говоря, что не надо было так хамить, а она снова извинялась.

Пятьдесят баксов он не взял — хотя по послекризисным временам сумма немаленькая. Да зачем мне, мол, — я взятки не беру. А вот сто взял. Взял за то, чтобы вернуть ей документы, сесть за руль ее «мерса» и сдать назад, и свернуть в переулок, и поставить машину у ее дома. Не во двор — не хрена ему было знать, где обычно стоит «мерс», — а именно перед домом. А сам, тварь, пошел обратно и остановился

на углу переулка и Садового, посматривая в ее сторону — показывая ей, что никуда она не поедет.

У нее руки не просто дрожали, когда он вылез из «мерса», — ходуном ходили. Она в жизни не испытывала такого унижения. Даже с Лехой — которому бы это просто так с рук не сошло. Но этот и рядом с Лехой не стоял, этот щенок, это ничтожество. Нищий тупорылый ублюдок, разбивший ее день, кинувший ее обратно туда, откуда она только выбралась.

Он стоял и смотрел на Садовое, вылавливая тех, кто мог заплатить ему штраф, — но косился на нее, она видела. А она сидела в машине и курила сигарету за сигаретой, никак не успокаиваясь. А потом, чтобы эта тварь не видела ее, опустила солнцезащитный козырек — увидев в зеркале лицо натуральной психопатки. Белое как дорогая бумага, выцветшее, полинявшее, с трясущимися губами, тоже бледными, несмотря на темную густую помаду, с мутными глазами, глубокими морщинами, идущими от носа вниз. И тут же подняла козырек — это было не лучшее зрелище.

А минут через десять она тряслась в такси в сторону Киевского. В машине частника, точнее, в старых раздолбанных «Жигулях», в которых не ездила тысячу лет. Дребезжащих, обшарпанных, ведомых немолодым чмырем в турецкой кожаной куртке — неровно ведомых, то прыгающих впе-

ред, то тормозящих резко, так что у нее было ощущение, словно она на корабле во время качки, так мутило ее от этой дерганости. Да еще от удушливой вони, исходившей то ли от внутренностей давно просящегося на кладбище «жигуленка», то ли от невыделанной гниющей шкуры, брошенной на себя его насильником.

А сейчас она стояла у вокзала. Глядя через дорогу на рынок, еще раз вспоминая описание парня, которое дал ей Вовка. Он в принципе сказал, что его тут все знают. И если его не видно, надо спросить кого-то из местных торговцев — тем более что он может в тачке сидеть рядом или в какой-нибудь из палаток. А эти отыщут в момент. Тут одни азербайджанцы торгуют, а парень русский, всем знаком, в общем.

Он нужен был ей, этот тип с идиотской кличкой Пилюля — так лоховски звучащей, хотя оправданной с учетом его профессии. Очень нужен. Особенно после столкновения с этим ментом. И если бы не чертова цыганка, прицепившаяся к ней, она бы уже давно нашла этого Пилюлю. Но ведь не отставала, привязчивая тварь, — и мешала сделать дело. Мешала поскорее вернуться домой и принять душ, и сесть в кресло в гостиной, и размять белый комочек на зеркале, и выстроить его бритвой в две тонкие линии. И втянуть их по очереди через свернутую в трубочку стодолларо-

вую бумажку. И ощутить мягкий взрыв в мозгу, и откинуться на кресле, и улететь. Туда, где все не просто хорошо, но супер, — туда, где нет проблем и тревог, нет карт и разбитых «мерсов», нет Синиц и Андреев и всех остальных.

«Еще раз подойдет, тварь, — в рожу дам!» — произнесла про себя, решительно направляясь обратно через дорогу. Входя через узкий проход между двумя палатками в самый центр запутанного, забитого киосками и людьми рынка — ища взглядом высокого худого белобрысого парня в черном джинсовом костюме, прогуливающегося выжидательно в окружении рассредоточившейся вокруг него свиты из пары крепких ребят.

Его не было видно — может, он и вправду сидел в машине, а может, был где-то за углом, и стоило ей свернуть туда, он бы уже скрылся из виду, и так бы они ходили целый день друг за другом. И она огляделась в поисках палатки, у которой не стояли бы покупатели, — слыша сзади знакомый уже голос:

— Молодая-красивая, знаю, что ищешь, давай помогу? Ты спасения от беды своей ищешь, меня ищешь, не знаешь просто, потому злая.

Она обернулась нервно, видя сзади все ту же цыганку. Ощущая, как щелкнуло вдруг что-то в голосе — резко меняя тон:

— Сергея ищу, Пилюлю — знаешь его?

— Как не знаю — я тут всех знаю! — Цыганка закивала, черномазая образина, выраженная в какие-то яркие тряпки. Так похожая на своих товаров, снующих неподалеку, атакующих прохожих. — Там он, туда идти надо, пойдем!

И она пошла за ней. Нырнув за одну палатку, потом за другую, оказавшись в каком-то закутке — на закрытом спинами и боками ларьков пяточке загаженного асфальта. На который вдруг из каких-то щелей просочились еще четыре цыганки.

— Сергея позови! — бросила эта одной из товаров, добавив что-то на диком своем, гортанном языке. — Сейчас придет, молодая-красивая, здесь жди. А я тебе расскажу пока, через кого беда твоя. Она через красоту твою пришла — от женщины одной. Ненавидит она тебя, смерти твоей желает. Дай что-нибудь — не деньги, не нужны мне деньги, помаду дай, ключ, расческу. Ну монетку дай, я ее увижу, а потом в зеркале тебе ее покажу.

Это был бред — только он звучал поубедительнее и посвязнее, чем у той гадалки, несмотря на то что там, в ее так называемом салоне, была специальная такая обстановка, видно, воздействующая на слабую психику. А тут был кусок асфальта, заваленный картонными коробками из-под сигарет. Может, именно в отсутствии нарочитости, искусственности, нереальности было дело?

Черт его знает, почему она купилась вдруг, раскрывая сумочку, заглядывая в нее — естественно,

не видя ничего такого, что могла бы ей дать. Ну не диоровскую же помаду или пудреницу?! И рука сама собой вытащила из ровной стопки долларов, скрепленной серебряным зажимом, пятидолларовую бумажку — она всегда клала мелкие купюры с одного края пачки, на всякий случай.

Она купилась как лохиня. Но это было так неожиданно, насчет женщины, — может, потому и купилась. Скажи та про мужчину — она бы ее послала подальше. А тут задумалась. А к тому же она все равно ждала, пока припрется этот Сергей, и пять долларов были не такой большой платой за ожидание.

— Э, молодая-красивая, плохи дела твои, — протянула цыганка, ощупывая купюру, качая головой, цокая языком, оглядываясь на тех двух, что стояли с ней рядом, — более толстых и старых. — Женщина эта проклятие на тебя наслала. Хочет, чтобы забеременела ты не от мужа, чтобы болезнь страшная в тебе поселилась, чтобы красота твоя ушла и в старуху ты превратилась. Не избавишься от проклятия — всю жизнь маяться будешь, сколько до смерти осталось. Дай еще что-нибудь — не деньги только, у меня свои деньги есть, зачем мне твои?

Она не могла объяснить, зачем открыла «молнию» на сумке во второй раз, — может, потому, что не чувствовала подвоха, ведь цыганка и в первый раз не пыталась заглянуть внутрь сумки и не просила де-

нег. А может, ей и вправду стало интересно, что же это за женщина — и о ней она думала сейчас, забыв на мгновение и цыганок, и Пилюлю, который должен был появиться вот-вот. Наверное, она перешла дорогу многим женщинам — жене Армана, жене Аркадия, и Валиной жене в какой-то степени, и Андреевой. И многим не женам, любовницам или подругам, которых бросали ради нее разные мужики. Так что ее было кому проклясть, было кому желать ей самого плохого.

Правда, она ничьих жен никогда не видела — разве что Армана, и то издалека, она на другом конце стола сидела на его дне рождения. Вообще идти не хотела, но Арман настоял. И посадил ее рядом с Лехой как раз, чтобы казалось, что она с ним, — а сам сидел рядом с низенькой полной женщиной восточного типа, явно не старой, но в соответствии с национальными, так сказать, традициями преждевременно увядшей и расплывшейся.

Еще она видела одну из бывших Лехиных подруг — модель какую-то, встретившуюся им в кабаке. Длинная худая блондинка — ничего особенного, лично для нее все эти модели были на одно лицо. Леха ей рассказал, что трахал ее с месячишко, пока не надоела, — да и та кивнула Лехе без особой радости, она с каким-то солидным мужиком там была.

Знала она и девиц, которых трахал в редакции Валя. Знала девчонку, влюбленную в Аркадия, —

свою собственную подружку, так убивавшуюся, что у Аркадия есть семья, и жутко шокированную, когда узнала от кого-то, что Аркадий ушел от жены и живет с ее подругой. С которой дружба тут же и кончилась. Но это было так давно — а вот в недавнем прошлом, кажется, не было ни одной женщины, которая могла бы желать ей зла. Разве что жена Андрея — но откуда?..

Она вскрикнула от секундной, но очень острой боли, поворачиваясь, видя позади себя неизвестно как оказавшуюся там цыганку, держащую в руке ее волос, выдернутый только что, рассматривающую его внимательно и озабоченно.

— Да ты что, сука? — выкрикнула зло, и в этот момент все четверо сгрудились вокруг нее, галдя, выкрикивая каждая свое. Та, что с волосом, кричала, что волос оставлять нельзя, это к покойнику в доме, а та, что говорила про женщину, дергала ее за руки, требуя дать ей поскорее какую-нибудь мелочь, а две других трогали кольца, браслет, серьги, цепочку на шее. А она вертелась между ними, потому что они ее с разных сторон обступили, и дурела от гвалта, не понимая ни хрена, ощущая чужие пальцы на руках, волосах, ушах, шее. Пальцы, несильно, но настойчиво дергающие сумочку и украшения.

У нее уже кружилась голова от верчения между ними и гула в ушах — так, наверное, можно было

и упасть. И она и упала бы — если бы не остановилась в какой-то момент, с силой толкая ту, которая оказалась перед ней.

— Пошли вон, твари! На х...й пошли, живо! Поняли, нет?!

Та, которую она толкнула, отлетела, ударившись спиной о киоск. И остальные попятились назад тут же. Как шакалы, готовые загрызть слабого, но кидающиеся врассыпную при проявлении силы. И они отступали, бубня, что она заболит теперь, что раз не выкупила волос, то смерть придет в ее дом, — и она шагнула к той, что была ближе, готовясь вцепиться ей по ненавистной морде, отводя назад руку. Но ударить не успела — цыганки как крысы просочились в щели между палатками, исчезая так быстро и тихо, словно их и не было тут.

Она усмехнулась, переводя дыхание. По крайней мере тут она победила. Все украшения были целы, сумочка по-прежнему застегнута, а те, кто хотел столкнуть ее в яму с дерьмом — как пытались это сделать все прочие на этой неделе, и успешно пытались, — разбежались. И это было хорошо. Это было первое хорошее впечатление от сегодняшнего дня.

Она потянула «молнию» на сумке, запуская внутрь руку, ища пудреницу, желая посмотреть на себя в зеркало, прежде чем выйти из-за палаток и отправиться на поиски того, кто ей нужен. Вдруг

натыкаясь рукой на что-то, чего там не должно было быть. Вытаскивая нечто, оказавшееся скомканным куском газеты. И только тогда заглядывая внутрь.

Все было на месте — бумажник с документами, который она раскрыла, убеждаясь, что и кредитка, и права, и прочие бумаги целы. И косметичка не исчезла. Но откуда там взялся инородный кусок газеты, она понять не могла. Может, сунула по ошибке сама — ну не дома, а в машине, когда психовала после конфликта с ментом? В тот момент она все, что угодно, могла машинально взять в руку и запихнуть в сумку — хотя откуда в машине мог взяться кусок газеты?

Деньги! Она только сейчас поняла, что прихваченной серебряным зажимом пачки долларов на месте нет. Зажим есть, поблескивает тускло на черном подкладочном фоне — а вот денег нет.

Этого не могло быть. Сумка все время была у нее в руках, и она ее застегнула после того, как дала пять долларов цыганке. И хотя открыла потом снова в поисках чего-то мелкого, кажется, застегнула обратно. И уж в любом случае не выпускала ее из рук. Так что этого не могло быть — но это было. Об этом свидетельствовал и грустно сжавший свои серебряные зубы зажим, и тот факт, что пачка долларов испарилась, превратившись в смятую газетную страницу.

Денег было не жалко — ну то есть не очень жалко. Все же документы остались, их потерять было бы куда хуже. А денег все равно было не так много — тысячи две, две с половиной, может. Но то, что ее обманули, как лохиню, развели, как приехавшую из Тмутаракани малолетнюю шлюху, — вот это было ужасно. Не то, что теперь ей не на что просто купить кокса, — а именно это. Потому что ее снова окунули в дерьмо, из которого она только-только выбралась после встречи с ментом. А все равно пихнули обратно — только новым, незнакомым ей еще способом. Как пихали на этой неделе каждый день — все вместе и все по-разному.

Она даже не отметила момент, в который из глаз покатились слезы. Это просто был обвал, коллапс, наступивший внезапно, без предупреждения. Сход лавины, цунами, что-то в этом роде. Она в последний раз плакала с Лехой, от безвыходности, как раз перед тем как принять решение, что от него нужно избавиться, — то есть года два назад. А до этого — и не вспомнить. Может, когда из университета чуть не поперли. Или когда всю ночь трахавший ее, известную журналистку, один поп-музыкант, от которого она ждала предложения стать его продюсером — легла с ним одним, а потом приперлись двое его приятелей и он настоял, чтобы они были вчетвером, — утром посмотрел на нее как на дешевку. Прощедив с по-

хмельной злобой сквозь зубы, чтоб сходила за пивом, а потом выматывалась, у него дел куча.

Но тогда все было иначе. Тогда это были злые и скупые слезы, сопровождаемые проклятиями и обещаниями рассчитаться, — и она знала, плача, что рассчитается. Леха давно сидел — благодаря ей. А тот музыкант исчез разом из всех хит-парадов и с газетных страниц — опять же ее заслуга. Она просто закрутила короткий роман с заведомом газетой, который о музыке писал, передачи вел всякие на радио, авторитет, в общем, был в этой области — и по ее просьбе сделал обидчику мощнейшую антирекламу.

А тут из нее катились слезы обильные и беззлые, отчаянные и горькие, и не было мысли мстить кому-то, и не было внутри силы, способной их остановить. И она сползла по металлической стене ларька, опускаясь на стопку картонок, закрывая лицо руками — плача по-детски, как не плакала никогда. Она вся мягкая стала, без костей и стержней и расплавившегося стального бруска воли, — и слезы лились и лились, внушая ей, что она слабая и несчастная, что она одна в этом мире и ей не на кого рассчитывать.

Потому что весь этот мир сейчас против нее. И противостоять ему она не может — так что уж лучше плакать, и просить у него прощения, и надеяться, что он смиростивится наконец...

17

Будь она трезвая или чуть пьяная, она бы кинулась к двери. Но так как была уже сильно пьяна, даже не отреагировала на звонок. Тупо повернув голову в сторону коридора, мысленно посылая всех на три буквы — вообще всех. Не ожидая ни от кого ничего хорошего.

Сегодня был не ее день. Сегодня был самый плохой день с тех пор, как в понедельник впервые появились карты, — самый плохой за эту неделю. Даже — самый плохой в жизни. И потому она не подходила к телефонам, ни к домашнему, ни к мобильному, и сама никому не звонила. И уж тем более не собиралась никому открывать. Кто бы это ни был, ничего хорошего она сегодня не могла услышать.

Это был жуткий день, это чертово воскресенье. Сначала мент, потом цыганки. Потом истерика — не истерика даже, она не психовала, не

орала, не визжала, а просто сидела и плакала. Долго, наверное, — потому что когда наконец подняла голову, увидела стоящего перед ней парня в спортивном костюме. Видно, давно уже наблюдавшего за ней — но ждавшего, пока она успокоится.

— Ты чего — цыганки обворовали, что ль? — Он даже не дождался ее ответа, он, наверное, видел, как ее заводили сюда, и знал уже местные нравы. Да и на вид был местный — то ли продавец, то ли охранник, черт его знает. — Много взяли? Сколько?

Она кивнула — этого было достаточно. Называть суммы и выглядеть круглой душой ей совсем не хотелось. Но он, кажется, и сам догадался — потому его глаза скользили по ней, оценивая и ее, и то, что на ней надето, и украшения, и сумочку, — все вместе. И хотя, судя по его виду, он не знал всему этому точной цены — но хоть примерно представить мог.

— Вернуть хочешь? Тогда запомни — ты моя сестра, поняла? К восьми сюда приезжай — прямо напротив входа в вокзал сквер такой, они там в восемь деньги делят, цыгане. Если тех узнаешь, все вернем — ну а не будет тех, все равно попробуем. Только сумму точную назовешь. Можно меньше, больше нельзя, обидятся, плохо будет. Десять процентов мне и ребятам за помощь — идет?

Она снова кивнула, глядя на него недоверчиво, не думая о том, что косметика поплыла от слез, что вид у нее сейчас не самый лучший.

— Ну все — без десяти восемь в сквере, сестричка! — Парень усмехнулся. — А деньги-то на дорогу остались или подчистую выгребли? Ну на — дарю.

Она недоуменно посмотрела на звякнувшую об асфальт монету, поднимая ее, вертя в руках. Пять рублей — она и не знала, что такие монеты есть. Да и откуда ей знать — затаривалась в супермаркетах по кредитке, на бензоколонках совала деньги крутящимся у машин местным работникам — так, чтоб без сдачи, мелочь пусть себе оставят. В кабаках в основном платили за нее — а если и сама, то тоже по кредитке, так удобнее. И где можно рассчитывалась баксами — слава Богу, немало мест еще осталось.

Она автоматически опустила монету в открытую сумочку, вставая, выходя из-за ларьков, направляясь в сторону Дорогомиловской, где можно было поймать такси. Она, правда, давно не оказывалась в таких ситуациях — когда ехала куда-то, не имея при себе денег, обещая заплатить потом, на месте, — но об этом не думалось сейчас. И она шла через рынок, глядя под ноги, слыша голоса за спиной и смех. Ей казалось, что все здесь знают о том, что произошло с ней, — и смеются над ней, такой крутой на вид, но тем не менее облапошенной цыганками и рыдавшей потом, как сопливая девчонка.

Ее никогда не беспокоило чужое мнение — если не считать мнения некоторых отдельно взятых личностей типа Андрея. Она всегда говорила себе, что она такая, какая есть, — и пусть такой ее и принимают. А уж мнение быдла, вот этой самой толпы, вообще было до одного места — быдло права на мнение не имело, — а вот сейчас задевало. Потому что она облажалась уже перед всеми — своим замом, банкиром, клиентом, Андреем, — а теперь еще и перед лохами. Но и те и другие одинаково радовались ее поражениям — она была чужой для всех. И для тех, кто наверху, и для тех, кто внизу.

В итоге ей пришлось ехать на метро — потому что из пяти остановленных ею машин ни один водитель везти ее без денег не согласился. И обещания, что они поднимутся вместе к ней домой и она отдаст двадцать долларов, не действовали. Одному было якобы не по пути, один почему-то отъехал сразу, только она нагнулась к окну, а один колебался, но все же покачал отрицательно головой — видно, размазанные по лицу помада и тушь их испугали. А двое послали подальше, и довольно грубо, — причем один за проститутку вокзальную ее принял, сказав, что телом не берет.

Это было ужасно — она по-настоящему растерялась, совершенно не представляя, что делать. И не верила, что ее посадит кто-нибудь, даже когда ото-

шла от дороги и привела себя в порядок, стерев косметику. Отметив потасканность и постаревшесть помятого и припухшего лица. И хотя она спокойно отреагировала на увиденное — она знала, что это все нервы и ненормальный образ жизни, — но к дороге уже не вернулась, отказы везти ее почему-то задевали очень сильно. Может, потому, что раньше она не слышала отказов никогда и ни от кого, даже в очень серьезных вопросах, — а тут их было слишком много, и по жутким мелочам.

В общем, она сообразила наконец, что есть метро. Правда, она плохо представляла себе, как ей ехать, и сколько это стоит, и прочие тонкости, — но, к счастью, брошенных ей парнем пяти рублей вполне хватило. И ехать оказалось совсем недалеко — четыре остановки всего до Курской, а там ей десять минут было пешком. Но в целом путешествие был ужасным — в духоте, вони и толкучке, в которой ей чуть не порвали какой-то гигантской коробкой дорогие джинсы из тончайшей кожи. И при этом она чувствовала себя инопланетянином, попавшим в чужую цивилизацию, — не сомневаясь, что и выглядит так же со стороны.

Она вздохнула с облегчением, только когда оказалась дома. И, брезгливо сорвав кожаные джинсы от Ферре и тонкую шерстяную водолазку от него же, любимого своего модельера, долго стояла под душем, потому что казалось, что и рынок этот

паскудный, и цыганки, и метро пропитали ее грязью насквозь, вонючей и омерзительной. И терлась тщательно, и израсходовала полфлакона геля для душа, так что в ванне под ногами образовался слой пены, доходившей ей до щиколоток и никак не желавшей смываться.

А уже потом она села в свое любимое кресло в гостиной. Точнее, сначала она покопалась в холодильнике — не то чтобы хотелось есть, но надо ведь. И поразила скупости запасов — только сейчас вспомнив, что с прошлой недели ни в одном магазине не была. Ни зелени, ни хлеба, ни ветчины — хорошо хоть картонную коробочку с французским сыром отыскала, камамбером, да банку красной икры плюс пачку сухариков финских. И сделала себе десяток условных сэндвичей, отправляясь с тарелкой в гостиную. Обнаруживая там, что и виски у нее не осталось — только литровая бутылка джина «Бифитер» и совсем неподходящие сейчас ликер, вино и вермут. Вспоминая, что видела в холодильнике пару пакетов с апельсиновым соком — так что джин есть чем разбавить.

Она много чего еще вспомнила, прежде чем приступила к еде и спиртному. Что за неделю она ни разу не включила телевизор, хотя раньше смотрела его периодически, рассчитывая увидеть что-то, что пригодится для работы, отсматривая свою рекламу. Что не прочитала ни одной газеты — хотя

ежедневно пролистывала минимум две. Что ни разу не слушала музыку, которая раньше играла хотя бы для фона. И что, в общем, ничего она не делала за эту неделю из того, что делала обычно. Зато делала все то, чего не делала раньше, — много пила, трахалась с кем попало и беспрестанно курила. И, что самое печальное, психовала.

Звонили телефоны, но она не отвечала — она не хотела никого слышать и уж тем более не собиралась никуда выходить. Это был не ее день — и она не сомневалась, что если поедет к восьми на этот проклятый рынок, то или цыгане пырнут ее ножом, или этот парень со своими приятелями заведет ее за киоски, изнасилует и снимет с нее все драгоценности. Ей, такой крутой всегда, такой уверенной в себе, сильной и волевой, позорно было признавать такое — но она знала, что это правда.

Опьянев, она, конечно, стала другой. Она сказала себе, что завтра позвонит Вовке и расскажет про цыган, и они подъедут туда вместе, она и его бригада, и она понаблюдает с удовольствием, как пацаны будут долбить за киосками цыганок, в кровь разбивая омерзительные морды. А потом она получит с них свои деньги плюс процент — десятку она им объявит, вот так. Пятерку Вовкиным ребятам за работу — пятерку ей, легкая такая компенсация.

И мента она, естественно, вспомнила тоже — мента, который сломал ей этот день. Который

должен был за это ответить теперь. Правда, она так и не решила, как именно с ним разберется — официально, через его начальство, которому заявит, что он вымогал у нее взятку, или через Вовкиных опять же, которым что цыганок молотить, что мента, разница невелика.

Но это была искусственная храбрость — даже опьянев, она это понимала. Понимала, что для себя храбрится. Чтобы не уронить и так упавшее уже ниже некуда собственное достоинство — выбитое из рук картами и втоптываемое в землю всеми подряд. Чтобы как-то поддержать саму себя — распадающуюся, разваливающуюся, проигрывающую все, везде и всем.

Ей показалось в какой-то момент, что все задались целью ее уничтожить. Словно их, этих всех, озлобило, что она так уверенно и легко идет вверх. Оставшиеся внизу ей завидовали и ненавидели за то, что она прорвалась, а они нет, — а те, кто наверху, презирали ее снобиетски, при этом предчувствуя, что, когда она поднимется туда, к ним, им придется потесниться. И откуда им всем знать, что она немало заплатила за то, чтобы стать тем, кем стала? И сколько она пережила?

Они, конечно, не знали — это она знала. И помнила и выпученные глаза, и потные руки физкультурника, заваливавшего ее на маты, — и дальнего родственника, пристроившего в университет,

который пихал ей в рот маленький немытый член и залезал везде пальцем с толстым желтым ногтем, даже туда, куда она еще никого не пускала, где было больно от проникновения. И того черного из общаги, от которого воняло бастурмой. И редактора отдела газеты, к которому ее всунули внештатницей, — который, переписывая за нее очередную статью, говорил, что сейчас они поедут к нему на дачу на пару часов, тут близко. И там пользовал как шлюху, а устав, вставал и одевался, и молчал всю дорогу назад, а мог вообще высадить ее черт знает где, заявив, что у него дела.

Она все помнила — просто не хотела вспоминать. Ее не травмировало это тогда — и не напрягало сейчас. Это просто была цена, которую она заплатила, — и ничего больше. Но те, которые были вокруг нее, — они ничего о ней не знали. И завидовали, и шептали за ее спиной, что слишком круто вверх лезет эта лимитчица, добивающаяся всего тем, что у нее между ног. И жутко обрадовались, когда в какой-то момент — момент перед очередным скачком вверх, когда она зависла в самой верхней пока точке, готовясь вот-вот оказаться на следующем уровне, — она оступилась, поскользнувшись на неожиданно оказавшихся под ногами картах, упав в полную дерьма яму.

Она не нуждалась в помощи — главное, чтобы не мешали. Но никто не то что не протягивал ей руку —

наоборот, считал своим долгом ее притопить. Они все — все, кто окружал ее, все, с кем она сталкивалась, даже те, кого она считала близкими, — по очереди дружно запихивали ее в яму, не давая выбраться. И только она оправлялась от очередного удара, только выныривала, как ее начинал топить следующий. И каждый раз выплывать на поверхность было все тяжелее. И все тяжелее было забывать о том, что было вчера, и настраивать себя на лучшее, и восстанавливать уверенность в собственных силах.

Но она не собиралась тонуть — она не за этим столько времени карабкалась вверх. Хрен им — не дождутся!

Она отключилась на этой радостной мысли — видно, сильно опьянела, вот и вырубилась, хорошо еще, что не с сигаретой в руке. И она слышала сквозь сон, как звонят телефоны, и даже показалось, что и в дверь звонили, — но она не собиралась просыпаться. Она никого не ждала — и никому открывать не собиралась. Даже Вовке, который был ей нужен и в принципе мог заехать — но которому ни к чему было видеть ее в таком виде, а к тому же в ее неудачный день. Даже Андрею, который мог приехать, чтобы извиниться, — но которому она не собиралась отпирать по той же причине. А всем прочим — хотя из всех прочих это мог быть только владелец «Москвича», вроде никто больше не знал ее адреса, а если и знал, то

не припирался, так как не приглашали, — тем более.

Джин она любила куда меньше, чем виски, — но с соком и льдом он пился довольно легко. По крайней мере, проснувшись, она тут же приложилась к стакану — ей показалось, что она просто задумалась, лишь потом вспомнила, что спала, и часы это подтвердили — и никакого отвращения не испытала.

Конечно, она предпочла бы кокс — но деньги на него растворились в широких карманах, нашитых на цветастые цыганские платья. А сидеть просто так было невозможно — она бы не выдержала. Уж лучше было напиться не спеша и заснуть часов в десять-одиннадцать, а завтра с утра выпить кофе с аспирином и вернуться к себе прежней.

Казалось, что это вполне возможно. Главным было пережить этот день — а там будет легче. И потому она просто сидела и пила, стараясь не думать ни о чем, ничего не вспоминать, — потому что все было передумано сто раз и в принципе и так ясно.

Она достаточно много выпила, и на улице темно уже, когда раздался звонок в дверь. Громкий, длинный, требовательный. Он вообще-то у нее очень мелодичный был, мягкий — звонок в смысле, — но тут изменился. Словно не в силах был противостоять злой воле того, кто, стоя на площадке, отделенной от нее двумя дверями, беспощадно давил на аккуратную маленькую кнопку.

Не будь она под сильным кайфом, не будь у нее такого философского настроения, будь она трезвее и деловитее, думай она о том, как разберется со всеми, — она бы метнулась к двери, говоря себе, что это Андрей или Вовка, с которыми она совсем не прочь поговорить и, может, даже больше, чем поговорить. А тут она просто покосилась в сторону коридора не вставая — и подлила себе еще джина, наполняя стакан доверху ярко-оранжевым даже в полутьме соком, запуская руку в недавно принесенную из холодильника вазочку со льдом, задумчиво роняя в стакан четыре кубика, наблюдая за их последними секундами в этой жизни.

Звонок не умолкал — настойчивый и наглый. Телефоны она игнорировала спокойно — перед тем как заснуть, отключила мобильный и убрала до минимума звук на аппарате в гостиной. И только автоответчик пощелкивал негромко и, кажется, безрезультатно, потому что звонившие, похоже, беседовать с ним не хотели. Но этот звонок она приглушить не могла — она могла только его игнорировать.

И у нее это получалось — весьма неплохо. Хотя он не успокаивался никак — словно тот, кто стоял за двумя дверями, был уверен, что она дома. И это при том, что у него не могло быть такой уверенности. Света в квартире не было, она даже на кухне его на зажигала, когда ходила за льдом,

и только в гостиной горел торшер, но неярко совсем, и даже если звонивший знал, где ее окна, ничего бы он не увидел с улицы. Тем более что окна плотно закрывали жалюзи, она специально так сделала еще днем, желая абстрагироваться от внешнего мира.

И наличие перед домом машины ни о чем не говорило — в конце концов, «мерс» был помят, так что она могла уехать на такси или на одолженной у кого-нибудь тачке. Да могла, в конце концов, водилу вызвать из агентства — у них «опель-вектра» был разъездной, новенький, купили пару месяцев назад. Поменяв совсем износившийся «мустанг», некогда принадлежавший ей и ею же проданный в свое время агентству. Хитрый ход — как бы сама у себя купила машину, естественно, заплатив себе, любимой, вдвое дороже реальной цены. А на эти деньги взяла «мерс» — на фирме, которой делала рекламу и на которой, естественно, получила скидку.

Но догадывался визитер, что она дома, или не догадывался, она не собиралась ему открывать. Сегодня был не ее день — и она бы не удивилась, наверное, увидев за дверью наряд милиции, пришедший, чтобы ее арестовать за что-нибудь, или киллера, или, скажем, собственную маму, решившую навестить дочь. У мамы, правда, не было адреса, а в Москве мама была последний раз года

три назад, когда она на Юго-Западе жила в двухкомнатной, — но сегодня могло быть все. Даже такой совсем невероятный вариант.

Она попыталась вспомнить, когда в последний раз звонила матери, — но что-то не получилось. В принципе удивляться не стоило — большой любви между ними никогда не было. Мать с отцом куда больше любили брата, который на два года позже ее родился, — и она это чувствовала тогда остро, и ее это задевало, может, отсюда и желание уехать и жить самостоятельно и не возвращаться никогда. И уж наверное, они куда больше любили его сейчас — потому что он был рядом, в Курске, в милиции служил, наверное, капитан уже, женат, двое детей.

А к ней относились как к дальней родственнице. Даже когда она перевелась на вечерний и устроилась в газету и приехала домой, чтобы поделиться радостным известием, ожидая восторга и даже восхищения, ничего этого не дождалась. Вместо того чтобы поговорить с ней о новой работе, поспрашивать о газете, порадоваться за нее, порассуждать, как высоко поднялась их дочь, ей читали полдня все братовы письма из армии, а еще полдня рассказывали о поездке к нему в часть.

Так что они были чужие люди — и хотя она звонила периодически, раз в месяц, не чаще, приезжать старалась редко. Потому что ничего хорошего

из этого не выходило. Как-то, живя с Лехой и мечтая о передышке, сказала ему, что надо срочно съездить к родителям, — за границу бы он одну не отпустил, а отдохнуть от него хотелось сильно, так что и это ее устраивало. И она закупила всего — в супермаркете затарилась французскими сырами, датскими копченостями, швейцарским шоколадом, испанскими мидиями, итальянским вином — еле в багажник все влезло. И поехала в Курск — на «мустанге», естественно, ярко-красном «мустанге», и не для понтов, просто не было у нее другой машины. Хотя, если честно, для понтов тоже — уж больно он хорош был, хищно-вытянутый, сияюще-броский.

Поздно вечером того же дня она уехала обратно. Приехала днем, мать ей обрадовалась вроде, позвонила брату и отцу на работу, засуетилась, готовить начала. Подозрительно рассмотрев привезенные дочерью деликатесы и предпочтя им домашние пироги. И все разговоры с ней вела идиотские — о том, что замуж пора и дети нужны, как без детей. И откуда у нее машина такая дорогая, и что это она накрашена так ярко, и почему одета так, не по-женски это, в кожаном костюме ходить, и все в таком духе. А так — все о сыне, и о невестке, и о внучке с внуком.

А когда собралась вся семейка, вообще тоска началась. Брат с отцом пили водку — настоящее кьянти эмоций у них не вызывало, они и не слы-

шали о нем, наверное. И жрали свое — из принципа, что ли? Братовы дети визжали и носились по небольшой родительской квартире, жена брата, которая младше ее лет на пять, наверное, хотя выглядела на десять старше, смотрела с завистью и неприязнью на объявившуюся родственницу.

А разговоры — мухи дохли. Про ее одноклассников, никогда ее не интересовавших и давно забытых, про местные власти, про ассортимент товаров в магазинах и на рынках и про цены — все в таком духе. А когда на вопрос брата о том, чем занимается, ответила, что является главным редактором журнала, тот такую рожу состроил, словно она сказала, что уборщицей в метро трудится, — и глуповато состриил, что журналов не читает, только газеты местные. И, мол, лучше бы она в их курскую газетенку на службу поступила, он может за нее похлопотать — потому что кто их читает, эти толстые журналы, там же одни картинки яркие да похабщина, народу такие не нужны, а к простым людям надо быть поближе.

Не то чтобы ей хотелось говорить о себе — наоборот, она предпочла бы избежать этой темы. Что удалось, потому что ее и не поднимал никто больше. Но все равно было неприятно — дешево, ублюдочно, провинциально. Словно не с родными по крови людьми сидела за столом, а с работягами типа тех, что квартиру ее ремонтировали. И так муторно стало, просто караул.

Было такое ощущение, словно они комплексу-ют перед ней, — и, комплексуя, внушают себе, что они живут правильнее и лучше. А значит, она ест и пьет какое-то дерьмо, к которому они не прикоснутся, и одета хрен знает во что, и приеха-ла на какой-то непонятной машине, да еще и крас-ной вдобавок, естественно, во всем уступающей стареньким белым «Жигулям». И работает не пой-мешь кем — несерьезно как-то.

Инопланетянка, короче, — которую, конеч-но, можно принять обратно в семью, но для этого надо, чтобы она начала жить по-правильному. Торговала на рынке выращенными на участке ово-щами, одевалась в бесформенную мешковину, нашла мужа и нарожала детей, и все в таком духе. Это все брат ей советовал с полного одобрения родителей — мол, беги ты из своей Москвы, нет там ничего хорошего, ни воздуха, ни продуктов нормальных, здесь селись, работу найдем, мужи-ка подыщем стоящего, с нормальной професси-ей, милиционера лучше. И все в таком духе.

Наверное, он завидовал, что она живет в двух-комнатной в престижном районе столицы — мать рассказала небось, после того как у нее была, — а он однокомнатную получил совсем недавно, где они и ютятся все вчетвером. Наверное, завидовал, что у нее есть «мустанг», а он ездит на автобусе, — неда-ром заметил язвительно, что непонятная машина у

нее, лучше бы уж «Ниву» взяла. А может, обиделся, что за полгода до ее приезда позвонила мать, робко и неумело намекнув, что братова жена хотела детей в Москву свозить, город им показать, только не знает, где остановиться. А она ей ответила, что послезавтра улетает за границу в командировку, вернется через месяц в лучшем случае.

А что она могла, собственно, — впустить эту жуткую лимиту в свою квартиру, да еще и с двумя свинятами? Да они бы загадили ей там все, а сама она с ума бы сошла — и Леха бы рехнулся, если б заехал без звонка. Мать-то у нее два дня пожила, она чуть с ума не сошла — ну так это мать, а эта ей никто. Но брат, видно, обиделся — а может, и мать заодно, у них тут другие были мерки, колхозные.

В общем, она через несколько часов уехала обратно — сделала вид, что вспомнила, что у нее встреча срочная завтра, и собралась. Да никто особо и не удерживал, может, мать только немного — хотя и та наверняка вздохнула с облегчением, когда блудная дочь вышла за порог. По крайней мере сама она именно так и вздохнула. Не думая даже о том, что уже провела черт знает сколько за рулем и не отдохнула толком, а обратный путь совсем не близкий.

Так что чудесная получилась поездка. Особенно если учесть, что на выезде из Курска она чуть

не оставила машину в гигантской яме, которую чудом заметила в последний момент на темной разбитой дороге. И еле ушла от безумной местной братвы, долго гнавшейся за ней на грязных «девятках» со свистом и улюлюканьем. И явно планировавших отобрать у нее машину — это как минимум. Об их программе-максимум, также очевидной, говорить было слишком долго.

С тех пор она там больше не была. Она не нужна была им и раньше, и сейчас — равно как и они ей. Ей ничего не стоило помогать им материально — целевыми, так сказать, кредитами, поскольку обеспечивать брата она не собиралась, — но им это, кажется, было ни к чему. Как-то мать сказала по телефону, что отец болеет, операция нужна, с желудком что-то серьезное, — но когда она предложила найти ему здесь хорошую платную клинику и самой все оплатить, мать отказалась наотрез. Мы, мол, люди простые, у себя все сделаем и бесплатно.

Она опять приложила к стакану с джином — отмечая, что звонок проснулся вновь. Он затих на какое-то время — может, человек уехал, может, спускался вниз, чтобы еще раз посмотреть на окна и удостовериться, что это точно ее машина, — но опять пробудился. И она вяло удивилась настырности визитера — вдруг подумав, что надо бы узнать, кто это. Мало ли что — может, дом горит и ее хотят предупредить? А может, кто-то

долбанул ее и так пострадавший «мерс» и это пришел дворник, чтобы сообщить ей с затаенным злорадством прискорбное известие? Ведь это был не ее день, и ничего хорошего она не ждала — но и не хотела, чтобы стало еще хуже. Так что...

Внутренняя дверь почему-то была открыта — и это облегчало задачу, потому что в противном случае та могла выдать ее скрипом. И она, стараясь двигаться очень медленно и максимально тихо — зажечь в коридоре свет ей не пришло в голову даже в таком состоянии, — подкралась к внешней двери. Совершенно не задумываясь об идиотичности и парадоксальности сцены — она, уверенная деловая женщина со связями, не боящаяся никого и ничего, не сомневающаяся в своей привлекательности и в том, что достигнет самых вершин, трусливо крадется по собственной квартире, боясь тех, кто находится за ее дверью.

Еще неделю назад она бы подошла и поинтересовалась холодно, кто смеет ее беспокоить, — и распахнула бы дверь, если бы сочла нужным, или послала бы визитера подальше одной короткой репликой. А теперь...

Глазок был хитрый — чуть ли не всю площадку было видно. Но она не сразу посмотрела в него — сначала прислушавшись к доносящимся звукам, разбирая голоса, два мужских голоса. Судя по которым, переговаривавшиеся стояли не у самой

двери, но чуть в отдалении — а значит, не могли заметить наблюдающий за ними зрачок. И только тогда она прижалась к глазку, выглядывая, стараясь вслушаться в то, о чем говорят голоса.

Первого, стоящего напротив двери метрах в двух, она не знала, это точно. Молодой парень лет тридцати максимум, с ничем не примечательным лицом. И первой ее мыслью было, что он ошибся дверью. Но вот когда увидела второго, мысль об ошибке ушла сама собой. Это приехали к ней — и хотя и непонятно зачем, но все же вряд ли лишь для того, чтобы поинтересоваться ее самочувствием.

Второй, которого она увидела не сразу, был ей знаком. Тот самый урод, который привез ее в пятницу вечером домой, — Николай, Андреев водитель. Это точно был он — без сомнений. Но вот что он тут делал и кто был его спутник — этого она не понимала. Был бы с ним Андрей — это одно. Но его водила — и с такой настойчивостью добивающийся аудиенции с ней?

— Может, соседям звякнуть, Колек? — достаточно отчетливо произнес первый, и она сжалась, стараясь не дышать. — Может, уехала куда, а они знают? А чё — ключи, может, им оставила, чтоб цветы поливать, газеты доставать, у меня Ленка так делала раньше, когда мы на отдых сматывались. Не то третий раз сюда припираемся — в две-

надцать были, в шесть были и сейчас вот, — а тут по нулям. Тачка как стояла, так и стоит, света нет — так, может, уехала, а мы тут ошиваемся зря?

— На чем она уедет-то, если тачка здесь? — резонно полюбопытствовал водитель. — А — чё скажешь?

— А чё — поймать, что ль, сложно тачку, тем более на Садовом? — Первый, кажется, уставший стоять у ее двери, звучал убедительно. — А может, заехал кто за ней — подруга или мужик? Может, она вообще вчера еще смотала — за город куда-нибудь? Чё, не может такого быть? Выходные ж — да запросто. Мужик заехал и увез, а завтра привезет, обычное дело. Так поедem, может, — чё ловить-то?

— Ты куда ехать собрался? — По голосу водителя можно было понять, что он здесь старший. — Если дома нету, значит, ждать будем. Андрюха чё сказал — найти и позвонить. Значит, будем ждать — и весь базар.

— Чё, всю ночь, что ль? — забеспокоился первый. — Я ж, бля, Ленке утром сказал — ненадолго я, к вечеру вернусь. Она ж выть начнет опять, Колек. Сам понимаешь, телка в положении, рожать вот-вот, мало ли что — да и за меня трястись начала. Раньше не тряслась — а теперь, как ухожу, так словно навсегда прощается...

— Так воспитай — не то накаркает! — Водитель хмыкнул, меняя гнев на милость. — Ладно, сгоняй домой, успокой ее и обратно. Купи ей чего, чтоб не скучала, — и все дела. Цветов там или из жратвы чё любит — беременным знаешь как хавать охота? Я-то знаю — Людка как зверь жрала, когда с пузом ходила, мать ее приезжала, так жратву от нее прятала. Ты как вчера родился, Минька, — всему тебя учить надо. Ну вали — через пару часов жду, не одному ж тут торчать. Даже если не одна припрется, вопрос-то и сам решу — но уж тоска больно ночь одному париться, засну еще на хер, Андрюха потом предъявит...

— Так, может, завтра с утра на работу к ней?.. Ты ж адрес знаешь, вот и завалимся! — додумался наконец первый, явно обрадовавшись собственной мысли. — Да говорю ж — не приедет она сегодня. Ты ж сам сказал — выжрать любит. Ну так небось в лежку уже, трахается по пьяни вовсю, куда она поедет-то? Да и кто ее повезет, когда всю ночь можно трахать? Сам же говоришь, что ничего телка, — ну так стал бы ты классную телку из своей койки вытаскивать? Я б — да ни в жизнь...

— Да класс телка — все при ней, — подтвердил водитель, озлобив ее такой снисходительной оценкой — с таким уродом, как он, она бы в жизни не легла. — Только я тебе скажу, ханки жрет она много. Я ее где-то с месяц назад последний раз

видел — кайф. А вчера смотрю — рожа опухшая, потасканная, разит так, будто год жрет без перерыва...

Она сжала кулаки, бесшумно выдавливая из себя адресованное водиле ругательство, так громко скрипнув зубами, что странно, как они не услышали.

— Ну я и говорю — если классную телку на ночь оставить можно, на кой ее обратно-то везти? — невозмутимо продолжал гнуть свое первый. — Я б не повез. Так, может, свалим, а, Колек? Отоспимся нормально, а к десяти к ней в контору подвалим — и привет. Андрюхе ж она ночью тоже не нужна — охота ему из дома выпираться ночью-то? Да и проблема в чем — что сюда ему ехать, что в офис к ней, ты же сказал, он тоже в центре? Чё она, орать начнет и ментам звонить, если в офис завалим? Нам же чё надо — или с ней посидеть, чтоб никуда не свалила, пока Андрюха не подъедет, или отвезти ее, куда он скажет. Так как?

— Ладно — ща девять, в одиннадцать обратно будь, — поставил точку водитель, делая шаг к лифту, скрываясь из поля зрения. — Я ща снизу Андрюхе звякну — если разрешит, может, до двух посидим и по домам. Не разрешит — прости, братан. Пошли вниз — стоим тут, базарим, на кой надо-то это...

Она подождала, пока приехавший за ними лифт не тронется вниз, — быстро проверяя, все ли замки

внешней двери заперты до упора, заодно запирая и внутреннюю. Медленно возвращаясь в гостиную — все пытаюсь понять, зачем она так срочно понадобилась Андрею. Может, объявился клиент, назначил встречу, попросил Андрея привезти ее, чтобы заключить-таки с ней контракт, — отсюда и спешка? А может, он хотел принести извинения, но не смог дозвониться, и забеспокоился, и послал людей проверить, дома ли она, не случилось ли с ней чего?

Она бы предпочла, чтобы все было именно так — и клиент, и извинения. И чтобы не существовало никакого третьего варианта — который, впрочем, она все равно не могла придумать никак. Ну не убивать же ее он их прислал — уж слишком незначителен был повод для такого большого человека. Про которого даже Вовка говорит, что он рассудителен, как дон Корлеоне, и справедливость любит — в смысле против кровопролития пустого.

Что ж, это приятно было сознавать — что он понимает, что был не прав, и понимает, что она обиделась, и, наверное, готов признать, что погорячился. Это было самое приятное известие за сегодняшний день — пока, правда, не известие, а догадка, но, без сомнения, абсолютно верная. Чего им тут еще было делать?

Наверное, надо было ему набрать — прямо сейчас. Лучше с мобильного — ведь она как бы не из

дома звонит. Набрать и выслушать то, что он хочет сказать, — а если он уж так хочет извиниться лично, назначить встречу на завтра. А пока выслушать все по телефону — пусть не открытым текстом, он ведь наверняка или дома, или в компании, но ей хватит и нескольких сдержанных, зато наполненных нужным ей смыслом слов. Хватит для того, чтобы не просто сказать себе потом, что все совсем не так плохо, как казалось, — но чтобы уйти спать в прекрасном настроении и в таком же проснуться завтра.

Ей нужны были его слова — после всего, что было сегодня. Но она вспомнила вдруг, что раз она как бы не дома, то и о визите его людей она не может знать, а значит, и повода для звонка у нее нет. А к тому же она выпила сегодня — и он это сразу поймет. Если он до этого просекал по телефону, что она нетрезва, — то просечет и тут. А ей не хотелось, чтобы он услышал ее такой, — так что в любом случае предстояло ждать до завтра, как бы это ни было обидно.

Что ж, она была рада, что он понял свою неправоту. И может быть, понял и другое — что она значит для него больше, чем ему казалось. Она-то видела, что он равнодушен к ней, — а он, кажется, пытался внушать себе, что это просто секс. Хотя это большее нет-нет да прорывалось наружу — как тогда в Новый год, когда он преподнес ей дорогой подарок.

Может, поэтому они и стали потом встречаться реже — потому что он боялся слишком сильно увлечься? Потому что, ежедневно решая кучу проблем, связанных с бизнесом и криминальными делами, он не хотел еще и проблем личных?

Ладно, она его простит. И не будет напоминать, что именно он говорил. И не будет посмеиваться над его так внезапно проявившейся ревностью, которой не ждала от такого человека. И завтра же позвонит Вовке и что-нибудь придумает, чтобы вывести Андрея из-под удара. Скажет, например, что решила еще раз все уточнить — она ведь и не говорила, что на сто процентов уверена, — и нашла того журналиста, и дала ему денег, и оказалось, что статья про Леху пришла из другого источника. Одновременно с той, которую просил поставить Андрей, — но из другого места.

Она усмехнулась, говоря себе, что добилась всего не только благодаря умению общаться с мужчинами — но и потому, что всегда трезво мыслила и умела находить выходы из самых сложных ситуаций. И именно поэтому стала собой. И именно поэтому даже сейчас, нетрезвая и столько пережившая и, казалась бы, неспособная в данный момент мыслить логически, молниеносно придумала, как все решить. Сама подставила Андрея хитроумной комбинацией, сама его и вывела — и никто и не поймет, как оно на самом деле.

Джин полился в стакан, шумно стучаясь о стеклянное дно, — а потом замер, придавливаемый сверху соком, протыкаемый острыми ледяными краями падающих в него прозрачных кубиков. Все получилось по ее, и сегодня был последний день паскудной недели, полной пьянства и нервов. Самый тяжелый, наверное, — но зато последний.

И наверное, ей нужна была эта неделя — чтобы показать, что нельзя расслабляться, чтобы закалить ее и сделать еще жестче. Чтобы испытать ее перед выходом на следующий виток социальной лестницы. И она выдержала, и сдала все экзамены, и прошла все испытания — и за это следовало выпить. Много и с удовольствием.

Столько, сколько выпьется...

— Ну что вылупился? — Она только сейчас сообразила, куда он смотрит, пока она тут стоит, задумавшись, — на ее тело, открытое распахнувшимся халатом. Стоит и смотрит, паскудник, — пусть с восторгом, восхищением, раскрыв рот, но ей на хрен не нужны были эмоции этого чертова онаниста. И ведь черт знает сколько уже смотрит — потому что она стоит тут черт знает сколько, замерев как столб, переваривая услышанное от него и увиденное, до сих пор не понимая, как это могло произойти и почему. — Ты что, голых женщин никогда не видел? -

— Не-а! — Мальчишка сжался испуганно, прикрыл глаза, мотая головой, — а когда открыл их, она уже запахнула халат, придерживая расходящиеся полы рукой. — Простите, пожалуйста, — я не нарочно...

— Все, вали! — Она повернулась к нему спиной, перешагивая через порог собственной квартиры. — Вали, слышишь?!

И, захлопнув дверь и заперев ее, привалилась к ней спиной, чувствуя, как дрожат ноги, как плывет голова, как путаются прыгающие в мозгу мысли...

Звонок в дверь, нерешительный и робкий, застал ее врасплох, когда она была в душе. Странно, что она его услышала, — наверное, звонили не один раз. Наверное, этот кто-то стоял перед дверью и мялся и жался, перед тем как нажать снова, — и не уходил, потому что у него было какое-то срочное дело.

Она выругалась, поспешно смывая с тела остатки пены, понимая, что на вытирание уйдет слишком много времени. И, выбравшись из ванны, накинула на голое тело махровый халат. Пояс куда-то затерялся, и она огляделась, не найдя его, поеживаясь, потому что стекающая с коротких волос вода попадала прямо за шиворот. И, услышав новый звонок, выругалась еще раз, босиком выходя в коридор, придерживая полы халата рукой. Незло выругалась — потому что сегодня был первый день новой недели, первый день без депрессии, которая осталась в прошлом, как осталось и все плохое. Так что этот звонок должен был означать что-то хорошее — потому что это означа-

ли все звонки и визиты и встречи до появления карт.

Она нормально себя чувствовала, и даже не болела голова, хотя она напилась вчера прилично — просидела за бутылкой до двух ночи, кажется. Но проснулась сама в семь утра, и снилось что-то приятное, и настроение было отличное, и она встала легко — и, может, потому похмелье и отступило, для него сегодня не было места в ее жизни. А пара чашек крепкого кофе с аспирином и долгий контрастный душ, под которым ее и застал звонок, вообще заставили себя чувствовать такой, как всегда — свежей, энергичной, молодой. Готовой играть и кокетничать, придумывать схемы и воплощать их в жизнь, видеть людей насквозь и манипулировать ими, льстить и отдавать приказы, драться и выигрывать. Только выигрывать.

Поэтому она и рванула поспешно к двери. Ей некого было бояться, и она быстро отперла внутреннюю, не стремясь сделать это бесшумно, — но все же взглянула в глазок, оказавшись у внешней двери. С недоумением вглядываясь в стоящего на площадке мальчишку — самого обычного мальчишку лет четырнадцати, черноволосого, стриженного под горшок, в потрепанном джинсовом костюме и водолазке с растянутым воротом, в растоптанных кроссовках. Симпатичного, но явно нервничающего, переминающегося с ноги на ногу.

У нее было слишком хорошее настроение, чтобы крикнуть ему через дверь нечто типа «Иди отсюда!» или «Чё надо?» — даже несмотря на то, что он вытащил ее из душа, оно все равно было слишком хорошим. Может, потому она так рассмотрела его с головы до ног, отметив все детали. Может, потому начала открывать дверь, даже не поинтересовавшись, что ему нужно.

Она молчала. Он кивнул ей торопливо, когда она открыла, пробормотав «здравствуйте», и замялся, глядя ей в глаза. А потом медленно опустил взгляд, кажется, задерживаясь им на всех выпуклостях, подчеркиваемых обтянувшим мокрое тело халатом.

— И что? — поинтересовалась с юмором — ей понравилось, как он ее разглядывал. Не то чтобы ей интересно было внимание малолеток — она даже своих ровесников не жаловала, предпочитая мужиков постарше. Но сегодня это было приятно, тем более что она узнала его наконец — он жил напротив, и всегда здоровался, и смотрел на нее восхищенно. И даже тот охранник хренов, когда они столкнулись с мальчишкой внизу, пошутил, что это ее поклонник. — Ты что хотел?

— Я... я... — Мальчишка замялся. Ей казалось, что ему нравится стоять тут перед ней и ее разглядывать, хотя он и смущается, и бегать выдающими желание глазами то по груди, распирающей

стесняющую ее черную махровую ткань, то по тому месту, где короткий халат кончался, открывая упругие ляжки. — Вы извините, я...

— Тебя как зовут-то? — пришла к нему на помощь, понимая, что иначе он не скажет ничего связного. — Я Ольга, а ты?

— Пашка — Павел, — поправился быстро, явно стараясь казаться посолиднее. — Я... я по делу к вам...

— Ну? — Она улыбнулась. Ее давно никто не оценивал как женщину так высоко. Вон Андрей так просто обхамил — и сомневайся она в своей привлекательности для мужчин, она бы после его слов комплексовала до конца своих дней. Но она в ней не сомневалась — и тем не менее стыдливые, неумело скрываемые жадные взгляды мальчишки ей все равно льстили. — Давай-давай — что за дело?

— Я... вот... — Он протянул ей что-то, и она не сразу увидела, что там, потому что смотрела ему в глаза — большие темные глаза, достаточно красивые, с очень длинными ресницами, — думая про себя, что через пару-тройку лет он уже будет смотреть на взрослую женщину не со смущением, но с наглым вызовом. — У вас тут лежало — а я подумал...

Она протянула руку, не глядя, ощущая пальцами и ладонью что-то бумажное, прямоугольное,

плотное, типа маленького рекламного проспекта или большой визитки. Наконец опуская глаза — и видя в собственной руке три карты. Те самые карты — валет, дама и король пик.

Кажется, она ничего не сказала. Она просто застыла, глядя на них, а придерживающая полы халата рука поднялась к голове, автоматически поправляя волосы, откидывая их назад. И стояла так черт знает сколько — видно, до нее все еще не дошло, что именно она держит. А потом, сообразив наконец, разжала пальцы, глядя, как карты падают к ногам, делая шаг назад. Только сейчас замечая шарящие по ее телу глаза мальчишки. Облизывающие обнаженную грудь, высокую, еще упругую, немаленькую совсем, с большими красными сосками. Гладящие то, что находилось между ног, еле прикрытое тонкой полоской светлых волосков.

И грубо поинтересовалась, чего он так вылупил-ся, неужели не видел голой женщины никогда? И, услышав в ответ его испуганное «не-а», послала его подальше. И, захлопнув за ним дверь и заперев ее, привалилась к ней спиной, чувствуя, как дрожат ноги, как плывет голова, как путаются прыгающие в мозгу мысли.

Этого не могло быть. Не должно было быть. Ведь она рассчитала все, вычислила точно, сказав себе, что это Синица, давший кому-то бабок, чтобы ей

подкладывали карты. И он добился своего, она вышла из равновесия, начала психовать, и переговоры с клиентом кончились ничем — пока ничем, именно пока, потому что она не сомневалась, что все решится в ее пользу, хотя Сеница об этом и не догадывается. И карты пропали сразу — в них больше не было нужды. Но раз они появились — значит...

Черт его знает, что это значит! Может, клиент велел своему помощнику по рекламе — тому самому, с которым она разговаривала, который наверняка был давно повязан с Сеницей, отдавая ему заказы и получая обратку, — ее найти, может, просто сказал ему, что пока думает, с каким рекламным агентством заключить договор. И Сеница узнал и начал все снова. Хотя, если честно, ему проще было бы заказать ее — ведь она не сомневалась, что, не среагируй она на карты, ее бы застрелили через несколько дней.

Так что, похоже, это был не Сеница. Но кто тогда? Та самая непонятная женщина, которую упоминала цыганка? Или — или Андрей? Безумная мысль — но ведь его люди ошивались тут вчера, до двенадцати ночи собирались ошиваться, а утром появились карты. Разве не логично?

Все это был бред — всего этого не должно было быть. Потому что она все себе объяснила, разложила все по полочкам четко и конкретно — и продолжение истории с этими картами было нелогичным,

необъяснимым, не поддающимся анализу. И потому так шокировавшим ее.

Она не понимала, почему они появились опять — и почему именно сегодня, как только она решила, что все плохое осталось позади. Как только настроилась на то, что начинается новая жизнь. Как только успокоилась и в который раз заново обрела уверенность в себе — иссякающую с каждой новой попыткой восстановиться. И вот все началось опять.

Ей снова было плохо — кружилась голова, тряслись руки, все дрожало внутри, словно она проглотила работающий на предельной скорости миксер. И потому она машинально сделала именно то, что делала всю прошлую неделю, когда ей становилось плохо, — вернулась в гостиную, выливая в стакан порцию джина, заливая ее остатками сока и отправляя внутрь. Спыхватываясь, только когда стакан опустел, а крепкая смесь размочила благие намерения, растворяя их, вытесняя из организма. Но все же спохватилась, пусть с небольшим запозданием, — и еще через секунду она была в спальне, извлекая из сумочки отключенный мобильный, набирая знакомый номер.

— Привет! — Она поздоровалась чуть более взволнованно, чем следовало бы, — но ей было плевать. Она думала о том, что услышит от него, — а не о том, как звучит со стороны. — Ты меня искал?

— О, какие люди! — Он был слишком холоден для человека, посылавшего на ее поиски людей, заставившего их чуть ли не сутки сидеть у ее квартиры. — Рад, рад. Откуда такая информация? Ты у себя, кстати, — я б перезвонил, через пару минут буквально...

На заднем плане слышались далекие голоса — кажется, детские или женские. Значит, он был дома — и его нежелание разговаривать в данную секунду было понятно. Но она не могла ждать.

— Нет, я у людей тут одних, — ответила обтекаемо, сама не понимая причины такой скрытности, — может, так среагировала на его холодность? — А информация... Звонила на домашний, с автоответчика считывала, что наговорили. Ну и...

— Да я, кажется, не оставлял ничего... — Он был слегка удивлен, но пытался вспомнить, значит, она была близка к истине. Надо было прослушать автоответчик с утра или вчера еще — но почему-то не пришло в голову, и ей везло сейчас, что он не сообразил еще, что это блеф. — Я вообще-то набирал тебе пару раз, дело было одно, а у тебя пустота. Так ты откуда? Может, на работу позвонить — ты к скольким там будешь?

Все это было как-то неправильно. Прежде всего потому, что он был не слишком приветлив — чересчур сдержан даже. А к тому же он врал — уж

раз он посылал к ней людей и хотел, чтобы ее ждали всю ночь, значит, он звонил раз двадцать, не меньше.

— Мне казалось, ты говорил, что больше не хочешь иметь со мной дел? — Это прозвучало не как упрек — ей удалось собраться, так что интонация получилась прохладной, но в то же время игривой. — И вдруг такие перемены. Я растерянна, если честно...

— Да с человеком одним тут беседовал — с общим, если можно так выразиться, знакомым. — Он был деловит и отстранен, он говорил с ней как с чужой. — Сообщил он мне кое-что интересное — очень интересное, тебе, может, тоже любопытно станет. А если короче, то встретиться надо — сегодня. А лучше прямо сейчас. Ты скажи, где ты, — я за тобой Колю пришлю. Или время назови, когда на работе будешь, — он туда приедет.

— Ты прям загадочный какой-то! — Она усмехнулась, понимая, что говорит с ним не совсем правильно, — но он сильно задел ее своим поведением и своими словами, и она до сих пор чувствовала себя уязвленной. — Может, тебе лучше с девчонкой с Тверской встретиться — тем более что на них смотреть приятней, чем на меня...

— Завязывай! — Брошенное им слово прозвучало как команда — резкая, грубая. — Адрес называй или время, когда будешь в офисе, — и...

— А я, может, там и не буду сегодня — может, у меня другие планы, — протянула, судорожно пытаясь понять, что стоит за его словами. — Давай завтра — или в среду. Ну до конца недели точно уж встретимся — отвечаю...

— Я тебе сказал — сегодня. Дело важное, разговор серьезный, отлагательств не терпит! — отрезал он, леденея и тяжелея голосом. — Шутки хватит — о деле речь. Хочешь, чтобы тебя привезли, куда я скажу, — значит, привезут. Так, может, лучше самой приехать? И учти — приедешь в нетрезвом виде, протрезвят насильно, не для пьяных разговор.

Она нужна была ему не за тем, чтобы извиняться, — он бы не говорил с ней так. Это больше было похоже на то, что объявился тот клиент — который, как она и рассчитывала, на нее клюнул, — и Андрей не мог ее не привезти. Но заодно хотел показать ей, что все еще злится, — и, может, рассчитывал, что она извинится сама, когда сделка будет заключена. Что ж, это все объясняло — но... Но что-то подсказывало ей, что дело совсем не в этом.

— Это ты лично так срочно со мной побеседовать хочешь — один на один? — поинтересовалась как бы невзначай. — Я, конечно, польщена — но раз на меня неприятно смотреть, может быть, не стоит себя напрягать, а?

— Нет, втроем мы будем! — В голосе Андрея была злость. — Все, не могу я сейчас говорить долго. Так...

— Подожди! — Он был с ней резок, и она могла позволить себе то же, наплевав на его крутость хотя бы сейчас. — Что за третий — и о чем речь? Мне это, может, и неинтересно совсем...

— Мне интересно! И не шути — все равно найдут и привезут! — Он вдруг смягчил тон, словно вспомнил, что говорит по телефону. — Завязывай, о'кей? О чем речь пойдет — узнаешь. А третий — Вова его зовут, тебе это что-нибудь говорит?

Она молча нажала на сброс, прислонясь к стене, чтобы не упасть, физически ощущая, как уходит из-под ног земля. Как пересохло во рту и прилила к голове кровь.

«Ну что ты гонишь, подруга? — поинтересовалась у самой себя минут через пять вымученно веселым тоном. — Что о дерьме-то сразу? Клиента того как зовут — правильно, Вова. А как он его еще по телефону должен был назвать — по фамилии, что ли? И не угрожает он совсем — что, по телефону бы угрожать стал? А злится потому, что дома сейчас, жена рядом, наверное, — ты вспомни, он ни разу ничего не сказал такого, что показало бы, что с женщиной разговаривает, и по имени не называл. Жена наверняка ревнует же, догадывается, что он на стороне кого-то трахает, —

а ты его напрягаешь и напрягаешь, вот он и злится. А «найдут и привезут» — так это он клиента не хочет подвести. Видит, что ты ломаешься, обижаешься, — как ему еще сказать, чтобы ты поняла, что это важно? Так что нормально все, подруга, новая жизнь началась, клиент на подходе. Ну пострадала за него — так получила же все, а просто так ничего не бывает. А карты — да ни хрена они не значат, бумажки паскудные...»

Успокоить себя не получилось, и она тяжело опустилась на кровать, обхватывая руками голову, говоря себе, что обманываться не стоит. Потому что о Вовке Андрей говорил — о вложившем ее Вовке. Который то ли не поверил в ее внезапно проснувшиеся чувства к Лехе, то ли испугался сводить счеты с Андреем. И позвонил ему, попросил о встрече и все рассказал. А что, ему прямая выгода — с таким человеком, как Андрей, закончить. Раньше и мечтать об этом не мог, слишком мелко плавал — а тут она ему сама дала повод подняться. Он тут небось без Лехи трясся, что кто-нибудь да завалит, — такого веса, как у Маленького, у него никогда не было и не будет, никто он, короче. А тут появилась возможность обрести сильного союзника, который оценит, что Вовка первым делом к нему пришел и выложил все.

А она — какое ему дело до нее? Она для него баба, которую Леха трахал и всем обеспечивал —

и которая отвернулась от Лехи, как только он попал. Ничто, короче.

Все было кончено — на этот раз точно все. Потому что и Вовке, и Андрею уже понятно, что именно она спровоцировала Лехину посадку — она сама себя выдала. И даже если Андрей ей ничего не сделает — все же она женщина, все же между ними было кое-что, так что, может, и простит, если ей посчастливится придумать что-то очень убедительное, — то не простит Маленький. И Вовка ее кончит рано или поздно — даже если пообещает Андрею этого не делать. Скажет потом, что он ни при чем, что, значит, Леха ее кому-то другому заказал — и весь разговор.

Все было кончено — и жизнь повисла на волоске, и похоже, что агентства она уже лишилась, оно уйдет в качестве компенсации одному либо другому, и соответственно всего остального лишилась. Вообще все кончилось — из-за этих проклятых карт, трех траханных бумажек, которыми ее уничтожил непонятно уже кто. То ли Синица, то ли Андрей, то ли Леха — сейчас все уже казалось возможным.

А может, и сама судьба — которой надоело, что она ее обыгрывает все время, и которая долго выжидала, пока она расслабится и можно будет нанести удар. Но не прямой, не в лоб — это бы она вынесла. А тут прямо целая комбинация была,

хитрая иезуитская комбинация, словно судьба была суперкомпьютером, а она шахматистом-новичком — и она ловилась на компьютерные ходы, и втягивалась в западню все глубже, и совершала ошибку за ошибкой. И вот наконец оказалась в ситуации, из которой выхода не было. Только в этих шахматах нельзя было сдаваться — пленных тут не брали.

Очередной звонок в дверь вырвал из мыслей, и она передернулась, испуганно глядя в сторону коридора. Не понимая, как Андрей догадался, что она дома, — и как его люди так быстро оказались тут, буквально через пять минут после звонка? Неужели не сомневались, что она прячется, и ждали у машины, и тут же поднялись?

Она до сих пор не могла поверить, что все это происходит с ней. Что ее тонкая, хитро продуманная игра с Вовкой не удалась, оказавшись слишком прозрачной, слишком неубедительной даже для такого тупорылого отморозка. Что она, такая хитрая всегда, такая расчетливая, погубила сама себя. Она всегда всех использовала и всегда оказывалась хитрее, выигрывая, получая от используемых мужиков все, что можно, и выбрасывая их за борт.

Но теперь все изменилось. Теперь тупорылый Вовка видел ее насквозь, а Андрей, которому она долго объясняла, что находится у кого-то, догадался в секунду, что она дома. Словно эти карты

лишили ее вообще всего — не только уверенности, не только внутренней силы, раньше видной всем и всех ставившей на место, но и хитрости, умения интриговать и обманывать. И вместо этого сделали ее слабой, глупой и прозрачной.

Наверное, надо было идти открывать — что толку прятаться, тем более когда все равно никуда не скроешься? И хотя глубоко внутри еще брезжила надежда на то, что она видит все в черном свете после недели депрессии и пьянок, а на самом деле все нормально, она знала, что это просто попытка обмануть себя. И следует признать, что ей негде скрываться, некуда деваться — тем более что она не готова бросить квартиру, «мерс», агентство, бросить дело своей жизни и все заработанное этим делом, чтобы бежать и спасти на время свою шкуру.

Да и куда бежать, собственно? Друзей, как она поняла, у нее нет и не было, поклонников тоже, а загранпаспорт лежал сейчас в офисе, куда являться не стоило — как не стоило и рассчитывать на то, что можно позвонить Татьяне, и та никому ничего не скажет, и рискнет, и привезет его в условленное место. Принеси она ей тогда тот чертов диск — может быть, даже очень может быть. Но она не принесла, она была занята своими проблемами, не подумала, что Танька может ей понадобиться в нестандартной ситуации.

Так что надо было идти открывать. Глупо прикидываться сейчас, что ее тут нет, — так только

можно еще больше озлобить Андрея. И лучше открыть, и поехать куда повезут, и по пути собраться и настроиться на последний и решительный бой. В котором, если выложиться, если использовать все, чему научилась за долгие годы борьбы за выживание, может и повезти. А может и нет.

Она выдохнула, вставая, медленно выходя в коридор. С усилием рисуя на лице улыбку, расправляя плечи, жалея о том, что не успела накраситься. «Не бойсь, подруга, в морге загримируют», — пошутила мрачно. Тут же вспоминая похороны, на которых была когда-то давно, уже не вспомнить чьи, — и грубо размалеванное морговскими умельцами лицо покойницы, превратившееся в клоунскую маску.

«Хрен вам — я еще поживу! — бросила с вызовом тем, кто находился сейчас за дверью. — Вас закопаю, а сама еще поживу». Но слова были пустыми и прозрачными, как дешевый полиэтиленовый пакет в руках пенсионерки, — и слишком слабыми и бессодержательными, чтобы можно было кого-то ввести в заблуждение. Даже саму себя...

За дверью стоял все тот же мальчишка. И это было так удивительно и так неожиданно, и такое облегчение появилось внутри, что она открыла дверь без вопросов, глядя на него так, словно не она его послала минут десять назад, словно она жутко рада его видеть.

— Я... — Он покраснел, прежде чем посмотреть ей в глаза. — Извините, я... там машина ваша — а на ней тоже карты. Вот...

— Ну спасибо — обрадовал! — Она усмехнулась, внезапно подумав, что этот мальчишка сейчас единственный, кто на ее стороне. Но, к сожалению, он слишком незначителен, чтобы можно было его использовать — хотя... — Ладно, раз пришел — заходи. Кофе будешь?

— Да я... — Мальчишка пожал плечами, все еще глядя в пол, вдруг оборачиваясь на свою дверь. — Я же в школу.

— Что, мать дома? — спросила понимающе, понижая голос, все пытаясь сообразить, почему она предложила ему зайти, что за неоформившаяся мысль заставила ее это сделать. — Боишься, что услышит?

— Нет, она рано сегодня ушла. — Мальчишка помялся еще, решаясь, наконец улыбаясь несмело. — А кофе я с удовольствием. Прогуляю один урок — ничего ведь страшного. Да хоть два!

Он храбрился, он, кажется, был прилежным учеником и не спецом по прогулам. И она качнула головой уважительно, подбадривая его, пропуская его внутрь, придерживая халат, чтоб не распахнулся. А когда, заперев дверь, повернулась к нему, он уже стоял в носках и без куртки — так поспешно раздевшись, словно она пригласила его не на кофе, а в постель.

— Давай проходи! — Она махнула рукой в сторону гостиной, идя за ним, все пытаясь сообразить, зачем он здесь. Постепенно нащупывая в мозгу тоненькую ниточку — пока неясно даже, короткую или длинную и какого цвета, — и медленно и аккуратно, боясь оборвать, начала вытягивать ее. — Садись, я сейчас...

В гостиной было тихо — видно, он сидел, вертя головой, разглядывая все, — а она, заложив кофе в кофеварку и залив воду, стояла на кухне, соображая судорожно. Последними усилиями сохранив-

шихся в ней остатков воли пытаюсь заставить себя мыслить быстрее. Ухмыльнувшись криво, когда смутно очерченная мысль вышла из тени на свет, представ во всем своем великолепии. В таком же, в каком представляли все ее идеи. Раньше.

Он мог ей пригодиться — потому она его и пригласила. Она могла использовать его на тот случай, если решит отсидеться. Он мог сказать вечером тем, кто опять припрется звонить ей в дверь, что она уехала — например, к родителям, срочно вызвали домой звонком, случилось что-то — и попросила его передать тем, кто будет спрашивать, что она вернется дней через десять. Ему поверят — он слишком честный на вид.

Он также мог быть связью между ней и внешним миром, мог выполнять ее поручения, например, продукты приносить, мог ездить, куда ей надо, — за тем же загранпаспортом или еще за чем. А она бы посидела тут и придумала бы что-то — полистала бы записную книжку, достала бы килограмм скопившихся у нее чужих визиток и что-нибудь бы придумала. Руководила бы агентством по телефону, занималась бы делами — и попутно своей проблемой. И может даже, за это время ситуация бы разрешилась сама собой.

А он — ему бы она заплатила. Судя по тому, как он был одет, у его матери не было и пятидесяти долларов в кармане. Так что она могла бы под-

кинуть ему денег — они б емугодились. То, чего он хотел больше всего — ее тела, — она ему, конечно, дать не могла, это было все же слишком. Но зато могла вызвать ему проститутку — да хоть к себе, пусть развлекаются в гостевой, скажем, почему нет?

— Ну что, сосед, — готов твой кофе! — Она поставила перед ним чашку, спрашивая себя, не переодеться ли, — халат был чисто для того, чтобы надеть после ванны, если неохота вытираться, но не для того, чтобы ходить в нем при посторонних, из него все торчало. Но с другой стороны, лучше было его подразнить, разжечь его и без того сильный интерес — чтобы он согласился на ее предложение не раздумывая. — Я, с твоего позволения, посижу в таком виде — ты ведь меня из душа вытащил. Или я тебя смущаю?

— Нет, что вы, нет! — выпалил он, опуская глаза, не глядя на нее. Садящуюся в кресло напротив, наливающую себе уже остывший кофе из кофейника, прикуривающую, а потом закидывающую ногу на ногу, чтобы хоть что-то от него спрятать. На грудь пусть смотрит — телевизор включи и в любом советском фильме с десятков голых грудей увидишь, — а остальное ни к чему. — Нет, спасибо — то есть за кофе спасибо, и..

— Куришь? — Она уже собиралась придвинуть к нему пачку, когда он мотнул головой. — И пра-

вильно делаешь — я в твоём возрасте тоже не курила. А потом втянулась, не бросишь уже. Ну, давай рассказывай — я слушаю...

— А... о чем? — Он был растерян, и ее это веселило. — О чем рассказать?

— Ну ты даешь! Ты же мужик, ты меня развлекать обязан. — Она выпустила струйку дыма, не спуская с него глаз — отмечая, что он сидит на самом краешке кресла, и к чашке так и не прикоснулся, и вообще не в своей тарелке себя ощущает. Хотя и уходить явно не хочет. — Да про все рассказывай — чем занимаешься, какие планы на жизнь, с какими девчонками встречаешься. И что это за девчонки, если ты до сих пор женщины без одежды не видел...

Она не знала, как с ним говорить, — он был слишком мал для нее, она на таких не то что не обращала внимания, она их вовсе не замечала. И потому заговорила как с равным — отметив с удовлетворением, что именно такой тон его расслабил, кажется.

— Учусь в школе, девятый заканчиваю — тут рядом, французская, знаете? — Он, кажется, испугался, что ей станет неинтересно и она его пошлет подальше, — и переключился на другое, намеренно и безуспешно стараясь сделать голос поглубже. — А девчонки... Маленькие они еще...

— Тебе сколько — четырнадцать? — Мальчишка кивнул — она угадала, и это был еще один плюс. — Ты не отчаивайся, Павел, все впереди. Ты парень приятный, через пару лет все девчонки в школе твои будут — если правильно себя поведешь. Будешь за ними бегать — ничего не выйдет, а будешь равнодушным — сами придут. Так что насмотришься еще на голые тела женские — и помоложе, чем мое...

— Нет, вы... — Мальчишка замялся, поперхнувшись кофе. — Вы красивая... очень. Я вас сразу заметил, когда вы сюда переехали — еще когда ремонт у вас шел.

— Да ладно! — Она отмахнулась шутливо, она почему-то не нервничала совсем сейчас, разговор ее отвлекал — хотя в уме она не переставала просчитывать варианты, это на подсознании происходило. — Но за комплимент спасибо. И кончай стесняться — нравятся тебе те, кто постарше, так это нормально, что тут такого? Слушай, а в старших классах девчонки-то есть симпатичные или заняты все уже?

— Есть — одна там есть... — Мальчишка оживился, словно правильно выбранный ею тон дал ему возможность чувствовать себя равным с ней. — Ленка Овчинникова из десятого — классная девчонка. Но... я же младше... И в нашем классе есть ничего — но...

— А ты поуверенней будь, — посоветовала, постепенно все больше отвлекаясь от разговора, чувствуя, что вот-вот поймает то, что ищет. — Им тоже кто постарше нравятся — потому что те поувереннее, посильнее, пригласить куда-нибудь могут, знают, как с женщиной себя вести и что с ней делать. Подожди, я сейчас — не то сижу тут ненакрашенная перед тобой...

Пусть посмотрит, как красится женщина, — в этом не было ничего такого. Уж если он так на нее смотрел, когда она была без косметики, — то пусть увидит, как она изменится с помощью волшебных диоровских кисточек и карандашей, помады и туши. Можно было, конечно, и не краситься, коль скоро она собиралась тут засесть — но все же он был какой-никакой, а мужчина. Да и вообще ходить ненакрашенной даже дома ей не нравилось, паскудные привычки прошлой недели пора было забывать.

Он следил за ней — она это чувствовала, сидя напротив него, установив перед собой ревлоновское зеркало на ножке, не поднимая глаз, но физически ощущая его взгляд. Это было смешно — что он так на нее реагировал и что ей это нравилось. И даже то, что он слишком интеллигентный был, слишком нерешительный и робкий. Мужчин таких она ненавидела — а вот он ей нравился. Да и к тому же развязного уличного маль-

чишку она бы и не пустила сюда, он бы не подошел для той роли, которую она собиралась отвести этому, — они слишком хитрые, дети улицы, и запросто могут продать, если им больше предложат. А этот был честный, порядочный, умеющий хранить тайну — она это видела. И потому он ее вполне устраивал.

Она усмехнулась мысли о том, что он единственный, на кого сейчас еще действуют ее, так сказать, чары — ни на мента, ни на Андрея, ни на Вовку они не подействовали, они настолько ослабли, что годились только для этого четырнадцатилетнего девственника. И это было хреново, конечно, — но хорошо, что хотя бы на него. Потому что с его помощью она перенесет это добровольное заточение, он будет помогать ей и внушать уверенность в себе, от него она будет подпитываться энергией, благодаря ему она подготовится полностью к решающему шагу, будь то отъезд за границу или попытка наладить отношения с Андреем, свалив все на Вовку. Ведь можно обвинить его в том, что он соврал — намеренно соврал, потому что так велел ему Леха, озлобившийся на нее за молчание и неприезды и неписание. Разве плохая версия?

Она вдруг вспомнила, что у нее где-то есть визитная карточка человека, который мог бы решить вопрос с Вовкой. Чечен, подваливший к ней полгода назад на одной тусовке, — яркий такой, с грубым

мужским лицом, дорого одетый, во всем черном, естественно, обходительный и галантный. Тусовка была с шоу-бизнесом связана, черт знает откуда он взялся там, но кто-то ей потом сказал, что чечен авторитетный. Правда, они тогда просто обменялись визитками — и он ей звонил пару раз в офис, звал в ресторан, но она сказала, что куча дел, перезвонит сама обязательно, а Таньку предупредила, чтобы с этим больше не соединяла ее.

Знать бы заранее, что он может понадобиться, — да откуда? Но ведь понравилась ему тогда, сильно понравилась, и если связаться с ним, и напомнить о себе, и рассказать, что ей угрожает опасность, и выложить немного измененную историю про Леху и его соратника Вовку... Выход? Еще какой! Не будет Вовки — и Андрею нечего будет ей предъявлять. А с чеченом она рассчитается — все равно с Андреем никаких дел у нее уже не будет. Так что осталось только найти эту визитку и позвонить.

Прошедшая неделя изменила ее — и сильно. Потому что она тут же откинула показавшийся спасительным вариант — сказав себе, что или чечен ее забыл, или обиделся, или давно нашел кого-то. И даже если нет, он вовсе не обязан из-за нее кого-то убирать. Будь у нее время его обработать — недели две, месяц, — может быть. Но у нее не было этого времени. Да к тому же он мог оказаться не при делах — или при делах, но не настолько

авторитетным. Так что надо было срочно придумать что-нибудь другое. Потому что в спальне звонил и звонил тихо и жалобно мобильный.

Она тасовала в мозгу лица, фамилии и имена — не находя никого, кого можно было бы задействовать, кто согласился бы ей помочь без вопросов и сразу. Она знакома была с солидными коммерсантами, и комитетчик один был не из последних, и из налоговой полиции были люди — но было бы наивно верить после стольких проколов в волшебную силу своего обаяния. Так что по крайней мере пока не похоже было, что эта отсидка под домашним арестом даст ей что-то. Ей надо будет постоянно выходить, ей надо будет с кем-то встречаться, иначе нельзя ничего решить, — а если ее будут караулить...

— Слушай, Павел, — а у машины моей был кто? — Она перебила его, он что-то рассказывал увлеченно в тот момент, когда ее осенило, и осекся на полуслове, глядя на нее непонимающе. Кажется, даже надувшись — обидевшись, видно, что она не слушала, пока он тут ей выкладывал что-то откровенное. Но в данную секунду ей было все равно — потому что ей пришел в голову куда лучший выход. — Я говорю — ты к машине моей спускался, карты из-под дворника вынимал — никого не заметил? Рядом, может, кто-то ходил — или в соседней машине сидел? Ты извини, что я перебила, — но это важно...

— Да нет, ничего, я так, ерунду всякую... — Глаза его вдруг расширились, он, кажется, понял смысл вопроса наконец, почуяв что-то детективное. — Нет, а что? За вами... следят?

— Да вроде того. — Она улыбнулась, показывая, что никакой опасности нет. — Поклонник один — надоел, сил нет, а в покое никак не оставляет. Хочешь мне помочь, Павел?

Он кивнул — кивнул с такой готовностью, что она вовремя стерла с лица улыбку, которую он мог неправильно истолковать. И задумалась, не нарисовать ли на нем сомнение и колебание, не сказать ли ему задумчиво, что она его не знает, и хотя он приятный парень, и ей нравится, и она хотела бы ему доверять, но дело очень щекотливое, пусть и не опасное. Но потом решила, что времени для игры нет, — и она ничего не даст, эта игра.

— Тогда вот что, — произнесла, наклоняясь к нему поближе, улыбаясь заговорщически, и он тоже наклонился, серьезнее внешне, выдавая любопытство блеском глаз. — Поклонник этот — достал он меня, понимаешь? Домой звонит, на работу, а тут еще адрес домашний узнал, стал сюда припираться — просто беда. Он богатый человек, понимаешь, со связями — не бандит, бизнесмен, — и посылать его подальше не хочется. Но вот не нравится он мне — и все.

Вот ты — нравишься, а он — нет. А я не могу в постель ложиться с тем, кто мне не нравится, — понимаешь?

Мальчишка густо залился краской, кажется, слишком буквально истолковав ее слова, — но это было его право, они для него произносились, и как объяснение, и как приманка.

— Обращаться ни к кому не хочу — кто не поймет, кто испугается, да и общих знакомых у нас с ним много, не хочу на них полагаться, ненадежны. А ты — тебе почему-то верю. Так вот — я уеду отсюда ненадолго, есть у меня пара вариантов, где пожить временно, но помощь твоя мне бы очень пригодилась. Готов? Школа и мать не помешают?

Он закивал отчаянно — словно слишком много рвалось из него слов, и в горле образовалась пробка, и только так он мог выразить готовность сделать все, что она попросит.

— Сразу видно — настоящий мужчина! — Она покивала головой оценивающе. — Значит, так. Тут ко мне приходить будут, в дверь звонить — и сегодня, и завтра, думаю, а может, и послезавтра тоже. Ты ж услышишь, если тут топтаться будут на площадке? Ну вот — как услышишь, выгляни и скажи, что я просила всем передавать, что улетела за границу, на лечение, буду недели через три. Понял?

На мальчишеском лице проступило явное огорчение, и она подмигнула ему ободряюще.

— Да нет — это для них, а я здесь буду, рядом. Это сделаешь — я тебя еще кое о чем попрошу. Подъехать в контору одну и кое-что забрать от моего имени — и потом мне передать, мы с тобой в городе где-нибудь встретимся, в ресторане посидим. Нормально — сможешь? Тогда дай-ка я твой телефон запишу — и заодно свой мобильный тебе. А звонить буду так — если мать подойдет, вешаю трубку, чтоб ты понял, что я звонила. Значит, тут же подходи сам — понял?

— Да, конечно! Я... вы скажите — я сделаю! — Мальчишку прорвало наконец. — Если надо, я и в школу могу не ходить, правда! Утром буду с мамой выходить — а сам тут же обратно. И дома буду целыми днями сидеть, если надо, — чтобы, если что, если вы скажете... И поехать куда угодно — правда, я смогу, я сделаю...

— Ну подожди, подожди! — Она протянула руку, мягко ероша его волосы. — Пока только это — передать, что я сказала, тем, кто сюда припрется. А там посмотрим. Вечером тебе позвоню — и договоримся. Только все между нами, понял?

Мальчишка захлебнулся от чувств, но она не собиралась выслушивать его излияния.

— А сейчас, — продолжила деловито, — сейчас иди вниз и покрутись там около «мерседеса». Только так, чтобы никто не догадался, что ты там делаешь, — о'кей? Посмотри, что за машины ря-

дом, нет ли там кого, и что за люди ходят, и вообще. Но только так, как будто ждешь кого-нибудь или гуляешь просто, — чтобы тебя не вычислили. Минут двадцать походи и вернись — о'кей? И — сейчас, погоди...

Она вышла в спальню, возвращаясь с сумочкой, извлекая оттуда стодолларовую купюру.

— Это тебе — за помощь. Да бери, бери — купишь девчонке цветов, сводишь куда-нибудь. Ну эту свою, как ее — которая старше...

— Ленку? Так она не моя, — начал было он, но она перебила — потому что время сантиментов кончилось, пора было переходить к делу.

— Сейчас не твоя — значит, будет твоя. Если сводишь куда-нибудь и букет роз подаришь — точно будет. А я тебе потом еще подброшу — идет? Ну а как кончится вся эта история, с меня стол. Посидим где-нибудь или у меня, отметим — идет? А сейчас...

Он съежился, качая головой, показывая всем видом, что деньги ему не нужны. — но она шагнула вплотную к нему и, благо он встал уже, впихнула сотню в карман поношенных джинсов. Заставляя его побагроветь — словно она пыталась его раздеть или проверить, что у него там в штанах. И, беря его под руку и прикладывая палец к губам, повела к двери.

— Ой, я... — Он обернулся с таким отчаянным видом, что она подумала, что он забыл что-то. — Там визитки у вас на столе — можно я одну возьму?..

— Да потом возьмешь — ты же ко мне придешь еще, верно? — Он тянул время, которое до этого она тянула сама, но теперь оно стало играть для нее совсем иную роль. — Счастливое избавление от поклонника отмечать же будем — забыл? Ты не забывай — я буду ждать. Ну ладно, ладно — бери, я тебе на ней мобильный запишу...

Он метнулся в комнату, хватая синий кусочек картона, вывалившийся вместе с другими визитками из сумки, и вышел, бережно держа его в руках, протягивая ей. И когда она, быстро нарисовав на обратной стороне семь цифр, вернула ему визитку, он так бережно ее взял, словно это реликвия была какая-то, словно на ней стоял автограф звезды какой-нибудь. И аккуратно уложил ее в карман джинсовой куртки, проведя по нему несколько раз, словно разглаживая на карточке несуществующие морщины.

— Спасибо. А правда — вы правда меня потом пригласите еще?

— А ты как думал? — Она подмигнула ему, касаясь пальцами его щеки. — И попробуй не приходи. А сейчас давай вниз — и осторожнее...

Она все еще улыбалась, закрывая за ним дверь. Как ни комично все это было, но это был единственный человек, который был готов ей помочь — и сделать все, что она скажет. Что ж, он, конечно, был не самый влиятельный и не самый сильный человек — но в любом случае она собиралась использовать его по полной, как использовала всегда и всех.

И хотя вряд ли он мог поднять ее, как используемые ею прежде мужчины, на очередную высоту — но он мог помочь ей сохранить жизнь. А это уже было очень и очень неплохо...

Двигатель завелся с полуоборота, и она улыбнулась своему отражению в зеркале заднего вида — хоть здесь ей повезло, значит, должно повезти и в остальном. И тут же напряглась, видя приближающуюся по переулку машину. Вблизи оказавшуюся слишком непрестижной и обшарпанной, чтобы ее пугаться.

Старенький «форд» проскочил мимо, замедлил ход, перед тем как свернуть на Садовое, и выполз аккуратно в крайний ряд широченного шоссе. А она, проводив его взглядом, покосилась на лежавший на заднем сиденье саквояж, спрашивая себя, не забыла ли что.

Вроде нет — за полчаса, отведенных себе на сборы, она, кажется, упаковала все, что нужно. Все наличные, что были в доме, всякие мелочи типа косметики, запас белья, строгий костюм и туфли, записную книжку и кипу вытащенных из

стола визиток. Может, надо было взять плащ — солнце припекало, в пальто вот-вот будет уже жарко, тем более что черт его знает, когда она теперь появится дома, может, через пару недель только, — но возвращаться не хотелось. Станет жарко — будет ходить в кожаных джинсах и водолазке, которые были на ней. А вот костюм вообще может не понадобится. Она его на всякий случай взяла, если надо будет с кем-нибудь солидным встретиться в соответствующей обстановке.

«Мерседес» урчал тихо, кажется, радуясь тому, что она снова в нем. И ее это тоже радовало — что она приняла решение уехать. Она бы не высидела в четырех стенах, дергалась бы всякий раз при звонках в дверь или по телефону, думая, не придет ли в головы Андреевых или Вовкиных людей блестящая идея вскрыть ее квартиру, чтобы убедиться, что ее там нет. Запросто — вызови слесаря, дай денег, скажи, что боишься, что тому, кто живет тут, стало плохо, и вперед. И каково ей будет, когда в квартиру войдут и увидят тут ее?

А к тому же за прошлую неделю квартира превратилась в какую-то тюрьму, в осажденную картами крепость, в которой она пряталась от них, всякий раз веря, что наутро они отступят, устав от осады. Но они не уставали — а теперь на помощь картам пришли и люди. Так что останься она, на нее давили бы стены, за которыми ходят враждебные ей личности. И она не придумала бы

ничего в такой обстановке — ей нужны были простор, спокойствие и свобода.

Она не знала еще, куда поедет, — главное, что отсюда. Наверное, имело смысл заскочить в какое-нибудь тихое кафе, где можно посидеть и поразмыслить. А оттуда — в гостиницу, она знала один небольшой отельчик в центре, где не было элитных и посещаемых ресторанов, как в «Балчуге», «Паласе», «Метрополе» и прочих, где шанс столкнуться с кем-то из тех, с кем сталкиваться не надо, был крайне низок. Она бы пожила там несколько дней, посидела бы на телефоне, повстречалась бы с теми, кто мог помочь, — в конце концов, у нее был миллион знакомых, о многих из которых она забыла давно, и кто-нибудь мог оказаться полезным. А заодно можно было попробовать вытащить свой паспорт из агентства с помощью мальчишки — в крайнем случае сделать новый: недели хватит. Это на тот случай, если она найдет тут кого, кто возьмется за ее дела, — а ей придется уехать на время, чтобы ее никак к этому не привязали.

А на крайний случай — на крайний случай она могла махнуть в Курск. В конце концов, она родилась там и росла и именно оттуда уехала, как это модно говорить, покорять Москву. Так, может, имело смысл вернуться домой, и поднабраться сил, и с этими самыми новыми силами приехать обратно — и приехать не одной.

У нее не было особого времени на раздумья — но она уже успела вспомнить, что в последний ее приезд в Курск мать рассказывала про ее бывшего одноклассника. Они еще в детский сад вместе ходили — где ее мать работала воспитательницей, а потом директором стала. В общем, можно сказать, она с ним с детства была знакома. И в одну школу ходили, пока его не выперли — он хулиган был жуткий, когда в старших классах учился, его вся школа боялась.

Он ухаживал за ней, еще как — даже после того, как в другую школу перевелся. Ну как ухаживал — сначала за волосы дергал и под юбку пытался заглянуть, зато потом стал в кино приглашать и ерунду всякую ей писать мелом в подъезде. И бить морды всем, кто на нее заглядывался. А потом его посадили — за хулиганство, кажется, — и на том ухаживания и закончились. А когда он вышел, она уже в Москве была — один раз столкнулись в Курске, как раз когда она третью по счету летнюю сессию сдала и приехала домой сообщить, что переводится на вечерний, так как ее берут в штат в одну из крупнейших газет. Ну вот и столкнулись случайно — постояли на улице, поговорили о том о сем, а он так пялился на нее, прям раздевал глазами, что она разозлилась. Она, в конце концов, московская журналистка, штатный корреспондент — а он уголовник какой-то.

А когда в последний раз приезжала, три года назад почти, мать ей сказала, что Сашка про нее все время спрашивает, привет просит передать, теле-

фон даже узнавал — а она не дает, потому что Сашка чуть ли не главный бандит во всем Курске. И два месяца назад, когда она матери звонила, та опять про него вспомнила — новостей, видно, нет особых, вот и выкладывает все подряд. Мол, Сашка с женой развелся, но за дочкой в сад приезжает иногда и всякий раз интересуется, когда ты домой наведаешься. И вежливый такой, да и в детстве очень хороший мальчик был — а люди его боятся до смерти. А любимый сын Валька — брат ее в смысле — вообще заявляет, что по таким тюрьма плачет, да только не посадишь, потому что купили всех.

Что ж, теперь она была готова приехать и с ним пообщаться — тем более что он разведен. И переговорить кое о чем. Предложить ему, например, перебраться в Москву — при условии, что для начала он кое-что сделает для нее. А потом она поможет ему развернуться. У нее есть связи на самых разных уровнях — а он будет решать ее проблемы. Взаимовыгодно, но если у него еще и остались какие-то личные симпатии спустя одиннадцать лет после окончания школы — это только плюс.

Она подмигнула своему отражению в зеркале. Может, карты и отняли у нее часть ее сил и способностей, может, ей теперь до полного восстановления трудно было обольстить кого-то в Москве — но уж на провинцию ее хватит с лихвой. А быть любовницей бандита — если дойдет до этого — ей не впервой. И если она жила с Лехой, борясь с ним за

равноправие, — то уж этим она будет управлять только так. И вернется из Курска в такой форме, что тем, кто встанет у нее на пути, не повезет. А потом..

Она не знала, что будет потом. Зато верила, что все получится. Андрей тогда назвал ее хабалкой — так, словно пощечину дал. Ну что ж, пусть она хабалка — вот она и наберется сил в своей провинции и вернется оттуда с таким же провинциалом, только в отличие от нее абсолютно диким и нецивилизованным. И покажет тут всем этим москвичам — особенно тем, кто гордится, что родился тут, своей интеллигентностью и манерами гордится. Много чего покажет...

Стук в стекло оторвал от мыслей, и она повернула голову, видя у окна мальчишку, наклонившегося к ней, жестикулирующего отчаянно, говорящего что-то, оставшееся неслышанным. Вот надоедливый черт — такие мысли прервал! Но вернуться в них уже не удавалось — она отвернулась от него, а он все скребся и стучал, и она наконец опустила окно, глядя на него устало и недовольно.

Он утомил ее уже, если честно. Хотя все сделал как надо. Спустился вниз, побродил у машины, вернулся и доложил, что вокруг чисто. И бубнил чего-то, и вопросы задавал идиотские, мешая собираться, — и так хотелось сказать ему, чтоб заткнулся, но она сдержалась, хотя и с трудом. А потом он снова пошел вниз, с ее мобильным уже, полу-

чив указание следить за обстановкой и за тем, не войдет ли кто в подъезд — мужчина или двое, трое, может, молодые, крепкие, — и перезвонить минут через десять.

Выходить было немного страшновато — они могли стоять у двери, мальчишка запросто мог их пропустить или не разобраться в мобильном, несмотря на данный ему инструктаж, слишком торопливый, правда. Но она старалась не думать, сосредоточившись на квартире, проверяя, не забыла ли выключить свет везде, завернуть газ и все в таком роде, — а потом, выдохнув, решительно отперла дверь, выходя. И точно так же вышла из подъезда — как в ледяную воду ныряла.

А этот суетился рядом, изображая из себя шпиона, привлекая к ней и «мерседесу» ненужное внимание, — и продолжал надоедать и теперь, хотя она ему сказала уже, что он может идти, за все спасибо и до скорой встречи. Может, надо было чмокнуть его в щеку — но уже было не до него. Но с другой стороны, он мог еще понадобиться — поэтому она и опустила стекло.

— Я забыл совсем — а вы мне когда позвоните? — Она не сомневалась, что он спросил это просто так, он явно боялся, что она отъедет вот-вот, и ему жутко хотелось еще с ней потрепаться. — Нет, если надо, я всю ночь спать не буду — я просто...

— В девять устроит? — Она снова перевела глаза на зеркало, слыша звук идущей сзади машины,

облегченно выдыхая при виде «Жигулей». — Ну ладно, до встречи...

— Нет, подождите! Я еще хотел... — Мальчишка покраснел, замявшись, то ли не зная, что спросить, то ли желая спросить что-то очень личное. — Вы скажите — может, я еще могу сделать что? Вы только скажите — я готов, правда!

Ну что она могла ему сказать? Чтоб купил пистолет, и выслушал ее инструктаж, и пристрелил Андрея около его офиса? Или чтоб ходил в школу и хорошо учился, дабы потом хорошо зарабатывать и иметь возможность позволить себе такую эффектную женщину, как она?

— Ты сделай то, что просила, — а там посмотрим, о'кей? — Она снова заглянула в зеркало — не стоило торчать тут слишком долго, и так уже минут пять сидела. — Ну, привет!

— Нет, нет, я еще... Я вот еще что... — Голос его прыгал, и она утомленно покосилась в его сторону, думая про себя, что люди все-таки неблагодарны. Ну дали тебе сто баксов — так радуйся и вали. А этот прилип — не отвяжешься. — А правда — правда вы меня пригласите еще? Надолго?

Она кивнула раздраженно, отворачиваясь, нажимая на кнопку стеклоподъемника. Он что-то еще говорил, суетясь возле окна, — что-то про карты, якобы очень важное, — но она уже не слушала. Что он мог об этом знать, собственно? А выслушивать

его бред, который он готов нести сколь угодно долго, лишь бы она еще задержалась, желания не было.

Она повернула голову в его сторону, не видя при этом его, окидывая взглядом дом. Думая, что, наверное, квартиру придется продать — вряд ли ей захочется после всего жить в ней дальше. Но это — не раньше чем когда она вернется и разберется со всеми своими проблемами. Не раньше чем те, из-за кого она убегала отсюда сейчас, пожалеют, что связались с ней, — если успеют.

Она ухмыльнулась злорадно, трогая «мерс» с места, выкатываясь к повороту на Садовое, аккуратно выглядывая за угол, видя метрах в десяти от себя притулившуюся у тротуара гаишную машину и мента с палкой. А потом оглядываясь влево — на чистое пока Кольцо, по которому приближались к ней рванувшиеся с находящегося метрах в пятидесяти светофора машины.

Позволить ментам испортить себе настроение она не могла — не сегодня. И потому сдала чуть назад, тормозя, делая глубокий вдох, в последний раз оглядываясь на дорогу сзади — по которой катила неспешно в ее сторону темная «БМВ». И, чувствуя легкое напряжение внутри, вдавила педаль газа — чтобы рывком вылететь на Кольцо перед несущимися машинами и пересечь несколько рядов, и резким поворотом руля сразу оказаться в крайнем ряду. Уходя от ментов и возможного преследования — если те, кто в «БМВ», ехали за ней.

«Мерс» взревел, срываясь с места, визжа покрывками, вылетая резко на шоссе. Реакция из-за долгого пьянства стала похуже, и двухсотый, вместо того чтобы круто уйти вправо, на мгновение застыл чуть ли не перпендикулярно движению. И она усмехнулась, слыша, как заскрипели на все Садовое чьи-то тормоза, как отчаянный и запоздалый свисток мента прорезал загазованный воздух, — и, вывернув руль до упора, поставила ногу на педаль газа, собираясь через мгновение вдавить ее в пол. Говоря себе, что по крайней мере уезжает она с некоторой помпой — а значит, вернется с еще большей.

Ждите, падлы! Ждите, и...

Летающий в крайнем ряду огромный джип она не заметила — она в этот момент улыбалась зло, пытаясь развернуть плохо подчиняющуюся трясущимся рукам машину. А в следующую секунду «мерседес» застонал глухо, сминаясь, как пустая консервная банка, переворачиваясь, кувыркаясь по дороге — словно кто-то гигантский гнал его сильными пинками прочь из города.

Будь она в состоянии, она бы бросила с ненавистью этому гигантскому, что пусть она хабалка, но так просто ее отсюда не выставить. Это она всех выставит и со всеми разберется — и с ним, падлой, в том числе.

Но она уже ничего не могла сказать...

— Вон там, видишь, Лен? — Черноволосый мальчишка лет четырнадцати, стриженный под горшок, в поношенном джинсовом костюме и водолазке с растянутым воротом и разношенных кроссовках, показывал пальцем на ему одному заметную точку на забитом машинами Садовом кольце? — Видишь, нет?

— Да вижу, вижу! — Второй, белобрысый, одетый в великоватый ему спортивный костюм с рынка, безуспешно выдающий себя за «Адидас», кивнул головой, хотя, естественно, ничего значимого не увидел. — Ну и что?

— Я же говорю — она от дома отъехала, а я за ней побежал — посмотреть хотел, как она уедет. На углу стоял, вон там. Она так рванула, подрезала всех и замешкалась, может, заело что-то — а тут джип, огромный такой, черный, «шевроле-тахо» вроде, с

решетками спереди. Он, наверное, светофор на полной скорости проскочил — прям летел. И ей в бок! Прям в нее — где она сидела. Удар такой, машина перевернулась и покатила прямо, представляешь? А я когда подбежал, там куча мала уже, еще кто-то в нее врезался. А когда в сторону оттащили с дороги — уже не машина, а железка помятая. Банку пустую из-под спрайта возьми и наступи изо всех сил — вот то же самое будет...

Мальчишка плотно сжал зубы, качая головой. Недоверчиво-восторженный взгляд товарища заставлял его преувеличивать масштабы личной трагедии — но вот скупую мужскую слезу, так приличествующую случаю, выдавить никак не удавалось.

— И что, Паш? — выдохнул тот. — Дальше что?

— А что дальше? — Черноволосый вздохнул, пожимая плечами. Как бы показывая, что говорить больше не о чем, на самом деле покрываясь мурашками при воспоминании об увиденном. Стараясь выкинуть из головы лезшее в глаза нечто, бывшее ею, но после аварии ничем не похожее на красивую женщину, которая снилась ему столько раз, скорее на манекен поломанный. — Спасатели машину вскрывали, кровь везде...

Он махнул рукой, не желая вдаваться в подробности — которые видел, протиснувшись в первый ряд толпы зевак. И от которых его чуть не вырвало съеденными утром бутербродами с вареной колбасой.

— А я все думаю — куда Пашка делся? А ты вон где был... — Белобрысый, потрясенный рассказом не меньше, чем рассказчик, тоже попытался это скрыть — и потому заговорил намеренно грубым тоном, сразу выдававшим свою искусственность. — А чё ты дурак-то такой? Три урока задвигаешь, а потом припираешься да на директрису напарываешься еще. Ты б соврал хоть что — а то стоишь, щелкаешь. Чего матери теперь скажешь?

Черноволосый погрустнел, но тут же постарался показать, что это его не беспокоит. Что по сравнению с тем, что он пережил, это незначительная мелочь.

— Да и вообще, чё стоял-то тут и пялился? — Белобрысый нахмурил тонкие брови и сплюнул, что, на его взгляд, свидетельствовало о взрослости. — Сразу ж понятно — все, не трахнешься теперь! Хотел, хотел — а фиг чего вышло. «Завтра, завтра»! Я тебе что говорил — не тяни, зайди пораньше. Ну что неделю ждать было? Слушать надо умных людей!

— А как пораньше? — Черноволосый растерялся, честные глаза округлились. — Мать утром говорит, чтобы с ней выходил, не то запереть забуду, или свет оставлю, или еще чего, — а после школы чтоб к бабушке шел сразу, там обед уже, она ждет. Я в выходные хотел — а мать не уходила никуда, мне даже выйти не давала. Я только хо-

тел, а она сразу — ты куда? Два дня дома сидел — вот сегодня только вышел. И сразу к ней.

— Раньше надо было! — упрямо повторил бело-брысый. — Так, может, и выгорело бы чего — а теперь...

— Да ведь почти все получилось, Лень! Правда — зуб даю! — Черноволосый умоляюще смотрел на приятеля, прижав руки к груди, словно хотел этим жестом убедить его в своей искренности. — Представляешь — как в кино! Звоню ей в дверь, она открывает — а на ней халат только. Я ей про карты говорю, протягиваю их, а у нее халат раскрылся совсем, а под ним ничего. Вообще голая — правда! А она на карты смотрит — их же не было два дня, она про них забыла, наверное, уже, а тут снова. А я на нее смотрел — долго-долго. Я же тебе ее показывал, помнишь — красивая, высокая, а когда голая, вообще...

Мальчишка захлебнулся словами, не зная, как описать увиденное, как выразить то, что испытал. Но собеседник, похоже, и без слов все понял — и, покосившись на него с завистью, пренебрежительно хмыкнул. Словно видел в своей жизни такое количество женщин, разумеется, обнаженных, что это зрелище его давно утомило.

— Да ничего телка — нормальная. Ничего такого вообще — но так, на один раз сойдет... Ладно, дальше-то чего?

Черноволосый, ждавший совсем другой реакции, посмотрел на приятеля так, словно тот оскорбил какую-то святыню, — и, сжав зубы, вдохнул воздух через нос, шумно выдыхая его обратно.

— Да ничего интересного, — бросил небрежно. — Ладно, пошли, мне к бабушке еще...

— Да ты что, Паш?! — засуетился белобрысый. — Ты кончай, чего ты — рассказывай давай!

— Ну что — пригласила попить кофе, про девчонок расспрашивала, с кем встречаюсь, все такое...

— Небось узнать хотела, трахался уже или нет? — осведомленно предположил белобрысый. — Охота ей с мальчиком связываться! Ты б сказал — да куча уже была!

— А ты как думал — я так и сказал. — Черноволосый чуть покраснел. — Я ж не дурак, Лень.

— А она? — Белобрысый запереминался с ноги на ногу в предвкушении чего-то такого, в голове его бродили смутные образы обнаженных тел, виденных в журналах или в телевизоре. — А она что?

— Она... — Его собеседник задумался на мгновение. — Да ничего — на вечер в гости пригласила. Скучно, говорит, мужики вокруг козлы какие-то, а ты мне нравишься — давай просто посидим вдвоем, выпьем. И вообще.

— Так и сказала? — В глазах белобрысого было нечто вроде благоговейного восторга. — Вот прям так?

— А что такого? — Черноволосый пожал плечами с таким видом, будто для него это было самое обычное дело, будто такие предложения от эффектных взрослых женщин он выслушивал ежедневно, может, даже по несколько раз на дню. — В общем, потрепались, кофе попили, она красоту наводила еще, одевалась — ей на работу надо было. До машины ее проводил, поцеловала меня еще — сказала, днем созвонимся. Телефон свой оставила — вот на визитке, видишь? И сто баксов еще дала — чтоб костюм себе купил хороший. Сказала — может, в ресторан сходим сначала, а потом ко мне вернемся...

Белобрысый молчал подавленно, бережно вертя в руках кусочек картона с золотым тиснением спереди и небрежно выписанными семью цифрами сзади — а потом рассматривая на свет бумажку, какой никогда не держал в руках.

— И все? — спросил, оправившись от потрясения — стараясь вложить в вопрос пренебрежение, но безуспешно. — А трахнуться так и не получилось, значит?

— Ну-у-у... — протянул неопределенно черноволосый, уже понимая, что произвел впечатление, но собираясь окончательно добить огорчающего его своим скептицизмом Леньку. — А деньги такие, думаешь, откуда — думаешь, их чужим дают? Ты только никому, понял — получилось кое-что. Она

сама сказала — раз уж ты меня голой видел, давай-ка сам раздевайся. А куда денешься? Снял все, а она — давай я, говорит, тебе кое-что сделаю, чтобы вечера посильнее ждал. А вечером вообще все будет как захочешь. Ну, понял?

— Рукой? — У белобрысого был такой вид, словно ему сообщили, что, пока он сидел в школе, все взрослые женщины соблазняли всех прогуливающих уроки мальчишек его возраста. — Или — или туда?

Черноволосый напрягся, показывая, что абсолютно не умеет лгать, — не увидеть и не услышать это мог только его наивный приятель.

— Сам ты рукой! — уронил с деланным и совершенно неубедительным, мягким чересчур презрением. И, судорожно покопавшись в окоченевшей вдруг памяти, извлек запомнившийся эпизод из «Калигулы», тысячу раз просмотренного у Ленки в отсутствие родителей. — Ртом, конечно. Не слышал, что ль, про такое? Только не начинай тут — а что, а как?! Сам знать должен. Да и не буду я об этом говорить — некрасиво, она погибла все же. А когда бабушку отцовскую хоронили, мне мама сказала — о покойных или хорошо, или ничего...

— Ну ты даешь, Пашка! — после долгой паузы произнес наконец белобрысый, не скрывая восхищения приятелем. — А я, дурак, все думал, что ерундой ты занимаешься. Да, а ты ей про карты сказал?

— Не успел, — честно признался черноволосый. — Вечером хотел — думаю, сядем, я ей и расскажу все. Что познакомиться хотел, вот и план разработал — и у матери деньги стащил, чтобы семь колод купить. Вот она удивилась бы, да? А потом думаю — что тянуть, прям сейчас расскажу, пока на работу не уехала. А что — я ж из-за нее все это, ей бы понравилось. А только собрался, как раз у машины, — а она отъехала уже...

— Жалко, да? — сочувственно спросил белобрысый. — Правда жалко, Паш?

Черноволосый хмыкнул неопределенно — благодаря взглядам и тону приятеля чувствуя себя круче некуда.

— Да что теперь? — бросил небрежно. — Я тут насчет Ленки Овчинниковой из десятого подумал — похуже, конечно, чем Ольга была, но на раз сойдет. Только карт купить еще надо. Если тут шести колод хватило — на Ленку и трех хватит...

И, краснея и в глубине души извиняясь перед той, чей образ рассеивался потихоньку в его мозгу, прощально повернулся спиной к Садовому кольцу...

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

- ◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.
- ◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".
- ◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".
- ◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".
- ◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.
- ◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.
- ◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.
- ◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".
- ◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".
- ◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".
- ◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрена.
- ◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".
- ◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательской группы "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584, 209-6601.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905.

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Луганская, д.7. Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

В Санкт-Петербурге: Невский проспект, д.72, магазин №49. Тел. 272-90-31

Литературно-художественное издание

Оранская Анна

Хабалка

Художественный редактор О. Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: Н. В. Пашкова

Технический редактор О. В. Панкрашина

Младший редактор Н. К. Чернова

Подписано в печать 17.02.00.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 252.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат

№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»»

ЛР № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

BOSTON PUBLIC LIBRARY

3 9999 04162 837 9

WITHDRAWN

No longer the property of the
Boston Public Library.

Sale of this material benefited the Library

10. 02

ХАБАЛКА

Она — женщина, которая сделала себя сама.

Женщина, которая из провинциальной нищеты сумела прорваться к богатству, роскоши, власти.

Женщина, которая никогда не выбирала средств в борьбе с врагами.

А значит, враги тоже не будут выбирать средств, чтобы уничтожить ее...

ISBN 5-237-05207-X

9 785237 052077